

Виталий Бугров В поисках завтрашнего дня

Виталий Бугров
**В поисках
завтрашнего дня**

Виталий Бугров

***В поисках
завтрашнего
дня***

**О фантастике всерьез
и с улыбкой**

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981

Виталий Бугров родился в 1938 году в городе Ханты-Мансийске. Окончив филфак Уральского госуниверситета, работал в школе, а с 1966 года — в редакции журнала «Уральский следопыт», где вот уже полтора десятилетия ведет раздел фантастики.

Истории и сегодняшним проблемам этого популярнейшего вида литературы посвящены статьи, очерки, рецензии В. Бугрова, публиковавшиеся на страницах «Уральского следопыта», «Урала», «Мира приключений», различных сборников фантастики, выходявших в Свердловске и Москве. Многие из этих материалов легли в основу книги, которую вы сейчас держите в руках.

Читатель найдет здесь написанные в популярной форме очерки, этюды и литературоведческие заметки из истории зарубежной, русской дореволюционной и советской фантастики. Тема, объединяющая материалы книги, — исследование научно-фантастических идей, сюжетов и образов в их историческом развитии — от произведений фантастов минувших веков до новинок сегодняшней советской фантастики, в том числе и уральских новинок. «В поисках завтрашнего дня» — первая книга Виталия Бугрова.

Зовет страна Фантастики

Бурная атмосфера научно-технической революции чрезвычайно благоприятствует индивидуальному и коллективному мифотворчеству. Один из наиболее устойчивых мифов — наука все может. Второй — все наши беды из-за науки. И несмотря на внешнюю противоречивость этих концепций, они превосходно уживаются друг с другом, ибо невежество всегда сильно упрямым единством.

Великий — не боюсь этого слова! — фантаст Рэй Брэдбери к роману «451° по Фаренгейту» взял эпиграфом слова Хуана Хименеса: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек». Прекрасная формула! Прекрасная и для новаторов, и, увы, для ретроградов тоже.

«Пиши поперек!» И вот уже в странном пространстве казанского профессора Лобачевского сходят с ума Евклидовы параллельные.

«Пиши поперек!» И холодное понятие «бесконечность» становится привычно-домашним благодаря гению Эйнштейна.

Но — «пиши поперек!» И «лженаука» кибернетика вынуждена долгие годы доказывать свое право на существование.

«Пиши поперек!» И атомный гриб над Хиросимой рождает мистический страх перед всесильной и безжалостной наукой.

«Пиши поперек!» И надо спасать реки и озера от приверженцев «поперечного писания».

Стоит ли множить примеры? — вы знаете их лучше меня...

И вот странность. Научная фантастика, литература «второго сорта», какой она еще недавно считалась снобами-критиками, именно она посвящает себя борьбе с мифами XX века, становится одним из ведущих жанров Большой Литературы, получает многомиллионную читательскую аудиторию, оказывает заметное влияние на формирование сознания молодого поколения. Почему так? Да потому так, что в эпоху НТР литература, изображающая перспективы научного творчества в теснейшем взаимодействии с социальным развитием, не может не привлечь всеобщего внимания.

Еще совсем недавно фантастику считали литературой научного предвидения и всерьез подсчитывали, сколько изобретений Жюль Верна обрело жизнь в технике и науке. Что ж, и сегодня элемент научного предвидения в фантастике со счетов не сбросишь. Но разве в нем суть фантастики? Суть ее — будить живую мысль, показывать человека — каким он будет завтра, послезавтра, через сотни лет...

Один интеллигентный студент-физтеховец спросил меня как-то: «Зачем нужна фантастика, если наука сегодня куда как фантастична?»

Завтрашний физик, апологет мифа номер один — о всесии науки — вряд ли станет хорошим ученым: он зашорен, как лошадь в упряжке, рамками — пусть широкими, но все же рамками — своей великолепной дисциплины. Никакая наука сама никогда не решит никаких социальных проблем. Все создано и все создается людьми — и сегодня, и завтра, и через сотни лет. И судьбы нашего Сегодня и нашего Завтра — в руках людей, творящих, впрочем, и науку.

Банальна истина: раньше и небо было голубее, и воздух чище, и зима как зима, и лето как лето. «Физики виноваты», — вздыхает мифотворец номер два, который между тем ездит на уик-энд в лес на «Жигулях», не может жить без телевизора, лифта или телефона.

Нас, советских писателей-фантастов, упрекают в том, что мы-де не видим тревожных симптомов, которые якобы говорят о приближении «страшного суда» над бездумным человечеством, захотевшим слишком многое взять у природы. Но мы видим эти симптомы, и нас волнует то, каким будет мир, в котором жить уже не нашим героям — нашим потомкам. Но, думая о будущем, его фундамент надо закладывать сегодня. И фундамент этот без науки не заложить. Я позволю себе еще раз вспомнить Рэя Брэдбери, сказавшего однажды: «Сами машины — это пустые перчатки. Но их надевает человеческая рука, которая может быть хорошей или плохой». Повторюсь: судьбы нашего Сегодня и нашего Завтра — в руках людей... Вот почему сегодняшняя фантастика, не забывая о научном предвидении, исследует людей — их характеры, их взаимоотношения, их интересы, их поступки — в ситуациях, естественно, фантастических — это уж наша, и только наша, прерогатива.

Говорят: страна Фантастики — придуманная страна. Что ж, можно и так сказать. Но мне по душе иные слова: страна Фантастики — страна мечты, завтрашний — счастливый! — день нашей планеты!

О нем мечтают фантасты всего мира.

Но разве не о нем же мечтают ученые всего мира? Разумеется, те, кто умеет в науке «писать поперек», но никогда не «пишет поперек» разуму, «поперек» нравственности, «поперек» человечности.

А значит, дело у нас одно, и не зря сегодня фантастику называют литературой НТР.

Страна Фантастики — это страна романтики, но не ложной, не пустой, а подлинной романтики великих свершений, героических дел во имя человека. Страна эта существует, и путешествуют в нее миллионы — без виз, без паспортов, без оглядки на возраст, профессию и даже пол, хотя все же, к прискорбию, прекрасная по-

ловина человечества к путешествиям туда не очень склонна... Но вот что обидно: критики и литературоведы все еще маловато вспоминают о ней, этой стране, а ведь путешественнику — особенно начинающему — трудно обойтись без хорошего путеводителя.

Книга Виталия Бугрова «В поисках завтрашнего дня», написанная живо, остроумно и в то же время серьезно и обстоятельно, не является, конечно, — как это подчеркивает и сам автор — путеводителем-универсалом. Но во всяком случае это — надежный компас, который приведет странствующего ко многим ярким достопримечательностям заветной страны Фантастики.

В самом деле, человеку, собирающемуся пуститься вплавь по волнам фантастики, обойтись без подобных книг трудновато. Что читать? Как читать? Где читать? С чего начинать путешествие и куда плыть? Естественные вопросы и столь же естественно получить на них исчерпывающие ответы. Виталий Бугров — в силу своей задачи — дает их, и, прочитав его книгу, начинающий «мореплаватель» уверенней станет ориентироваться в том роде литературы, что зовется фантастикой, что не первое десятилетие поражает воображение миллионов читателей — от семи до семидесяти лет, что — и с этим надо считаться! — оказывает заметное влияние на формирование юного человека.

В основу книги В. Бугрова легли его эссе, очерки, статьи по проблемам фантастики, публиковавшиеся на страницах «Уральского следопыта», «Мира приключений», новосибирского «Собеседника», различных сборников НФ. В первоначальном виде рукопись обсуждалась на Всесоюзном семинаре авторов, работающих в жанрах приключений и фантастики, который проходил в Москве в конце 1976 года. Рукопись была одобрена, но автор не спешил с ней в издательство — он взыскательно дорабатывал и дополнял свои очерки. И вот теперь наконец книга Виталия Бугрова пришла к чита-

телю. Не сомневаюсь, что она привлечет любителей фантастики широтой охвата материала, несомненным даром популяризаторства, удачно выбранной формой повествования.

Мой совет: воспользуйтесь этой книгой, отправляясь в страну Фантастики.

Счастливого вам путешествия!

Сергей Абрамов,
*председатель совета по приключенческой
и научно-фантастической литературе
Союза писателей РСФСР*

От автора

Фантастику наших дней — и советскую, и зарубежную — можно сравнить с айсбергом, в отличие от природных — непрерывно прирастающим сверху. Только в нашей стране десятки книг, сотни публикаций в журналах, альманахах и сборниках устилают ежегодно поверхность этого НФ айсберга. И он, понятное дело, тяжелеет, оседает, все более погружаясь в глубину, скрывая от наших глаз книги, еще вчера бывшие на виду, еще вчера общеизвестные и общедоступные. Уже и фантастика пятидесятых годов, родная и близкая читателям моего поколения, погребена под толстым слоем более поздних отложений. Что же говорить о фантастике довоенной? Или — о дореволюционной? Или — о совсем уж старой фантастике прошлого века?..

Мало кто из писателей-фантастов минувшего устоял под напором всесокрушающего времени; книги лишь очень немногих из них переиздаются и сегодня. Между тем сколько же интересного можно обнаружить, странствуя по лабиринтам вчерашней и позавчерашней фантастики! И не только интересного, а и поучительного, помогающего лучше понять сегодняшний день фантастики, тенденции и закономерности ее развития.

...Посверкивая причудливыми своими гранями в лучах не одного лишь земного, но и многих иных солнц, странствует воображаемый наш айсберг по просторам необъятного Книжного Моря. Странствует неторопливо, нередко окутанный туманом недоверия, непонимания. Немало людей лишь в общих чертах знают о его существовании: книги с грифом НФ случайны на их читатель-

ском пути, и многомерные миры фантастики так и остаются для них закрытыми. Немало и таких (это частенько — мамы, нередко — школьные учителя), кому в далеком сиянии нашего айсберга видится скрытая угроза времени, отведенному школьникам на выполнение домашних заданий...

Впрочем, гораздо больше у фантастики искренних друзей, тех, кто, однажды с нею познакомившись, ищет все новых и новых встреч с удивительным миром НФ. Иные из них на свой страх и риск отправляются и в дальние экскурсии по владениям фантастики — благо, ныне к их услугам и первые, пусть неполные, но тем не менее внушительные библиографические работы, посвященные этому виду литературы.

Однако фантастика сегодня поистине необозрима, в лабиринтах ее легко и заблудиться, потерять направление, утратить перспективу, если нет рядом опытного проводника. Нужда в таких проводниках ощущается все сильнее. Но скажем сразу: книжка, которую вы держите в руках, отнюдь не претендует на роль всеобъемлющего путеводителя. Цель ее куда скромнее: высветить лишь отдельные магистрали и перекрестки, провести читателя лишь по некоторым памятным местам огромного мира фантастики.

В далеком уже от нас 1938 году Александр Беляев озаглавил свои заметки о фантастике выразительно и лаконично: «Золушка». Увы, заголовок этот довольно точно отражал то пренебрежительное отношение к НФ, которое бытовало тогда — да и в последующие годы — в нашей критике.

Еще и сегодня положение фантастики в литературе далеко от идеального. Однако она давно уже перестала быть Золушкой. Есть теперь и у нее своя почетная литературная «свита» — исследователи, летописцы, популяризаторы.

Наряду с монографиями, знакомящими с творчест-

вом выдающихся писателей-фантастов, выходят и книги, рассматривающие общие проблемы и тенденции развития НФ литературы. Среди таких книг последнего десятилетия назову прежде всего работу А. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (1970) — богатейшую по охвату материала и к тому же содержащую в качестве приложения библиографию советской фантастики, составленную Б. Ляпуновым.

Становление и развитие ряда ведущих тем в мировой НФ подробно исследует Ю. Кагарлицкий в книге «Что такое фантастика?» (1974). Темпераментно написанная небольшая, но насыщенная интересными раздумьями книжка Ю. Смелкова «Фантастика — о чем она?» (1974). Увлекательно излагает историю кинопревращений ряда популярных фантастических сюжетов Ю. Ханютин («Реальность фантастического мира», 1977). Первую у нас книгу о дореволюционной русской фантастике — «Не быль, но и не выдумка» (1979) — написал В. Ревич. Массу информации о современной англо-американской НФ содержит работа Вл. Гакова «Виток спирали» (1980).

И наконец, две книги, значение которых для любителей фантастики (особенно для начинающего ее читателя) переоценить попросту невозможно. Я имею в виду, во-первых, «Карту Страны Фантазий» (1967), автор которой, писатель Г. Гуревич, очень живо и популярно, с привлечением разнообразнейшего материала размышляет о различных аспектах фантастики, о ее, так сказать, структуре. Вторая книга — «В мире мечты» Б. Ляпунова (1970, переиздание под названием «В мире фантастики», 1975) — написана посуше, однако представляет собою тот самый тематический путеводитель, которым очень стоило бы запастись читателю, отправляющемуся в путешествие по стране НФ.

Перечислив далеко не все книги и брошюры о фантастике (в кратком предисловии обо всем не скажешь), я тем не менее хотел бы еще упомянуть о трех публи-

кациях Г. Альтова¹. Будучи не только (и к сожалению, не столько...) писателем-фантастом, но и изобретателем, автором широко известного «Алгоритма изобретений», Альтов исследовал прогнозы и гипотезы, высказанные в книгах Жюль Верна, Герберта Уэллса и Александра Беляева. Интересны выводы, к которым пришел исследователь, крайне любопытны сами таблицы, им составленные. Замечу кстати, что писатель уже многие годы работает над второй частью этого труда — «Регистром современных НФ идей и ситуаций», где препарированы, разложены по многочисленным полочкам тщательно продуманных классов и подклассов практически все идеи современной фантастики...

Вернемся, однако, к нашей книжке. На роль всеведущего проводника она, как уже говорилось, не претендует. Ее автор, и сам с детства принадлежа к племени любителей НФ, провел немало часов в захватывающих блужданиях по лабиринтам литературы мечты. Перед вами — некий итог этих странствий, описание ряда маршрутов и тех диковинок (фактов, идей, книг, нередко забытых, но достойных нашего внимания и сегодня), что встретились автору в его самостоятельных поначалу раскопках щедрого на сюрпризы и тайны мира.

Не могу не сказать о том, что при работе над рукописью неоценимой оказалась помощь многих любителей НФ — людей увлеченных, неумоимо любознательных и деятельных. Постоянные контакты с ними подсказали немало новых тем и направлений, частично реализованных в этой книге.

В первую ее часть вынесены очерки о некоторых стержневых идеях и темах мировой НФ, взятых в их

¹ Статьи Г. Альтова опубликованы в коллективных сборниках: «Мир приключений», кн. 9 (1963), «Эти удивительные звезды...» (1966) и «Талисман» (1973).

историческом развитии, о том, во что порою выливается идея фантаста, как подчас действительность превосходит самую, казалось бы, буйную выдумку. Во второй части собраны материалы, относящиеся к русской дореволюционной и советской фантастике. При этом к очеркам примыкают (в хронологическом либо тематическом плане) этюды и заметки, отражающие какие-то любопытные черты и грани многоликой НФ.

Имея дело с материалом, чаще всего малодоступным для широкого читателя, автор во многих случаях сознательно шел на обильное цитирование и пересказ содержания рассматриваемых произведений. Популярным характером книги продиктовано и почти полное отсутствие тяжеловесного — для издания подобного плана — справочного аппарата. Писать же о том или ином произведении, авторе или явлении, не учитывая уже существующей литературы, — значило бы заново изобретать велосипед.

Поскольку материал расположен в книге в основном по хронологическому принципу, приходилось неоднократно возвращаться к наиболее излюбленным фантастами темам (космические путешествия, пришельцы, роботы, перемещения во времени...). Автор не ставил себе задачей всестороннюю проработку каждой из этих тем в специальном очерке.

Вероятно, сказались в книге и какие-то субъективные привязанности, — перед вами вовсе не академически бесстрастное исследование. Однако же, привлекая, к примеру, особенно близкий его сердцу уральский материал, автор старался не преувеличивать значения вклада писателей-уральцев в общую сокровищницу НФ.

И наконец, последнее. Будучи искренне признателен многочисленным своим заочным друзьям за помощь и советы, автор рассчитывает на них и впредь. Мнение читателей об этой первой его книге автору, конечно же, далеко не безразлично...

Там — чудеса...

Бесконечные Гулливеры

История эта началась в последней четверти семнадцатого века.

Молодой англичанин, третий сын небогатого помещика, решает, подобно многим своим соотечественникам, попытаться счастья в мореплавании. Однако он на редкость неудачлив! Ему, увы, так и не удастся сколотить сколь-нибудь приличное состояние за первые пятнадцать лет самостоятельной жизни. 4 мая 1699 года (известна точная дата!) он отправляется в очередное путешествие — и оно заканчивается кораблекрушением. Добравшись вплавь до неизвестного острова, он в изнеможении засыпает на берегу, а проснувшись, обнаруживает себя пленником крохотных существ, чье государство расположено на этом затерянном в океане клочке суши...

В следующем путешествии спутники бросают его на берегу другого острова, спасаясь от одного из велика-

нов, которые там, оказывается, обитают и среди которых теперь предстоит жить — в качестве диковинного творения природы — нашему герою. Четыре года спустя корабль, капитаном коего наш герой, захватывают пираты; они бросают экс-капитана одного в челноке на волю волн, снабдив провизией на восемь дней, и — его счастье, что успевает он доплыть до страны, у обитателей которой «головы были скошены направо или налево, один глаз смотрел внутрь, а другой прямо вверх к зениту». Еще через пять лет на другом корабле, им ведомом, вспыхивает бунт, и мятежники высаживают его...

Впрочем, достаточно! Вы, разумеется, с первых же строк сообразили, о каком неудачнике идет речь. Конечно же, это давний ваш знакомый, известный вам еще по пересказам для самого юного возраста!

Четверть тысячелетия назад, в октябре 1726 года, опубликовал лондонский издатель Бенджамен Мотт двухтомные «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюзля Гулливера». И началось поистине триумфальное шествие «сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» по читающему миру! Уже в следующем году книга Джонатана Свифта появилась на французском, немецком, голландском языках, еще через год — на итальянском. С задержкой (которую, впрочем, с лихвой компенсировало со временем количество изданий) вышли «Путешествия Гулливера» в 1772 году и на русском языке.

Книга Свифта заняла в литературе особое положение — это одна из вершин мировой сатиры. Долгое время никому и в голову не приходило соотносить ее с научной фантастикой: да, в каждом своем путешествии Гулливер попадал в сугубо фантастическую страну, оказываясь в совершеннейше фантастической ситуации, но... В изысканиях литературоведов всегда сквозило это подспудное «но», резко отграничивавшее Гулливера от НФ.

Во-первых, Свифт всесторонне отразил эпоху (и в частности, ее прагматизм, тягу к путевой документалистике, к мемуарным свидетельствам прошедших «сквозь огонь, воду и медные трубы» очевидцев,— отсюда столь точная датировка отплытий и возвращений Гулливера). Во-вторых, книга Свифта — это несомненный политический памфлет, обличение (на каждом шагу, в каждой строке!) порядков, при которых торжествует несправедливость и узаконена глупость. В-третьих... В-четвертых...

И лишь в наше время, когда о фантастике — наконец-то! — заговорили всерьез, когда осознали немаловажную ее роль в формировании человеческих умов, когда, к слову сказать, и сама фантастика существенно изменилась, стала иной, чем, к примеру, лет двадцать — тридцать назад — книгу Свифта начали (не без оговорок, не без неизбежных книксенов перед мировой классикой) соотносить и с той отраслью литературы, которую мы привыкли называть научной фантастикой.

«Был ли Свифт научным фантастом?» — задавал вопрос Ю. Кагарлицкий¹ (пожалуй, первым на этот вопрос отважившийся) и, естественно, констатировал: «...нам остается лишь согласиться с тем, что Свифт был научным фантастом. Великолепным. Достойным того, чтобы у него поучиться».

И у него учились, ему следовали. Его учеником считал себя, например, Герберт Уэллс. И не только он...

Прочтите вот эти два отрывка.

«Читатель, несомненно, удивится, что, вопреки печальному опыту и клятве никогда в жизни больше не путешествовать, я тем не менее в июле 1914 года вновь расстался с женой и детьми, чтобы в качестве военного

¹ Так называлась его статья, опубликованная в сборнике «Фантастика». М., «Молодая гвардия», 1965, вып. 3.

врача двинуться на корабле «Бульверк» в воды Балтийского моря...»

«На рассвете девятого числа месяца героев 541 года нашей эры, датирующейся Октябрьской революцией в России, я с пятью другими историками вылетел на стратоплане с лондонского стратодрома в направлении Мельбурна...»

Лемюзель Гулливер только мечтал (да и то, если помните, лишь в самом начале — по неосведомленности!) принадлежать к «струльдбругам» — бессмертным, возраст которых в отдельных случаях приближался к тысяче лет. А ведь он, герой Свифта, должен был бы стать истинным «струльдбругом», чтобы дожить даже до первой мировой войны, — о 541-м годе коммунистической эры мы уж и не говорим! Так что не будем делать тайны: герои процитированных сочинений хотя и носят имя Лемюзеля Гулливера, однако вышли отнюдь не из-под пера Джонатана Свифта.

Первый из них вызван к жизни Фридьешем Каринти. Венгерский юморист, снискавший себе славу искусным пародированием писательских стилей, выпустил в 1916 году «Путешествие в Фа-ре-ми-до» — фантастическую повесть о «со-ля-си», неорганических существах, населяющих будто бы одну из планет Солнечной системы. Гулливер в этой повести — современник Каринти, с болью размышляющий о нищете, страданиях, болезнях, убийствах, коварстве и лжи, которые царят в мире и кажутся тем отвратительнее, что сопоставляются-то они с чистотой прекрасного общества «со-ля-си». (Заметим, что, не довольствуясь «пятым путешествием Гулливера», Фридьеш Каринти обнародовал в 1921 году и «шестое» — сатирическую повесть «Капиллария», в той же «неподдельно свифтовской» манере бичевавшую пороки буржуазной семьи.)

В более позднем «Гулливере у арийцев» (1936) немецкого писателя-антифашиста Георга Борна речь идет

уже не о нравах буржуазного общества вообще, а о конкретном и самом мерзком в истории человечества проявлении расистского насилия — германском фашизме. Профессор Эдинбургского университета Гулливер в далеком будущем случайно попадает на уединенный островок, где некогда — после крушения нацистского режима — укрылись восемьсот «лучших арийцев». Жалкое и смешное зрелище являет собой «великое арийское племя», в течение полутысячи лет последовательно проводившее в жизнь фашистские расовые теории. Физически выродившиеся, превратившиеся по существу в пещерных полудикарей, «арийцы» тем не менее с неувядающим жаром выкрикивают сакраментальное «хайль!», традиционно чтут свастику, плетут интриги в борьбе за власть, предавая при этом всех и вся, выслуживаясь перед более сильными, слабых обрекая на полуголодное прозябание. «Здесь прогресс был невозможен, — констатирует Гулливер, — население острова было бесповоротно осуждено на вырождение и гибель». И уже не герой, а его устами автор-антифашист говорит об ужасе, охватившем его, когда он подумал о том, «какая судьба постигла бы человечество, если бы полем для этих преступных экспериментов явился не жалкий остров, а земной шар»...

Судьба книг, получивших широкое признание читающей публики, универсальна: очень скоро им начинают подражать. Сказанное в полной мере относится и к «Гулливеру». По свидетельству исследователей, под именем свифтовского героя на одном только английском языке опубликовано до сотни сочинений — трактатов, фельетонов, утопических, сатирических и иных «продолжений», среди которых была даже «Лилипутская библиотечка, или Гулливеров музей: полная система знаний для юношества в десяти томах, составленная Лилипутиусом Гулливером» (1782)...

Практически невозможно даже просто перечислить

все «продолжения» свифтовской книги. Потому отметим лишь, что одно из первых таких сочинений вышло из-под пера аббата Дефонтена: вначале он перевел книгу Свифта на французский язык (кстати, перевод его оказался необычайно живуч, он выдержал во Франции свыше 170 изданий!), а тремя-четырьмя годами позже выпустил и собственное «продолжение», выдав его, как и следовало ожидать, за «перевод с английского манускрипта».

Отметим также, что далеко не всегда у Свифта заимствовали центрального героя-рассказчика.

Тот же Дефонтен героем своего произведения сделал не Гулливера, а... его сына. «Новый Гулливер, или Путешествия Жана Гулливера, сына капитана Гулливера» — так назывался этот типично французский «роман согласно правилам», где были и любовные приключения, и кровопролитные бои, и добродетельные дикари...

Висенте Бласко Ибаньес, достаточно известный еще и сейчас испанский писатель начала нынешнего века, среди множества других книг написал в 1922 году роман «Женский рай». Действие романа разворачивается в свифтовской Лилипутии, куда попадает пятнадцатый, по подсчетам аборигенов, «Человек-Гора» — молодой американский инженер. В миниатюрной стране этой произошли существенные изменения. Уже пятьдесят лет как свершилась «Истинная Революция», в результате которой к власти пришли женщины. Лилипутия и Блефуску объединились, образовав «Соединенные Штаты Счастья». Переименована и столица Лилипутии: Мильдендо называется отныне «Городом-Раем женщин». Но, хотя республика и «управляется как домашнее хозяйство, в котором отсутствуют беспорядок и безалаберность», новому «Куинбусу Флестрину» от этого не легче — ведь его даже переименовывают из «Человека-Горы» в «Раб-Гору»...

Не в Лилипутии, а совсем наоборот — в необъятной

стране «Людей-Гор» происходят события повести советского автора Л. Бермана «Путешествие по стране Авто» (1961). Юному лилипуту попадают в руки древние бумаги о пребывании в его стране «Куинбуса Флестрина». В техническом развитии Лилипутия представляет собой крайне отсталое государство, и отважный Мэлли по своей воле отправляется на поиски большого мира. Движимый любознательностью, он стремится разобраться в технике «Людей-Гор», с тем чтобы, вернувшись на родину, облегчить жизнь своего народа. Собственно, уже из названия книги ясна ее утилитарно-познавательная сущность — ненавязчиво объяснить «среднему возрасту» устройство автомобиля. Крошка Мэлли, без особых хлопот проникающий в самые мелкие узлы двигателя, помогает читателю увидеть все эти узлы изнутри. Живость изложения, обилие всевозможных приключений позволяют автору достичь поставленной цели, продемонстрировав вместе с тем, что Свифта можно продолжать не только на предмет сатирического обличения нравов...

Однажды, правда, Лемюэль Гулливер был похоронен. Случилось это в 1911 году в рассказе Леонида Андреева, который так и назывался — «Смерть Гулливера»¹. Печальное событие понадобилось русскому писателю, чтобы резко — вполне по-свифтовски! — высмеять обывателей. Сегодня они во всеуслышание превозносят тьму достоинств живого Гулливера, а назавтра, еще не успев захоронить погибшего, уже склонны видеть в нем всего лишь неуклюжего великана, ни к чему не пригодного и к тому же после смерти создавшего своим непомерно большим телом досадную помеху для транспорта...

Впрочем, бессмертие не так-то легко упрятать в небытие. Гулливер жив по-прежнему.

¹ Рассказ этот явился откликом на смерть гиганта русской литературы Льва Толстого.

Одно из недавних по времени «продолжений» Свифта — вышедший в 1973 году «Новый Гулливер» Богумила Ржиги. Чешский писатель поднимает в своем романе остро злободневный (как это почти всегда бывало при серьезном обращении к наследию Свифта) вопрос о чрезмерной технизированности современной цивилизации, о тревожном ее отчуждении от матери-природы.

...Два с половиной века продолжают странствия Лемюзля Гулливера по волнам книжного океана. В отличие от описанных им «струльдбругов», почтенный возраст едва ли сказался на неутомимом мореходе: он по-прежнему любознателен и, несмотря на многократные уверения в обратном, готов к новым путешествиям.

Поскольку же жизнеописание Гулливера неотделимо теперь в наших глазах от фантастики, да и сам он, как мы убедились, прочно вписался отнюдь не только в ее историю, — мы не особенно уже и удивляемся, обнаружив знаменитого капитана в очередной неведомой стране. Встретив на страницах свежего НФ сборника (к примеру, в «Фантастике-78») очередное «Пятое путешествие Гулливера», мы уже не пытаемся припомнить: сколько же их было — пятых и даже шестых?.. Мы отлично понимаем: автор (на этот раз А. Аникин) «командировал» Гулливера в свою Эквигомию затем, чтобы, не размениваясь на отвлекающие частности, в форме фантастического памфлета «предостеречь людей от опасностей, которые таит превращение в нищих духом и телом»...

Есть ли жизнь на Земле?

По вполне понятной причине мы более приучены к иной постановке вопроса. Есть ли жизнь... в первую очередь — ну, конечно же, на Марсе? (Те, кто видел фильм «Карнавальная ночь», вероятно, улыбнутся, вспомнив артиста Филиппова в характерной роли неза-

дачливого лектора, размышляющего публично на эту тему.) А кроме того, есть ли она на любой из прочих планет Солнечной системы и вообще во Вселенной? Сомнения в собственном существовании чужды нам, не так ли? Правда, в самые последние десятилетия стали появляться в фантастике и разнообразные — юмористические в основном — ситуации, когда, к примеру, венериане, изучая состав изрядно загазованной нашей атмосферы, крепко сомневаются в возможности жизни на Земле. Но это — в наши дни всеобщей озабоченности проблемами земной экологии. Речь же у нас пойдет... Впрочем, давайте обо всем по порядку.

5 июля 1737 года состоялось одно из самых, по-видимому, ранних посещений нашей скромной планеты представителями внеземных цивилизаций. Слово «скромный» употреблено здесь не в традиционном, чуточку уничижительном для нас смысле окраинности, периферийности нашего Солнца (и Земли вместе с ним) относительно центральных звездных улиц нашей Галактики. Ведь один из пришельцев не был даже инозвездным, поскольку происходил всего-навсего с Сатурна. Но вот размеры их!.. Сатурниец-то — еще куда ни шло: рост его равен был «всего лишь» тысяче туазов — двум километрам, если перевести в метрическую систему эту старинную французскую меру длины. Зато Микромегас — гигант из окрестностей Сириуса, компанию которому в его космических странствиях охотно составил «кроха» с Сатурна, — имел от головы до пят сто двадцать тысяч футов, что равно тридцати шести километрам!

Перепрыгивая с луны на луну, эта пара на попутной комете добралась до Юпитера и основательно — в течение года — его изучила. Остановиться же на Земле, показавшейся им после Юпитера поистине малюткой, они решили исключительно потому только, что на встретившемся ранее Марсе, впятеро — по данным XVIII века — меньшем нашей планеты, побоялись вообще не найти места для ночлега.

К слову сказать, — Марс... Ныне многим известна удивительная история Фобоса и Деймоса — его спутников. Официально они были открыты американцем Асафом Холлом в 1877 году. Неофициаль-

но же — на полтора века раньше открыли их астрономы государства Лапуту, как о том поведал посетивший этот летающий остров Лемюэль Гулливер... Свифт, между прочим, приводит даже расчеты орбит этих малых небесных тел, — разумеется, отличающиеся от тех, какие мы знаем сегодня. Но, по свидетельству Ю. Кагарлицкого, когда нынешние астрономы попробовали выполнить эти расчеты с помощью инструментов, которыми могли располагать современники великого англичанина, оказалось, что погрешности в его вычислениях продиктованы несовершенством самих инструментов...

Так вот. Французский писатель Мари Франсуа Аруз, известный всему миру под именем Вольтера, в своей философской повести «Микромегас», изданной в 1752 году (опять-таки за столетие с четвертью до «заявки» А. Холла), повторяет открытие Свифта! Космические пришельцы Вольтера тоже заметили обращающиеся вокруг Марса две луны, которые «ускользнули от глаз наших астрономов». Эти последние, предвидит писатель, будут, конечно, иронизировать по поводу их существования, но... «Я обращусь за защитой к здравому смыслу людей, привыкших судить по аналогии. Эти добрые философы поймут, как трудно было бы Марсу, столь удаленному от Солнца, обойтись менее чем двумя лунами...» Расчетов здесь, как видим, нет. Но тем не менее есть сами луны! Что же это — просто внимательное знакомство с книгой Свифта? Или же действительно отголоски какого-то древнего знания, если исходить из поговорки, утверждающей, будто все новое — это хорошо забытое старое? Кто решится однозначно ответить на этот вопрос?!

Впрочем, вернемся к нашей планете...

Приземлившись в северной части Балтийского моря, пришельцы отдохнули немного, позавтракали и, двинувшись неспешным шагом (неспешным — естественно, для Микромегаса: спутник-то как раз едва поспевал за ним, поскольку на каждый шаг гиганта вынужден был делать по двенадцать своих!), обогнули в течение тридцати шести часов всю Землю. При этом они «почти не заметили то пройденное ими болотце, которое носит имя Средиземного моря, а равно и мелкий прудок, называемый океаном и окружающий материки»...

Однако, к чести путешественников, с первых же минут пребы-

вания в новом мире их горячо заинтересовал вопрос о его обитаемости. Но органы чувств их не были пригодны для изучения миниатюрных существ, населяющих Землю... и «карлик» с Сатурна поторопился заключить, что планета безусловно необитаема. «Вы только посмотрите,— рассуждает он,— как этот мир дурно устроен, как до смешного неправильна его форма! Здесь все пребывает в полном хаосе: взгляните хоть на эти ничтожные ручейки, из которых ни один не течет по прямой; на эти пруды, которые ни круглы, ни овальные, ни четырехугольные,— правильной формы не заметно ни в одном; на эти острые пупырышки (он имел в виду горы — Гималаи им, к счастью, не встретились), которыми топорщится эта Земля и которые исцарапали мне все ноги!.. Никто, обладай он хоть тенью здравого смысла, не согласился бы жить в такой обстановке...»

Как напоминают поспешные умозаключения сатурнийца рассуждения героев нынешней фантастики, которые ведь тоже иной раз судят о встреченных ими мирах по весьма поверхностным признакам! Делают они это, разумеется, в полном согласии с авторским замыслом, предуготовляющим разнообразные испытания телу и духу своих героев.

То же и у Вольтера. Умудренный большим житейским опытом, почерпнутым в прежних путешествиях, Микромегас пытается внушить спутнику мысль об относительности самих свидетельств органов чувств. «Ведь не видите же вы своими маленькими глазками некоторых звезд пятидесятой величины, которые прекрасно различаю я,— так неужели заключите из того, будто эти звезды и не существуют?» Случай подтверждает правоту гиганта: им удается не только обнаружить, но даже и вступить в контакт с крохотными «инфузориями», какими предстают им обитатели Земли.

В повести великого остроумца и обличителя немало саркастических выпадов в адрес социальных пороков его эпохи. Таково, к примеру, язвительнейшее рассуждение о существе, в чьей руке мог бы поместиться весь земной шар: что оно подумало бы о тех битвах, следствием которых бывает сдача противнику двух деревень? Между тем, «очень может быть, что такие существа найдутся!» — замечает писатель вполне в духе наисовременнейшей нашей фантастики... Вольтер удивительно последователен в обличении лю-

бых форм «мирового зла» — отнюдь не абстрактного в его представлении. Все, что только можно извлечь саркастического, извлекает он из каждого своего допущения! «Я уверен,— заканчивает он приведенную выше мысль,— что если эти строки будут прочтены каким-нибудь гренадерским капитаном, то он немедленно сделает головные уборы гренадеров своей роты по крайней мере на два фута выше...»

Горек смех Вольтера по поводу несовершенств рода людского — горек и удивительно злободневен даже и для нашего XX века.

«Я сегодня убедился более, чем когда-либо, что о предметах никак нельзя судить по их наружной величине...» Это, увы, не единственное, в чем убеждается Микромегас в результате посещения Земли. Гигант не только телом, но — вполне под стать своему создателю — и духом, он убеждается еще и в том, что и на Земле нет-таки истинного счастья, что и у «разумных атомов» нашей планеты «плоти гораздо больше, чем нужно для того, чтобы делать зло, если считать, что зло происходит от плоти, и слишком много ума, если зло порождается им...»

Закljučая же наше знакомство с космическим путешественником Микромегасом, очень трудно перебороть искушение ответить утвердительным «да» на сакраментальное «был ли и Вольтер фантастом?».

Удачливый предок Кейвора

Удивительно, как прозорливо предугадывала порой старая фантастика идеи писателей последующих веков!

Первооткрывателем кейворита, возвестившего в фантастике эпоху антигравитационных кораблей и аппаратов, мы обычно считаем чудаковатого изобретателя Кейвора и родного его отца — Герберта Уэллса. Оно и понятно: попробуйте-ка назвать фантаста, который догадался бы «открыть» это заманчивое вещество до Уэллса!?

А что, если и вправду — попробовать?

...Отважный Доминико Гонсалес попадает на Луну. В коллекции дикивинок, которыми властитель лунного мира оделил предприим-

чивого искателя приключений, достойное место нашел себе камень **эболюс**. «Если приложить его к голому телу, он снимает все заботы и делает тело невесомым. Но если повернуть его другой стороной, он усиливает земное притяжение и придает телу вес вдвое больше прежнего...»

Пусть вас не смущает излишне вольное толкование природы тяготения. Ведь это ничуть не помешало Гонсалесу в решительный момент, когда при возвращении на Землю его летательной машине грозит падение, прибегнуть к помощи чудодейственного камня. «Поразмыслив, я решил, что сейчас или никогда настало время воспользоваться моим эболюсом. Я приложил его к обнаженному телу и...» И приземление завершилось вполне благополучно.

Так английский епископ и литератор Фрэнсис Годвин в книге «Человек на Луне», изданной в 1638 году, за двести шестьдесят лет до Уэллса предвосхитил знаменитое «открытие» Кейвора.

По следам Филеаса Фогга

Десятому роману Жюль Верна — «Вокруг света в восемьдесят дней» — с самого начала сопутствовал необыкновенный успех.

Филеас Фогг, подгоняемый жесткими сроками, мчался из города в город, из страны в страну... и тираж парижской газеты «Ле Тан», где в ноябре — декабре 1872 года печатался этот роман, неудержимо рос от номера к номеру. Читателя, традиционно полагавшего, что на кругосветное путешествие требуются многие месяцы (если не годы), завораживало, властно брало в плен и название романа, и само намерение хладнокровного англичанина совершить такое путешествие в восемьдесят дней. Кроме того, действие романа — очевидно, вовсе не случайно — разворачивалось именно в последние месяцы этого же, 1872 года, — роман читался как репортаж о действительных событиях! И как читался! Американские корреспонденты ежедневно сообщали по телеграфу в Нью-Йорк последние новости об

этом сенсационном путешествии. И уже в ноябре роман Жюль Верна начал печататься в переводе на русский язык в журнале «Русский вестник».

...Вот и Азия осталась позади, и Тихий океан. Не без приключений, но вполне успешно пересек Филеас Фогг американский континент. И тут читающая публика с волнением узнала, что пароход, на котором путешественник рассчитывал вернуться в Англию, покинул Нью-Йорк за сорок пять минут до того, как Филеас Фогг появился в порту. Опоздал!..

На помощь Филеасу Фоггу поспешила американская судоходная компания: она предложила Жюлю Верну крупное вознаграждение, если тот «перевезет» своего героя через Атлантику на лучшем из ее пароходов. Еще бы, такая реклама вполне окупала выделяемые на нее средства! Однако Филеас Фогг предпочел приобрести на собственные деньги «Генриетту» — пароход с железным корпусом, но деревянными надстройками. Как помнят читатели (а также и кинозрители, относительно недавно имевшие возможность познакомиться с эффектной экранизацией романа), эти деревянные надстройки оченьгодились путешественнику в его последнем морском переходе!..

Двадцать второго декабря «Ле Тан» известила своих читателей: Филеас Фогг, уже смирившийся было с неудачей, все-таки выиграл пари! Едва ли не насильно влекомый верным Паспарту, он появился в Реформ-клубе точно в срок — в минувшую субботу, двадцать первого декабря, ровно в восемь часов сорок пять минут вечера!

Чудесный способ, при помощи которого Филеас Фогг приобрел «лишние» сутки и тем посрамил коварную судьбу, вызвал во французской печати оживленную дискуссию¹. И эта дискуссия, в свою очередь, немало

¹ Подробно об этой дискуссии см. главу «История с географией» в очерке Евг. Брандиса «Забывшие страницы Жюль Верна»

способствовала популярности романа. В начале 1873 года он вышел отдельным изданием, почти тотчас последовали переводы на многие европейские языки. В одной только России в том же 1873 году роман Жюль Верна был издан в трех разных переводах!

И не улеглась еще первая волна споров, дискуссий, восторженных отзывов о романе, как в театре Порт-Сен-Мартен началась подготовка к премьере спектакля-феерии «Вокруг света в восемьдесят дней». Это было, по свидетельству парижского корреспондента «Отечественных записок», своеобразное «сценическое нововведение, ряд этнографических картин, что-то вроде волшеббно-географической сказки, имеющей целью **поучать, развлекая...** На пьесу уже стали появляться пародии — несомненный признак успеха»...

Пьеса выдержала 400 представлений подряд. В июле 1875 года ее посмотрел и русский писатель Н. С. Лесков, писавший сыну: «...это такое представление, что глаз не отведешь». Оно и не удивительно, ведь по сцене «проплывал» небольшой пароход, «проходил» поезд с локомотивом, перед зрителями появлялся живой индийский слон... 2250 раз была сыграна пьеса на парижской сцене в течение 1874—1938 годов! С неизменным успехом шла она десятилетиями и в театрах Петербурга и Москвы: картины жизни экзотических стран — даже если это очень беглые картины — всегда находили восторженных зрителей. Ведь тяга к необычайному всегда жива в каждом из нас. Чем иным объ-

(«Мир приключений», вып. 14. М., 1968). Что же до «лишних» суток, то появление их объяснено самим Жюлем Верном: «...Продвигаясь на восток, Филеас Фогг шел навстречу солнцу, и, следовательно, дни для него столько раз уменьшались на четыре минуты, сколько градусов он проезжал в этом направлении. Так как окружность земного шара делится на триста шестьдесят градусов, то эти триста шестьдесят градусов, умноженные на четыре минуты, дают ровно двадцать четыре часа, то есть сутки, которые и выиграл Филеас Фогг».

яснить повышенный (как об этом не раз писалось в газетах) расход электроэнергии в часы, когда по телевидению идет «Клуб кинопутешествий»? Да и феноменальные кассовые сборы упоминавшегося уже фильма по роману Жюль Верна — их ведь тоже никак не спишешь на счет одних только кинозвезд, в этом фильме занятых...

Пьеса о «путешествии, проделанном с максимальной быстротой», ставилась в театрах, роман издавался и переиздавался, и название оставалось все то же: «Вокруг света в восемьдесят дней». А земной шар между тем продолжал «уменьшаться»: все быстроходнее становились пароходы и поезда, все гуще опутывали планету линии железных дорог и трассы регулярных морских рейсов, все налаженнее и четче работал этот огромный механизм всепланетного транспорта.

Уже в 1889 году молодая американка Нелли Блай, репортер нью-йоркской газеты «Солнце», объехала вокруг света за семьдесят два дня. «Я не сомневался в успехе мисс Нелли Блай. Ура в ее честь!» — приветствовал путешественницу верный себе фантаст, неоднократно писавший и заявлявший устно, что «все, что человек способен представить в воображении, другие сумеют претворить в жизнь».

Два года спустя, в 1891 году, американская журналистка еще дважды совершила кругосветное путешествие — за шестьдесят семь и шестьдесят шесть дней. В 1901 году Гастон Стиглер, сотрудник парижской газеты «Эко де Пари», проделал то же самое в шестьдесят три дня. «Максимально быстрые» путешествия превращались в своеобразный спорт, причем достижения в этом «новом марафоне» всякий раз широко освещались прессой.

В 1911 году новый рекорд во времени — 40 дней 5 часов 42 минуты — установил еще один француз,

Андрэ Джагер-Шмидт. Но и этот «сногшибательный» рекорд продержался недолго: американец Джон Генри Мирс в 1914 году объехал земной шар всего лишь в 35 дней 21 час и 35 минут! Между тем «условия поездки Мирса были далеко не благоприятны»,— утверждал корреспондент старого «Вокруг света». Так, «около Екатеринбурга произошел размыв пути, задержавший поезд на 18 часов. Только благодаря содействию железнодорожных чинов путешественнику удалось наверстать утерянное время и подоспеть в Иокогаму к отходу почтового быстроходного парохода...»

Счет времени уже, как видим, пошел с точностью до часов и минут: развивалась техника, росли скорости, и путешествие все больше и больше превращалось в поездку.

В 1959 году пятнадцатилетний Клод Ласс, правнук Жюля Верна, совершил авиационную «кругосветку» за восемьдесят часов. А еще через два года первый космонавт Земли Юрий Гагарин затратил на облет нашей планеты восемьдесят минут. После этого рекордсменам кругосветных путешествий не оставалось ничего иного, кроме как обратиться к заведомо устаревшим видам транспорта. Такие путешествия совершаются ныне на автомобилях, велосипедах, в дедовских фургонах, а то и самым примитивным способом: пешком...

На примере свифтовского «Гулливера» мы уже убедились в том, что литературные произведения, в силу тех или иных причин вызвавшие определенный общественный резонанс, как правило, становятся объектом для подражаний: иногда — неосознанных и потому сугубо «серьезных», чаще — шутивных, пародийных.

О пародиях на пьесу по роману Жюль Верна уже упоминалось в приведенной нами цитате из «Отечественных записок». Но давайте продолжим эту цитату. «На одном театре дают «Путешествие вокруг света в

восемьдесят минут», а на другом — «Путешествие вокруг света в восемьдесят ночей»...» — писал корреспондент журнала, ничуть не подозревая, конечно, о том, что по крайней мере название первой из этих пародий неожиданно окажется воистину пророческим.

Не заставили себя ждать и подражания роману.

Вскоре после путешествий Нелли Блай итальянец Улисс Гриффони написал роман «Вокруг света в тридцать дней». Некий американец, герой этого романа, более чем в два раза превышал рекорд Филеаса Фогга. И последний умирал от огорчения, узнав об этом...

В 1908 году в петербургском журнале «Природа и люди» появилось — в переводе с французского — еще одно подражание Жюлю Верну: роман Поля д'Ивуа «Вокруг света с гривенником в кармане». На этот раз герою, журналисту Лавареду, по завещанию отходит многомиллионное наследство. Но... лишь в том случае, если он сумеет объехать вокруг света «зайцем», с пятью су в кармане. (Французское издание романа так и называлось: «Пять су Лавареда».) И вот журналисту приходится хитрить, изворачиваться, не брезговать дарами обедами...

А в 1911 году «Вокруг света» начал печатать с продолжением роман Роберта Крафта «На автомобиле вокруг света», тоже явно навеянный романом Жюль Верна...

Впрочем, Жюль Верн, всегда склонный к иронии и шутке, и сам предвидел возможность появления «вариантов и вариаций» своего шумно знаменитого романа. Предвидел и, в свою очередь, иронизировал над ними.

В его романе «Клодиус Бомбарнак», опубликованном в 1892 году, среди пассажиров экспресса «Россия — Пекин» есть незадачливый немецкий барон с «нескончаемой» фамилией Вейсшнитцердёрфер, который мечтает посрамить всех прежних рекордсменов: объ-

ехать земной шар за тридцать девять дней. Честолюбивому соискателю рекордов и в самом деле удастся осуществить свое намерение. Но лишь наполовину: все путешествие он заканчивает... на сто восемьдесят седьмой день!

И наконец, еще один любопытный факт из «послужного списка» знаменитого романа, связанный на этот раз с именем... Льва Толстого.

Из воспоминаний современников нам известен восторженный отзыв писателя о французском фантасте: «Романы Жюль Верна превосходны! Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев!..»

В середине семидесятых годов в семье Толстых были часты вечерние чтения. Наступал вечер, дети окружали Льва Николаевича, и тот прочитывал им одну-две главы из новой книги необычайно популярного в те годы Жюль Верна.

Привезенный из Москвы новый роман — «Вокруг света в восемьдесят дней» — оказался без иллюстраций, и это, очевидно, разочаровало юных слушателей. И тогда...

«Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам, — вспоминал И. Л. Толстой. — Каждый день он приготовлял к вечеру подходящие рисунки, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах...»

Рисунки были в основном выполнены пером, черными чернилами, на небольших листках бумаги, и были, конечно, далеко не профессиональны. И все же герои жюльверновского романа на рисунках Льва Николаевича Толстого — живые люди, настроение которых в различные моменты — различно.

«...Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку...»

Часть этих рисунков со временем была, по-видимому, утрачена: в фондах музея Л. Н. Толстого сохранилось до наших дней лишь семнадцать набросков к роману Жюль Верна. Тринадцать из них, по свидетельству специалистов, выполнены самим Львом Николаевичем. Эта сюита¹, столь, казалось бы, «неожиданная» в наследии титана реалистической литературы, — вещественное доказательство той увлеченности, с какою читался — да и сегодня еще читается! — знаменитый роман.

Проданный... аппетит

Эта «невыдуманная» история произошла лет через десять после того, как Филеас Фогг совершил свое рекордное путешествие.

Эмиль Детуш, голодный и иззябший парижский безработный, стоя перед витриной, залитой светом, забитой дичью, рыбой и фруктами, твердо решил покончить с собой. И именно в этот момент отверженным бродягой вдруг заинтересовался «высокий тучный господин с черной бородкой и волосами, с одутловатым лицом, с огромным животом, еле помещавшимся в просторном, с трудом застегнутом пальто». То был мсье Ш. — король угля и железа, один из богатейших людей Франции.

Нежданный филантроп накормил Эмиля Детуша изысканным обедом, во время которого не уставал «придерживать» аппетит своего подопечного.

«Капельку терпения, друг мой, — мягко, но настойчиво убеждал он Эмиля. — Поберегите ваш аппетит — это наиболее ценное из

¹ Все тринадцать рисунков воспроизведены, с комментариями Евг. Брандиса, журналами «Наука и жизнь» и «Детская литература» в сентябрьских номерах 1978 года, посвященных 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

благ... Вы слишком набиваете себе желудок... Будьте умеренны... Довольно этого паштета из перепелок... Приберегите свои силы для пулярки.» Не забудьте, что еще будет салат из морской капусты...»

Когда Эмиль окончательно насытился, мсье Ш. изложил ему свое не совсем обычное кредо. «Я живу только желудком и только для желудка! — заявил он. — Есть — это высший долг! Все религии сделали из этого священный обряд: самая торжественная церемония католицизма — причащение, вкушение бога, тайная вечеря; метафизики-индийцы впадают в мистический экстаз при созерцании пупка — центральной точки живота... Желудок — вот истинный бог человечества!»

Посетовав затем на то обстоятельство, что «желудок человека ограничен, позорно ограничен, и в довершение беды глаза у нас ненасытнее желудка...», мсье Ш. закончил сенсационным признанием: «Я знаю благодетельное искусство заставлять других переваривать то, что я ем!» И предложил ошеломленному Эмилю Детушу за две тысячи франков ежемесячного дохода продать ему — мсье Ш. — свою пищеварительную энергию. Совершенно так же, как «рабочие продают свою мускульную силу, инженеры — интеллектуальную, кассиры — честность, кормилицы — молоко и материнские заботы»...

(— Что это? — удивится искушенный читатель. — Малоизвестный рассказ фантаста-сатирика Ильи Варшавского? Нечто похожее, помнится, встречалось...

Повременим с ответом на этот вопрос. Вернемся к содержанию рассказа.)

Обрадованный Эмиль Детуш подписал контракт на пять лет. И началась новая жизнь! Увы, далеко не сладкая, как вскоре же выяснилось.

Обретя Эмиля, мсье Ш., этот ужаснейший обжора, освободился от угрозы несварения желудка и теперь неистовствовал!

А Детуш? Не различая ни запаха, ни вкуса, Детуш переваривал пищу, которую в неограниченных количествах поглощал его хозяин. Из дома Эмиль выходил только на прогулку, обусловленную одним из пунктов контракта — предусмотрительный мсье Ш. заранее поза-

ботился о том, чтобы приобретенный им «мешок для провизии» поддерживал себя в «рабочем» состоянии. Большую же часть дня Эмиль проводил отныне в дремотной истоме. И отвращение пресыщенного и бессильного человека ко всему, что живет, движется, кричит, постепенно охватывало его душу.

Детуш попытался было разорвать контракт. Однако нотариус разъяснил ему, что это невозможно. «В нашем цивилизованном обществе бедняк существует не для себя, а для других...»

Отчаявшись, Детуш бросился в Сену. Но его спасли... и приставили к нему здорового верзилу-сторожа. Тот поднимал Эмиля с постели, едва начинало светать, и заставлял долго бегать по полям, чтобы «приготовить патрону утренний аппетит». Смирившийся, подавленный, изнемогший, почти вконец оступевший, Детуш жил без желаний, без конца переваривая пищу, которую не ел.

Но в конце концов взбунтовался. Ускользнув от сторожа, Детуш с пистолетом в руке проник к мсье Ш., когда тот, сияющий и благодушный, с красным лицом и со спокойной совестью, как раз собирался сесть за стол. Выстрелом в живот Эмиль уложил его. После чего, явившись в полицию, без утайки поведал печальную свою историю.

Врачи-психиатры признали Детуша сумасшедшим. Его заперли в Шарантоне, знаменитом парижском сумасшедшем доме, и подвергли насильственному лечению холодным душем и смирительной рубашкой. А мсье Ш., которому врачи спасли жизнь, спустя несколько недель возобновил свои чудовищные пиршества. Естественно, и в Шарантоне Детуш не был освобожден от неосмотрительно подписанного им контракта...

Таково содержание коротенькой — на двадцать — тридцать страничек — фантастической повести, которая, хотя и напоминает рассказ «Индекс E-81», не могла быть написана Ильей Варшавским. Просто потому, что появилась-то она поначалу на немецком языке, причем еще в прошлом веке, в 1884 году.

Автором «Проданного аппетита» был... Поль Лафарг. Близкий друг и ученик К. Маркса и Ф. Энгельса, «один из самых талантлив-

вых и глубоких распространителей идей марксизма», как назвал его В. И. Ленин.

Приступая к «невыдуманной» истории бедолаги Детуша, Лафарг со скрытой улыбкой напоминает в предисловии, что «Шамиссо, Мэри Шелли, Гофман, Бальзак и недавно Безант и Рис сообщали аналогичные случаи». И дальше откровенно иронизирует: «Дело врачей собрать и сравнить эти исключительные факты, которые были установлены людьми, достойными доверия, изучить их и сопоставить с чудесами, о которых повествует религия и которые они (т. е. ученые-медики.— В. Б.) лишают их сверхъестественного характера...»

Припомним хотя бы недавно переизданную в нашей стране повесть Адельберта Шамиссо о Петере Шлемиле, продавшем свою тень, или «Шагреновую кожу» Бальзака, или знаменитого «Франкенштейна» Мэри Шелли, нетрудно заметить, чем качественно отличается «Проданный аппетит» от фантастических произведений упомянутых Лафаргом писателей. Все они трактовали беды и несчастья своих героев в плане сугубо абстрактной морали. И Шлемиль, и Франкенштейн, и герой Бальзака сами виноваты в своих бедах и несчастьях: это человеческая натура толкнула их на необдуманные поступки, повлекшие за собой гибельные последствия...

Убежденный марксист Лафарг, конечно же, зорче своих «коллег по фантастике». Капиталистическое общество, социальная система, основанная на эксплуатации человека человеком,— вот где корень зла, вот в чем заключена истинная первопричина страданий Эмиля Детуша. И стало быть, бесплодны тут самые добрые пожелания абстрактных моралистов. Надо допросто изменить установившиеся общественные порядки— а справиться с этим может только пролетарская революция...

На заре современной социальной фантастики Поль Лафарг сумел разглядеть ее огромную разоблачительную силу. Талантливый памфлетист, он блестяще реализовал в «Проданном аппетите» возможности жанра. Не зря же лежащее сейчас передо мною дореволюционное русское издание этой фантастической повести, выпущенное прогрессивным петербургским книгоиздательством «Молот», приходится на грозный 1905 год...

Космическая одиссея профессора Осипова

«...Гром извержения и подземная пальба с каждой секундой все увеличивались. Вагон качался, словно утлая лодка на морских волнах. При каждом ударе наши путники ожидали, что вот-вот огненная лава и сжатые газы найдут себе проход и выбросят вагон в пространство или вдребезги разобьют его...»

Что это за вагон? При чем тут извержение? Кто эти путники? И вообще — где это происходит?

Происходит все, естественно, на страницах фантастического романа. Старого, написанного еще в прошлом веке. Мне показалось любопытным познакомить с его содержанием сегодняшнего читателя, поскольку роман этот в известной степени является своеобразной энциклопедией астрономических и иных гипотез последней трети XIX столетия. Того самого периода, когда в науке, обогатившейся величайшими открытиями,

остро назрел, по словам Ф. Энгельса, «конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления»...

Главный герой романа — петербургский профессор Михаил Васильевич Осипов. «Это был низенький старичок лет шестидесяти, весь седой, но чрезвычайно живой, бодрый и энергичный. Широкая лысина увеличивала и без того высокий лоб старичка, и только на затылке и висках оставались еще длинные седые волосы; умные, быстрые глаза пытливо глядели через стекла очков».

Вся жизнь профессора отдана решению проблемы межпланетных сообщений. Луна, небесная соседка Земли, таинственная владычица ночного неба,— это о ней по-юношески пылко мечтает Осипов, к ней устремлены все его помыслы... В конце концов ученому удастся изобрести необыкновенно сильное взрывчатое вещество, названное им — в честь дочери Елены — «елени-том». Чтобы читатель мог получить представление об этом веществе, заметим, что несколько фунтов «елени-та» могут поднять в воздух большой город, а сотня пудов способна разнести на куски и весь земной шар...

Изобретение «елени-та» позволяет профессору осуществить давнюю его мечту. Вместе с дочерью, ее женихом — молодым французским дипломатом Гонтра-ном Фламарионом, товарищем жениха — талантливым чешским инженером Вячеславом Сломкой — и увязавшимся за ними незадачливым американским коммерсантом Фаренгейтом профессор Осипов готовится отбыть на Луну.

Стараниями профессора и, главным образом, инженера Сломки построен замечательный вагон-граната — надежный космический корабль, в котором предусмотрено буквально все, вплоть до буферов с «весьма сильными пружинами», должных ослабить силу удара при

падении на Луну. Правда, современный читатель не сможет не заметить и кое-каких излишеств — для этого достаточно прочитать хотя бы следующее описание:

«Внутренность снаряда походила на футляр для драгоценностей. Обои из толстой шелковой материи, пушистый ковер, покрывающий пол, поднятый на рессорах; мягкий диван кругом стены, изящная люстра в четыре лампы, привешенная к потолку,— все это делало вагон-гранату очень уютным...»

Фигурирующая здесь люстра, как и следовало ожидать, конечно же, разбивается в момент прилунения..

Но повременим с придирками. Тем более что в Южной Америке, близ Кито, нашими героями уже присмотрен вполне приличный вулкан Котопахи, извержение которого, согласно показаниям изобретенного Сломкой сейсмографа, должно произойти в очень удобный для путешественников момент наибольшего сближения Луны с Землей. И жерло вулкана уже соответствующим образом подготовлено: двадцати четырех дней оказалось вполне достаточно для сорока пяти вывезенных из Европы рабочих, чтобы превратить это жерло в гигантскую пушку и зарядить ее необыкновенным снарядом. Путешественники, заблаговременно отослав рабочих, уже забрались в свою «гранату». Нажатием кнопки взорваны заряды «еленита», которые должны открыть путь лаве и подземным газам. И...

«Вдруг ужасающий удар чуть не разбил вагон-гранату. Слуха путешественников достиг глухой рев вулкана, сопровождаемый пронзительным свистом... Несколько миллионов кубических метров подземного газа разом ринулись через кратер. Под их напором вагон-граната в огненном облаке вылетел из жерла Котопахи и менее чем в пять секунд миновал пределы земной атмосферы. Оставив Землю, он понесся в абсолютной пустоте межпланетного пространства...»

Таким-то вот оригинальным способом покидает про-

фессор Осипов родную планету... А ведь поначалу проект ученого вовсе не предусматривал использования вулкана. Подобно Барбикену и К^о из романа Жюль Верна «Из пушки на Луну», Михаил Васильевич Осипов возлагал все надежды на гигантскую пушку, в восьми-десятиметровом стволе которой последовательное воспламенение нескольких зарядов специально для этого-то и придуманного «еленита» должно было придать снаряду скорость, обеспечивающую путешественникам попадание на Луну.

Но давний недруг Осипова, честолюбивый венский астроном Шарп обманным путем завладевает чертежами нашего героя. Выдав их за свои собственные, он на средства американца Фаренгейта осуществляет выстраданный русским ученым проект. В последний момент коварному немцу удается обмануть и Фаренгейта, отправившись в путь без него и лишь по чистой случайности его не уничтожив. Потому-то американец и присоединяется к нашим друзьям — он жаждет мести, жаждет догнать, схватить ненавистного Шарпа, разделаться с ним, хотя бы для этого пришлось обшарить самую отдаленную лунную пустыню!..

Осипов потрясен случившимся. Да, конечно, он тоже может, самостоятельно построив свою «колумбиаду»¹, отправиться на Луну. Но запоздалое строительство неизбежно затянется, проклятый Шарп (сумевший, помимо всего прочего, на какое-то время изолировать Осипова, засадив его в... тюрьму!) успеет вернуться на Землю, где его непременно увенчают лаврами космического первопроходца. Теми лаврами, на которые, если быть откровенным, очень рассчитывал — вполне заслуженно, впрочем, — русский ученый.

В этот критический момент на высоте оказывается

¹ Название гигантской пушки в романе Жюль Верна, ставшее нарицательным для огромных орудий.

Гонтран. Осипов, надо заметить, презирает людей, не имеющих никакого касательства к астрономии; подобный «невежа» никогда не войдет в его дом на правах зятя... поэтому Гонтран вынужден выдавать себя за родственника знаменитого астронома Камиля Фламариона, причем за родственника — столь же (или почти столь же) знающего и многоумного, как и его именитый однофамилец. Подавив в себе отвращение к естественным наукам, Гонтран овладевает кое-какими крохами конкретного знания. И вот он-то и подает профессору счастливую идею — использовать вулкан в качестве природной пушки. Идею, которая показалась авторам романа значительно экономичнее и, главное, оригинальнее той, что уже была использована Жюлем Верном. Идею, которую они, авторы романа, столь блестяще — на наших глазах — реализовали...

Вообще же каких только способов передвижения в межпланетном пространстве не испытали на себе наши герои!

Попав на Луну, они окрашивают свою «гранату» загадочным лунным минералом, обладающим способностью притягиваться к Солнцу (вот и еще предтеча уэллсовского «кейворита», не правда ли?). Вот только воспользоваться модернизированным вагоном они не успевают: его у них, увы, похищает все тот же Шарп... Тем не менее путешественники покидают Луну. К Венере и оттуда на Меркурий они летят на корабле куда более реальном, чем фантастический минерал: этот корабль снабжен огромным параболическим зеркалом и движется за счет солнечных лучей... На обломке Меркурия, буквально оседлав комету, проносятся герои романа к Марсу, на один из спутников которого — Фобос — опускаются с помощью... аэростата. Марсианский электролет доставляет их на Марс. Здесь Сломка конструирует корабль, способный, подобно кальмару в воде, «плыть» в метеорном потоке. На этом корабле

герои отправляются к Юпитеру и от него к Сатурну, где в нужный момент (на исходе электричество, возобновить его запасы негде) вновь попадают на комету,— она услужливо несет их к родной Земле...

Космическая эпопея «В неведомых мирах», имеющая подзаголовок «Необыкновенные приключения русского ученого», состоит из четырех объемистых — до четырехсот и более страниц — романов. Правда, на русский язык переводились лишь два из них... Стоп,— переводились?! Да, именно так, поскольку написаны-то они, что тоже любопытно, младшими современниками знаменитого Жюль Верна — французами Жоржем Ле Фором (драматургом по основному роду литературных занятий) и Анри де Графиньи (известным в свое время, отнюдь не бесталанным инженером). «Путешествие на Луну» и «Вокруг Солнца», первые части тетралогии, появились на французском языке в 1888—1889 годах, уже в 1890—1891 годах они идут с продолжением сквозь годовые комплекты популярного «тонкого» петербургского журнала «Природа и люди», затем их дважды издает П. П. Сойкин; наконец, уже в советское время, в 1926 году еще раз выходит на русском языке роман «Вокруг Солнца».

Выдумка, фантазия Ле Фора и Графиньи поистине неистощимы. Мы уже продемонстрировали, как изобретательно рисуются межпланетные полеты в их книгах. Крайне разнообразен здесь и, так сказать, «местный» транспорт.

На Луне к услугам путешественников — «нечто вроде лодки на полозьях, которые бесшумно скользят по выемкам, высеченным в лаве». Вниз под уклон, набирая скорость, затем по инерции вверх, и снова вниз, и снова вверх мчатся такие лодки, из кратера в кратер, по туннелям, в которые превращены все мало-мальски для того пригодные естественные трещины. Более ста

метров в секунду — такую вот скорость, по Ле Форю и Графиньи, обеспечивает на Луне использование езды на санках, известной на Западе под названием «русских гор»!

Здесь же, на Луне, Осипов и его спутники встречают удивительный сигарообразный корабль с реактивным двигателем. В специальной камере этого корабля воспламеняется особое взрывчатое вещество; «образующиеся при сгорании газы вылетают в трубу, обращенную назад, и в силу отдачи толкают аэроплан». Подобно Жюлю Верну (припоминаете вспомогательные двигатели, установленные на корабле-ядре в упоминавшемся уже романе «Из пушки на Луну?»), Ле Фор и Графиньи, казалось бы, совсем вплотную подходят к кардинальнейшему способу преодоления межпланетных пространств. Но — как и у Жюля Верна! — дальше их фантазия не идет: принцип ракеты уместен, полагают они, лишь вот в таком, сугубо частном виде транспорта...

По морям Венеры наши герои путешествуют на кораблях, могущих плавать и под водою, и по ее поверхности. Но странные это корабли. С одной стороны, свернув парус и накрыв палубу сводом, их хозяева способны погружаться в океанские глубины — тайное тайных для землян XIX века! А с другой — грубые и несовершенные машины «венузийцев» приводятся в движение не паром и не электричеством, а... мускульной силой рабов! И кстати, на сорокакилометровую (!) гору, откуда путешественники намерены лететь дальше, их доставляет больших размеров повозка, от которой к вершине горы тянется толстенная бронзовая цепь. Там, наверху, все те же бедолаги-рабы наматывают эту цепь на огромный ворот...

Зато на Марсе, достигшем, как и Луна, поразительных успехов в машиностроении, герои романа находят и орнитоптеры, движимые тремя парами крыльев, и винтовые аппараты, рассекающие воздух с головокру-

жительной быстротой — около семисот пятидесяти километров в час, и пневматические вагоны, несущиеся в подземных трубах с совершенно уже умопомрачительной для прошлого века скоростью — тридцать километров в минуту!..

Изображая инопланетные виды транспорта, авторы, между прочим, очень наглядно демонстрируют метафизическую ограниченность мышления, которую в науке последней трети XIX века отмечал Ф. Энгельс. За примером далеко ходить не надо. Вам говорит что-нибудь такая величина — 330 метров в секунду? Да, конечно же, это скорость распространения звука в воздушной среде. Так вот, герои Ле Фора и Графиньи не однажды превышают эту величину. Но превышение скорости звука для наших авторов — обычное количественное изменение, оно не переходит для них в новое качество. Фантасты прошлого века и не предполагают, что существует сверхзвуковой барьер, именно барьер, порог, с преодолением которого непременно связан целый ряд феноменов... Ведь чтобы предполагать это, надо быть диалектиком!

Но пойдём далее.

По-своему оригинально рисуют отважные авторы и мир планет, их природные условия, обитающих в этих условиях разумных существ.

Возьмем для начала хотя бы инопланетные поселения.

Селениты в основном живут в помещениях, вырытых в почве. Однако же и на Луне есть вполне приличные города — такова, скажем, лунная столица, в которой обитает несколько миллионов селенитов.

Ощутимо сказывается местный климат на городских зданиях Венеры: дома здесь «походили на огромные металлические зонтики; их ручки, состоявшие из круглых башен, служили для жилья, а зонтикообразные крыши заключали в себе бассейны с водой, постоянное ис-

парение которой предохраняло обитателей от излишнего жара».

Что же до Марса, то на этой планете города имеют совершенно земной облик. «Путешественники могли сверху прекрасно разглядеть общую картину города, здания которого по своему стилю удивительно походили на средневековые готические постройки: те же высокие шпили, те же легкие, вытянутые в высоту формы, те же стрельчатые окна, те же остроконечные башни, горделиво поднимающиеся к небу».

Ну, а инопланетяне, обитатели этих не похожих одно на другое поселений? Ведь не секрет, что сегодняшний читатель, на глазах которого человечество шаг за шагом углубляется в космос, с особенным интересом выискивает в фантастике конкретные описания иного разума: каков он, каково его обличье?

Луна... «Остолбенев от изумления, старый ученый и его товарищи не без страха смотрели на этих гигантов, имевших по крайней мере двенадцать футов роста. Голова у них была удивительного объема, совершенно непропорционального туловищу: она качалась на длинной, тонкой шее, казалось, едва державшейся на узких, худых плечах; по бокам болтались костлявые, тощие руки, оканчивавшиеся широкими кистями; непомерно плоская грудь, словно не заключавшая в себе вовсе легких, переходила внизу в столь же плоский живот, а последний — в длинные, худые ноги с огромными ступнями».

«Они именно таковы, какими я их себе представлял,— опомнившись, утверждает профессор Осипов.— Если у них громадный череп, значит, их мозг развитее нашего; грудь селенитов узка, так как их легкие функционируют под гораздо меньшим давлением, чем на Земле... Словом, что ни возьмите, все зависит от тех условий, в которых живет известное существо...» Эта последняя мысль очень верна, и мы постараемся

запомнить ее, но... Впрочем, об этом чуть позже.

На Венере у Ле Форы и Графиньи обитают две расы. Первая чрезвычайно напоминает землян. «Незнакомцы походили на обитателей страны пирамид: продолговатое лицо, обрамленное густой черной, тщательно завитой бородой, совершенно голый череп, черные огненные глаза. Одеты они были в короткие туники, обуты — в подобие древних котурн красного цвета». Если вспомнить о рабовладении, царящем на Венере, — чем, в самом деле, не древние египтяне?!

Роль рабов на Венере выполняет народ Боос. «Эти существа вместо человеческой кожи были покрыты чем-то вроде тюленьей шкуры, ноги оканчивались круглыми плоскими ступнями, походившими на лапы уток, длинные мускулистые руки спускались почти до колен. На пальцах как рук, так и ног находились плавательные перепонки, на плечах сидела круглая голова, с большими глазами, широким ртом, острыми белыми зубами и слуховыми перепонками вместо ушей». Что ж, учтем, что значительную часть времени люди Боос проводят в воде, — тем самым мы легко поймем и их особенности...

Поскольку Марс много легче Земли (его диаметр почти вдвое меньше земного), сильно отличаются от землян и обитатели «красной» планеты. «Высокого роста, тощие, худые, с огромными ушами и совершенно плешивыми головами, обитатели Марса казались какими-то карикатурными уродами. Но что было у них всего замечательнее, так это широкие кожистые крылья, походившие на крылья летучей мыши; эти крылья служили своим обладателям вместе с тем и одеждою, в которую они драпировались с большим достоинством. У некоторых, по-видимому начальствующих лиц, перепонка крыльев была весьма искусно раскрашена в разные цвета и местами покрыта металлическими украшениями».

Таковы у Ле Форы и Графиньи инопланетяне. При ка-

жущейся оригинальности внешнего облика все они слишком похожи на землян, представляют собою ухудшенные или улучшенные, но всего только слепки с обитателей Земли, выглядят так, как выглядели бы проэволюционировавшие в их условиях земляне. А ведь самим авторам принадлежит мысль о том, что «все зависит от тех условий, в которых живет известное существо»! Почему же эта вполне здравая мысль так неожиданно узко — по сути, лишь применительно к земным существам — преломилась в романе?

И совсем уже земными оказываются в книгах Ле Фора и Графиньи инопланетные пейзажи.

В самом деле, попробуйте догадаться, где еще, кроме родной нашей планеты, в каком уголке Солнечной системы могли бы встретиться земным космонавтам такие вот картинки?

«Оглядевшись кругом, они заметили, что находятся у подножия высокой горы, на опушке густого леса; с той стороны, откуда слышалось журчание, сверкала серебристая лента ручья».

Это, дорогой читатель, — Меркурий!

«Они находились на берегу моря: вблизи раздавался гул прибоя; ветер доносил до них брызги соленой влаги; под ногами хрустел прибрежный песок, смешанный с мелкими камешками... Словом, окружающая обстановка во всем напоминала им родную планету». Однако же местный пейзаж «резко отличался от пейзажа Земли». Чем же? Да тем, что «вместо зеленого цвета здесь все деревья, кустарники, травы были окрашены в красный цвет различных оттенков, начиная с оранжевого и кончая алым»...

Только вот этот традиционный красный оттенок и подсказывает нам, что перед нами, ясное дело, — Марс!..

Но отчего же это так? Отчего, при всем подчас отличии от земного, все инопланетное сводится-таки у наших авторов к сугубо земному?

Это, конечно, не случайно.

Открой мы сейчас вместо рассматриваемых романов любое из многочисленных сочинений Камилля Фламариона — французского астронома¹, который к концу прошлого века популярностью своих книг едва ли не затмевал даже Жюль Верна, — мы и там обнаружим в иных мирах чем-то отличные от земных и тем не менее изначально земные условия.

Все дело в том, что конкретный земной опыт, метафизический способ мышления довлел в прошлом веке над самыми отчаянными фантазерами. Земные мерки и критерии переносились и в космос; они казались в целом единственно возможными, абсолютными. Нужны были серьезнейшие сдвиги в характере самой науки, чтобы вслед за уже достигнутыми результатами (которых в романах тех же Ле Фор и Графиньи отражено великое множество) пришло диалектическое осмысление их, в том числе и осмысление такого самоочевидного для нас факта, как проистекающее из разнообразия строения и свойств материи разнообразие ее форм. Лишь в результате этой, говоря ленинскими словами, «новейшей революции в естествознании» конкретный земной опыт потерял оттенок обязательности, абсолютности при сопоставлении его с бесконечностями Вселенной.

Едва ли не символической предстает в этом плане такая деталь в «Необыкновенных приключениях русского ученого». Ле Фор и Графиньи снабжают своих героев отличными, с трехдневным запасом кислорода в баллонах, скафандрами. Но вот используются-то эти последние не так уж часто. Ибо и на Луне, и на Венере, и на Марсе, и даже на Меркурии (а позднее — и на

¹ Кстати, К. Фламарион, незримо, но тем не менее очень ощутимо присутствующий на страницах эпопеи Ле Фор и Графиньи, предпослал первой книге тетралогии весьма и весьма лестное предисловие.

крохотном обломке Меркурия, увлеченном кометою) существует, оказывается, не просто атмосфера, но именно та самая смесь азота с кислородом, какую дышит человек Земли. Лишь на Фобосе, из-за разреженности атмосферы и для марсиан-то служащем чем-то вроде исправительной колонии, да на видимой стороне Луны (высочайшие горные цепи не пропускают сюда воздушные массы с другой половины нашего спутника) герои романа вынужденно облачаются в скафандры...

Неосознанный геоцентризм в описании природных условий на иных планетах в разной, конечно, степени характерен для всей фантастики прошлого века. Космическая одиссея русского ученого в изложении Ле Фора и Графиньи — наглядное тому подтверждение.

В царстве «разумных зарослей»

...Победив малосимпатичных Коренастых, отряд Гура-Занка — «людей, живущих в воздухе», — возвращается к родным становищам, где их поджидает с основными силами вождь рода — Уамма, Голубой Орел. В арьергарде, окруженные воинами, у которых наготове нефритовые топоры, дубины и дротики, движутся несколько десятков пленных, предназначенных для торжественного пиршества...

Не правда ли, вполне может показаться, что речь идет об очередном романе из числа «доисторических»? Тех, едва ли не самым ярким образцом которых остается и по сей день знаменитая «Борьба за огонь» Ж. Рони-старшего. Кто прочел ее в детстве, уже не забудет, вероятно, ни отважного улабра Нао, отправившегося с друзьями добывать огонь для родного племени, ни встречающихся на их пути мстительных рыжих карликов или людей-безплеч из страны вод..

Что ж, Жозефа Рони-старшего мы вспомнили не случайно: речь идет именно о его романе «Удивительное путешествие Гертсна Айронкестля».

К «доисторическим» этот роман, впрочем, не относится. Жозеф Анри Рони-старший (1856—1940), хотя и известен в наши дни прежде всего своими книгами о первобытных людях, писал не только на эту тему. Младший современник Жюль Верна, за свою долгую жизнь он выпустил вместе с братом Жюстеном (с которым нередко выступал в соавторстве вплоть до 1909 года) свыше ста томов сочинений и снискал себе славу остросоциальными романами о современной ему французской действительности. Однако нас сейчас интересует иное направление в его творчестве, мало освещавшееся критикой, не отраженное почему-то и в энциклопедиях — от «Брокгауза-Ефрона» до нашей «Краткой литературной».

Дело в том, что Рони-старший писал и фантастические произведения. (Правда, почти неизвестные современному советскому читателю: лишь две-три его фантастических вещи переведены на русский язык за последние десять — пятнадцать лет.) Евг. Брандис, исследуя творчество Рони, пришел к выводу, что писатель этот, наряду с Ж. Верном и Г. Уэллсом, — один из предтеч современной фантастики.

Звучит как будто бы слишком громко, не так ли? И тем не менее...

Едва ли не самым первым Ж. Рони ввел в фантастику тему нечеловеческих, неантропоидных цивилизаций. Это не столь малый вклад, как может показаться на первый взгляд. Вспомним романы Ле Фора и Графиньи: на любой иной планете эти авторы находили заведомо человекоподобных носителей разума. И такой подход был, как мы уже говорили, весьма типичен. Но не забудем: в том же девятнадцатом веке (правда, в самом конце его) закладывал основы современной, куда более широко смотрящей на вещи фантастики Герберт Уэллс. И в том же девятнадцатом веке утверждал эти основы (притом отчасти — еще до первых романов Уэллса) и Жозеф Рони-старший.

Возьмем раннюю его повесть «Ксипехузы» (1887), вошедшую в изданный на русском языке сборник французской фантастики «Пришельцы ниоткуда» (1967). Древние земляне становятся здесь свидетелями и жертвами вторжения неких кристаллических структур, пытающихся завоевать нашу планету. Будущему предводителю

могущественного союза земных племен удастся высмотреть «ахиллесову пятау» пришельцев: они — не бессмертны! И землянам, пусть с немалым уроном для себя, удастся-таки отстоять родную планету.

Обратим внимание: мотив противостояния злонамеренным пришельцам возник у Жозефа Рони за одиннадцать лет до появления классической «Войны миров» Уэллса. Кроме того, Уэллс носителями зла делает в своем романе все-таки удивительно земноподобных существ — спрутов, если соотнести их с обитателями нашей планеты. У Рони — иное, значительно более смелое и, кстати, созвучное идеям многих сегодняшних фантастов допущение: мыслящие конусы, призмы, цилиндры... И наконец, не видя возможности мирного сосуществования с ксипехузами, герой Жозефа Рони тем не менее не ожесточился сердцем: когда пришельцы гибнут, он искренне скорбит о печальной судьбе этой иной, чуждой, враждебной, но все-таки — жизни...

По существу, о такой же кристаллической форме жизни — железо-магнитах — идет речь и в более позднем романе Ж. Рони «Гибель Земли» (1911). Эта иная жизнь появляется на свет как порождение безудержной и бесконтрольной «технологизации» людского бытия, в результате которой исчезло на Земле все разнообразие фауны — кроме разве что птиц, приобретших зачатки разума и даже научившихся человеческой речи. Чуждая жизнь пока еще не являет собою сформировавшуюся цивилизацию: лишь инстинкты, грозящие вот-вот перерасти в нечто большее, объединяют эти странные фиолетовые образования...

Несомненным новатором выступает Рони в рассказе «Неведомый мир» (1898), в переводе на русский язык напечатанном в 1974 году в «Искателе». Герой этого рассказа — первый, очевидно, в истории мировой фантастики мутант, — человек с более быстрой, чем у обычных людей, реакцией, с большим объемом зрения, с ускоренной речью (окружающие не способны воспринять его «скороговорку»), с некоторыми другими чисто внешними отклонениями. И он передает эти свои изменения, оказавшиеся генетическими, по наследству...

В одной из повестей («Нимфея», 1909) Ж. Рони изображает не-

ведомое науке племя, приспособившееся к жизни в водной сфере едва ли не в большей степени, чем на суше. В другой («Чудесная страна пещер», 1896) рисует еще один — обусловленный исключительными обстоятельствами — вариант возможного развития «гомо сапиенс» — летающего человека...

Собственно, и в «доисторических» его романах мы можем, при желании, обнаружить совершенно фантастические существа. Разве не таковы, к примеру, в его «Борьбе за огонь» (1911) голубые люди, обитающие в лесных делянках, — могучие широкогрудые великаны, пока что предпочитающие передвигаться «по старинке» — на четвереньках? Или племя Ва — люди-без-плеч, которые зимой, подобно медведям, впадают иной раз в спячку?

Тех и других кое в чем напоминают и Коренастые из романа о Гертоне Айронкестле, вышедшего вскоре после первой мировой войны. Они неумелы в обращении с огнем, им неизвестно употребление металлов, питаются они полусырым мясом и, в сущности, пока еще очень недалеко ушли от приматов. И тем не менее это вполне разумные существа, понадевавшие для себя уйму тайных убежищ и ходов-переходов под поверхностью земли.

Любознательный главный герой романа, с несколькими друзьями отправившийся в глубь Африки на поиски неведомой страны, с помощью Гура-Занка благополучно минует территорию злонастроенных Коренастых. И вот уж там-то он попадает в поистине странный лес!

Здесь преобладают голубой и фиолетовый цвета. Среди растительных форм господствуют папоротники и... гигантские мимозы, достигающие высоты крупных деревьев и приобретшие в ходе тысячелетней эволюции совершенно необычайные свойства. Свойства эти заставляют героев романа впрямую говорить об интеллекте мимоз-гигантов — ведь их растительное сообщество словно бы «заэкранировалось» от окружающего мира, представителей которого чудо-мимозы допускают в свои владения лишь в тех пределах, в каких эти последние не вредят дальнейшему их развитию, не нарушают их экологической (переходя опять же на современный язык) обособленности. У мимоз нет враждебности по отношению к людям: соблюдая диктуемые сообществом законы и ограниче-

ния, те вправе существовать рядом — и действительно здесь существуют. Эти местные «сапиенсы» — странные чешуйчатые люди с цилиндрообразными головами, увенчанными чем-то вроде мшистого конуса, с ртом в форме треугольника и тремя сплюснутыми дырами вместо носа — прекрасно осведомлены об особенностях «разумных зарослей» и вкуче с ними составляют идеально сбалансированную экосферу... Чем, право, не иллюстрация к наисовременному роману о какой-нибудь экзотической сверхдалекой планете?

Но любопытна в романе Ж. Рони не только попытка нарисовать фантастический мир, в котором «верховодят» растения. Привлекают в этой книге и необычайно злободневные, по нынешним нашим меркам, размышления ее героев о взаимоотношениях человека и природы. Вот слова одного из персонажей: «Я не могу допустить мысли, чтоб все виды, до австралийских двуутробок и утконосов, могли сохраняться долгие века для того только, чтобы погибнуть от руки человека... А мы истребляли без пощады, без милосердия... Сколько поколений кишачих здесь животных люди истребят или покорят себе еще до исхода двадцатого века?!»

До чего же неожиданна у старого автора, родившегося как-никак 125 лет назад, и до чего же созвучна нашим временам глубоко гуманная эта горечь по поводу бездумно потребительского отношения ко всему живому, что нас окружает или могло бы окружать!

Что ж, Жозеф Рони-старший и в самом деле по праву может быть назван в одном ряду с Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом: не только «доисторические» его произведения, но и столь современно звучащую «биологическую» его фантастику рано предавать забвению. У этих книг будет еще немало благодарных читателей.

В Нью-Джерси приземлились марсиане...

В 1895 году в Лондоне появилась необычная книга. Безымянный ее герой изобретает машину, с помощью которой получает возможность странствовать по эпохам... Это позволило автору заглянуть в будущее. И не чудесная машина, а именно увиденное ее владельцем грядущее всерьез взволновало читателей и критиков: оно оказалось совсем не таким, каким представлялось современникам автора. Казалось аксиомой, что Эволюция работает на человека, автоматически делает для него мир все лучше и лучше. А здесь, в романе Герберта Уэллса, тридцатилетнего журналиста и преподавателя биологии, возникал страшный мир, в котором сосуществуют, по сути, две разных расы. Элои — изнеженные потомки тех, кто избавлен от необходимости собственным трудом добывать себе хлеб насущный. И морлоки — обитатели подземелий, выродившиеся в уродливых полудиких существ. Противоречие между

трудом и капиталом, доведенное до логического конца, выражено было в романе Уэллса в виде жуткой впечатляющей метафоры...

Читателям и критикам Уэллса пришлось привыкать к этой безжалостной жутковатости его книг, как правило, лишенных «розовых» иллюзий.

Уже в следующем году вышел новый его роман — «Остров доктора Моро». На заброшенном острове означенный доктор хирургическим путем очеловечивает всевозможное зверье: собак, лисиц, медведей, быков... Те, что уже вышли из-под его скальпеля,— конечно же все-таки не люди, но наполовину уже и не звери. Уже сами пытаются они стать людьми, старательно повторяя заповеди своего то ли стада, то ли общества: «Не ходить на четвереньках — это Закон»; «Не лакать воду языком — это Закон»; «Не обдирать когтями кору с деревьев...»; «Не охотиться за другими людьми...» Но чисто внешнее, пусть даже очень старательное копирование человеческих правил еще и человека-то, если вдуматься, не делает человеком. И тем более бессильно оно, само по себе, сделать человеком вчерашнего зверя, в облике которого довольно прозрачно проглядывали низменные, стадные инстинкты обывателя, едва прикрытые тонкой «гуманоидной» пленкой...

Прошел еще год — и появилась трагическая история Гриффина. Ученого, овладевшего секретом невидимости, но использовавшего свое открытие во вред окружающим. Измученного, озлобленного, сознающего и свое могущество, и свою беззащитность...

В 1898 году Уэллс опубликовал знаменитую «Войну миров» — с ее ужасами инопланетного нашествия; на следующий год — роман о Спящем, который, проснувшись, и через добрых два века обнаруживает все ту же социальную несправедливость, царящую в обществе; еще через год печатаются «Первые люди на Луне» — новая карикатура на буржуазное общество.

А впереди, предваряя бойню первой мировой, был роман «Война в воздухе». «Я хотел показать,— писал Уэллс,— что летающие машины в корне изменяют характер войны: она будет идти не на линии фронта, а на огромных территориях. Ни одна сторона — будь то победитель или побежденный — не будет застрахована от страшных разрушений... Поэтому «Война в воздухе» кончается не победой одной из сторон, а гибелью социального строя». В отличие от современников Уэллса нам, увы, нетрудно представить себе такую войну...

Пятью годами позже (но все еще — за год до первой мировой) обнародовал Уэллс новый свой роман — «Освобожденный мир». А в нем — еще одну катастрофу. На этот раз атомную...

Нет, в самом деле, не беспричинно крепла за Уэллсом с каждым его романом репутация пророка всевозможных глобальных бед! Крепла — и укрепилась настолько прочно, что не случайно именно с его именем связана поистине странная и страшная история.

Вопреки Уэллсу, все началось в лучших традициях научно-фантастических романов — с полной неожиданности.

Помните, как это происходило в книге?

«Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду...»

Мастер бытовой прозы, Герберт Уэллс и в фантастических романах придерживался своего излюбленного повествовательного метода: и тут обитали все те же средние, ничем не примечательные люди, и тут самые невероятные события происходили в самой заурядной обстановке, и тут вокруг этих событий обычно не возникало никакого преждевременного ажиотажа. Вот

и марсиане в «Войне миров» приземлились в британской провинции тихо и почти незаметно: в первую ночь их пребывания на Земле никто и не поинтересовался упавшей с неба гигантской массой. Так оно, возможно, могло бы произойти и в действительности...

Но вот случилось-то все совершенно иначе!

...В тот день, в восемь часов вечера по нью-йоркскому времени, обычную музыкальную программу радиовещательной компании «Колумбия» («Томная музыка Южной Америки переносит вас в залитый лунным светом дансинг отеля «Астория» в Бруклине...») — комментировал диктор мелодии, исполняемые оркестром Рамона Рамиреса) прервало краткое сообщение: «Странный предмет непонятной формы приземлился на ферме, недалеко от Гроверз Милз, штат Нью-Джерси. Полиция и войска выехали на место происшествия. Не выключайте радио и следите, как будут развиваться события...» После этого диктор пригласил радиослушателей вернуться «в дансинг, залитый лунным светом».

За первым сообщением вскоре последовали другие. Из обсерватории в Принстоне. Из штата Нью-Джерси — с места падения необычного метеорита («Наш специальный корреспондент Джек Вексли расскажет вам о своих непосредственных впечатлениях...»). Из правительственных учреждений Вашингтона. С крыши нью-йоркского небоскреба...

Привлекший всеобщее внимание «метеорит» оказался гигантским металлическим снарядом. А дальше?.. Если не считать сверхскоростных темпов развития событий, дальше уже все шло совсем так, как это было в романе Уэллса. Правда, кое с какими поправками, ибо марсианский корабль приземлился не в старой доброй Англии, а как-никак в штате Нью-Джерси, в непосредственной близости от Нью-Йорка, этого ультрасовременного супергорода.

Из «метеорита» одно за другим полезли чудови-

ща-марсиане. Ростом — с нью-йоркский небоскреб каждое; с внешним обликом — отвратительным и ужасным. Было при них и страшное, почти «уэллсовское» оружие — зеркала, излучавшие огонь и смерть. Буквально в первые же минуты этими лучами «был уничтожен семитысячный воинский отряд, разгромлены посланные против марсиан военно-воздушные силы».

Марсиане двинулись к Нью-Йорку, умерщвляя и пожирая людей, разрушая здания, мосты, дороги. Ядовитым черным дымом вытравили они все живое на своем пути...

Обо всех этих кошмарных событиях американцы узнавали из коротких сообщений радиокompании «Колумбия», работавшей с оперативностью, удивительной даже для нашего двадцатого века. В первый же час космической агрессии по радио было зачитано заявление министра внутренних дел...

Сообщения радиокompании не несли в себе ничего утешительного, и рядового американца охватил страх. «Быть может, подобная волна ужаса еще никогда не катилась по стране с такой быстротой», — отметит впоследствии газета «Нью-Йорк Уорлд Телеграм»... Особенно крупных размеров паника, естественно, достигла в штате Нью-Джерси и соседнем с ним штате Нью-Йорк. Маленькие города здесь обезлюдели совершенно: население их бежало в поля и горы, бросив жилища, захватив с собой лишь детей да наиболее ценные вещи. Десятки тысяч людей обращались в полицейские участки, в правительственные учреждения с одними и теми же вопросами: где укрыться от вражеского нападения? куда бежать? где достать противогаз? Впрочем, полиция и местные власти, поначалу тоже поддавшиеся панике, мало чем могли помочь своим согражданам.

Волна ужаса перед марсианами не ограничилась пределами двух штатов. На улицах Сент-Луиса группы людей возбужденно обсуждали последние радиосооб-

щения. В Чикаго опустели рестораны. В Провиденсе обыватели требовали от местной электрокомпании немедленно выключить свет во всем городе, чтобы замаскироваться от нападения с воздуха. В Индианополисе какая-то женщина ворвалась в церковь во время богослужения, крича: «Нью-Йорк разрушен! Настал конец света! Я слышала это по радио... Расходитесь по домам — лучше умереть у себя дома!» Понятно, что церковь моментально опустела...

Все эти события происходили в течение какого-то часа — с восьми до девяти часов вечера. А потом... Потом последовало завершающее сообщение радиокompании: марсиане... погибли от земных микробов!

Словом, и закончилось все вполне по Уэллсу...

О рассказанной здесь истории сегодня наслышаны многие. Нередко вспоминают о ней журналисты-международники. Оттого мне показалось вдвойне любопытным восстановить эту историю с возможно более полными подробностями, используя для этого газетные материалы, появившиеся у нас свидетельства очевидцев...

Да, марсиан на Земле не было: посети они наш мир — каждый житель планеты давным-давно знал бы об этом! И тем не менее все, о чем здесь рассказано, — истинная правда. Правда, — что в один из вечеров 1938 года американская радиокompания «Колумбия» начала передавать упомянутые здесь сообщения. Правда, что в стране разразилась невиданная паника.

Лишь об одном я «забыл» упомянуть: в тот вечер радиокompания «Колумбия» передавала инсценировку по знаменитому уэллсовскому роману «Война миров».

Подготовил эту передачу двадцатитрехлетний Орсон Уэллс с артистической труппой организованного им на Бродвее театра «Меркурий». Будущий прославленный

режиссер и актер кино, знаменитостью ставший уже на следующее утро после передачи, Орсон Уэллс «американизировал» своего английского однофамильца. Он перенес в США место действия, полностью «переписал» роман, приспособив текст к методам и формам современных режиссеру американских радиопередач... И столь гипнотическим оказался псевдодокументальный характер передачи (чего стоил один только призыв «оставаться сплоченными и не впадать в панику», с которым обратился к американцам «сам» Франклин Делано Рузвельт,— голос президента отлично имитировал один из актеров «Меркурия»...), что даже механизм полиции был на первых порах выведен из строя. Главным полицейским управлениям штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси пришлось срочно давать своим подопечным обстоятельное разъяснение о смысле радиопередачи! Тем не менее служащим и добровольцам Общества Красного Креста потребовалось целых шесть недель, чтобы вернуть в города укрывшихся в горах сограждан. Всеобщий гипноз коснулся даже военно-морского флота США: в Нью-Йоркском порту тотчас после начала передачи были отменены все увольнения на берег...

Между тем правительственная комиссия, изучавшая впоследствии материалы передачи, установила: не только перед началом и по окончании, но и дважды в ходе передачи диктор специально предупреждал слушателей, что передается инсценировка фантастического романа. Текст инсценировки был опубликован в газете «Нью-Йорк Таймс». И он, в свою очередь, свидетельствовал: диктор и артисты все время говорили о совершенно неправдоподобных, сугубо фантастических вещах — о «жителях Марса», «чудовищах».

На чем же основывался столь зловещий успех мистификации Орсона Уэллса?

Только ли на том, что передача была назначена на 30 октября? Этот день — канун Дня всех святых, и ве-

Чер его, по поверьям американского Среднего Запада, ознаменован тем, что вся нечисть выбирается из потайных своих убежищ, чтобы до наступления полуночи всласть поугагать рядовых смертных. Ребятишки в этот вечер, укутавшись в простыни, рядятся привидениями и бродят под окнами; вовсю звонят колокола; выйдя из дома, вы рискуете столкнуться со «страшным» гостем — насаженной на шест выдолбленной тыквой с прозьями на месте глаз, носа и рта, зловеще освещенными спрятанной внутри свечкой...

Канун Дня всех святых был выбран для передачи, конечно же, не без умысла.

Однако не нужно забывать и о главной причине — о том, что шел 1938 год. В Европе поднимался в рост фашизм, и Гитлер вот-вот уже готов был начать серию своих «блицкригов», стремясь урвать для Третьего рейха изрядный кусок «жизненного пространства». Войной, большой войной ощутимо пахло в предгрозовой атмосфере Земли. Военный психоз и был почвой, взрастившей завидное легкоеверие американского обывателя.

И разумеется, вовсе не случайно журнал «Нью Мессис», комментируя «высадку марсиан» в Нью-Джерси, писал: «Угроза войны глубоко проникла в сознание людей... Никакой ужас не представляется слишком большим, никакая катастрофа не кажется слишком сверхъестественной, чтоб быть невероятными...»

Эта и в самом деле страшная история, казалось бы, должна только укрепить за Уэллсом репутацию пророка-пессимиста. Тем более в наши дни, когда многочисленные писатели на Западе конструируют в своих книгах все новые и новые варианты космических и прочих ужасов, будто бы ожидающих рядового землянина в самом иной раз близком будущем; когда кино- и теле-

компании, словно бы соревнуясь, проецируют на экран¹ пришествия злонамеренных чудищ, пугающие картины грядущих войн (вплоть до звездных) и иные катастрофы — экологические, генетические, политические; когда, наконец, и сама действительность таит в себе возможность взрывоопасных международных конфликтов...

И однако, обращаясь к Уэллсу, воочию видишь, насколько его книги выше, человечней всей нынешней западной «литературы ужасов».

Да, с именем Герберта Уэллса связываем мы появление романов-предупреждений — необычайно развитого ныне специального подвида фантастики. Но ведь роман-предупреждение — это не антиутопия, которая обычно выходит из-под пера во всем разуверившегося пессимиста-скептика; мрачноватые картины будущего в таком романе — это именно предупреждение, предостережение, своего рода знак опасности. Необходима осторожность (двумя этими словами не случайно назвал Уэллс поздний свой роман); смотрите, люди, вот чем может закончиться это! — как бы восклицает автор романа-предупреждения в надежде, что люди прислушаются к его голосу, не пойдут по чреватому бедой пути, найдут путь иной, более безопасный...

Чтобы вот так (причем на протяжении полувека: умер Уэллс в 1946 году) предупреждать людей — настойчиво, неутомимо, в полную силу своего таланта, надо по-настоящему верить в Человека, верить в его Разум, в его будущее.

Герберт Уэллс — о том красноречиво свидетельствуют и его жизнь, и его книги — был подлинным гуманистом.

¹ Подробно об этом см. в кн.: Ханютин Ю. Реальность фантастического мира. — Проблемы западной кинофантастики. М., «Искусство», 1977.

Два рецепта невидимости

Вероятно, трудно найти человека, который не читал бы уэллсовского «Человека-невидимку». Любители фантастики без особого труда могут вспомнить и другие произведения о людях-невидимках. Кое-кто и фильмы о них видел — «Невидимый идет по городу», например. Но многие ли знают, что есть в литературе и... невидимая собака?

«...Он свистнул — и я тотчас же услышал легкий топот лап, дыхание возбужденного животного и несомненный лай собаки. Поль наклонился и начал гладить, как мне казалось, пустое пространство.

— А ну-ка, дорогой мой, дай мне твою руку!

И он провел моей рукой по холодному носу и морде собаки. Несомненно, это была собака, по гладкой короткой шерсти и сложению напоминавшая пойнтера...»

Невидимость собаки Поля Тичлорна была достигнута тем же путем, что и невидимость знаменитого Гриффина: химические реактивы, введенные в ее тело, сделали его совершенно прозрачным.

Впрочем, едва ли стоит подозревать Джека Лондона — истинного создателя невидимой собаки — в литературном плагиате, хотя рассказ его «Тень и блеск» и появился в 1906 году, пятью годами позже «Человека-невидимки».

Ведь в этом же рассказе Джек Лондон предложил и детально разработал и другой способ достижения невидимости — создание абсолютно черной краски, которая поглощая все без исключения лучи, падающие на окрашенный ею предмет, также сделает его невидимым для человеческого глаза. Правда, даже такой идеально черный предмет будет все-таки отбрасывать тень, да и темное пятно на окружающем фоне тоже должно будет бросаться в глаза... Но, к чести Джека Лондона, писатель и сам отлично понимал и специально оговорил в своем рассказе эти явные недостатки второго варианта невидимости.

Фантасты на Северном полюсе

Попробуйте, читатель, не сходя с места, вспомнить фантастический роман, повесть или даже рассказ, в которых действие разворачивалось бы на Северном полюсе!

Должен предупредить: задание — не из легких. Любители фантастики в ответах на этот вопрос (он входил в одну из викторин «Уральского следопыта») нередко путались, вспоминали классическую «Землю Санникова» В. Обручева, «Повести о Ветлугине» Л. Платова, из недавних — «Всадников ниоткуда» А. и С. Абрамовых, «Солнце доктора Бракка» Г. Фивега. Все это — книги, действие которых полностью или частично происходит, правда, в Арктике, но даже в самом лучшем случае (роман Гейнца Фивега) — в целых восьми градусах от Северного полюса!.. Впрочем, я рискую показаться слишком придирчивым. Ведь кое-кем из отвечавших были названы и «Призраки белого континента» А. Шалимова, и «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых,

и «Звездоплыватели» Г. Мартынова. Произведения, так сказать, «с обратным знаком» в данной ситуации: их герои посещают не Арктику, а Антарктиду...

Ну а вы, читатель? Успели вы что-нибудь вспомнить? Одно-два названия, от силы три, и уж, наверное, никак не больше? Не удивительно. Современная фантастика начисто утратила интерес к Северному полюсу. Так что готов ручаться: чем меньше вы осведомлены в истории фантастики, тем скромнее, даже после длительной подготовки, окажется ваш ответ.

А ведь когда-то все было иначе,— я имею в виду отношение фантастов к полюсу...

С завершением эпохи географических открытий на Земле почти не осталось белых пятен. Глубинные области Африки, джунгли Амазонии, Антарктида и, наконец, Северный полюс — пожалуй, только они еще таили в себе прелесть неизведанного, обещали больше, чем могли содержать на самом деле. Поскольку же писатели-фантасты всегда были неравнодушны к Неизведанному (а почему бы и нет, если рядом с Неизвестностью легче уживается самый буйный вымысел?!), не мог не волновать их и таинственный, загадочный Северный полюс, куда безуспешно пытались добраться реальные исследователи.

Самая знаменитая из фантастических книг о полюсе, написанных в прошлом веке,— это, безусловно, «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» Ж. Верна (1866). Впрочем, уж Гаттераса-то вы, конечно, помните! Помните, как, охваченный безудержным порывом, стремился он преодолеть последние десятки метров, которые отделяли его от умозрительной точки, венчающей северное полушарие; как потоки лавы с неотвратимостью судьбы преградили ему путь к этой точке; как, спасенный друзьями, он так навсегда и остался

пленником Северного полюса: прогуливаясь по парковым аллеям, фанатик-англичанин неизменно пятился задом, если ему приходилось идти на юг... Между прочим, долгие годы самой большой ошибкой Жюль Верна в этом романе считалось то, что он поместил на Северном полюсе действующий вулкан. И право же, мне крайне приятно было увидеть в газетах конца пятидесятых годов заметку под названием «Жюль Верн прав!», в которой говорилось о том, что новейшими исследованиями в районе Северного полюса установлено наличие вулкана. Правда, подводного, но тем не менее самого настоящего вулкана!

Писатели конца прошлого века (и начала нынешнего), шедшие по стопам Жюль Верна, как и он, подходили к «проблемам полюса» с чисто научной точки зрения. Оттого их прогнозы оказались недалеко от истины. Жюль Гро («Вулкан во льду»), В. Битнер («Как я отыскал Андрэ у полюса»), Пьер Жиффар («Адская война»), капитан Данри («Робинзоны воздуха»), Д. Рик («Царица Северного полюса») вместе со своими героями ничего, кроме льдов, на полюсе и близ него не находят.

Неизмеримо больше повезло команде рыболовного судна в рассказе В. Ольдена «Предшественник Нансена», которая добрую неделю жила на полюсе у местных обитателей — потомков древних датчан, причем там, на полюсе, было вовсе не так холодно, как это предполагалось учеными. Неплохо, в общем, жилось на макушке Земли и герою романа венгерского писателя Мора Йокаи «20 000 лет подо льдом», забытому очередной полярной экспедицией. Правда, питаться отважному моряку пришлось мясом мастодонтов и других древних животных, «законсервированных» во льду. Но зато здесь же, в обширных подземных кладовых Северного полюса, он нашел и, разумеется, успешно вернул к жизни первобытную красавицу Нагаму, чей

сверхпродолжительный сон во льдах и дал название забавному этому роману...

Иное — в повести «Море Свободы» Жюлья Кларети: его голландцы находят на полюсе, как и явствует из названия, чистое ото льдов море. В свою очередь, и французы в романе Луи Буссенара «На Северном полюсе», перевалив через ледяные горы, обнаруживают на полюсе море-озеро чистой воды: оно разместилось в середине чудовищно гигантской льдины и вместе с этой льдиной подвигается к востоку. В романе, как это зачастую бывало у Буссенара, не обошлось без курьезной ситуации. Определив местоположение полюса и с радостью отметив наличие здесь скалы, выступающей из воды, герои устремляются к ней, дабы письменным сообщением увековечить свой подвиг. И вдруг выясняют, что это вовсе не скала, а всего-навсего замороженный мертвый кит!..

Шведский ученый Андрэ в рассказе Н. Жураковского «Тайна полярного моря» открывает на полюсе зёмли, населенные бежавшими из России чукчами. Неведомые земли со страшными чудовищами находят на полюсе герои Е. Лаумана («Вести из бутылки»). А у Курда Лассвица в романе «На двух планетах», готовясь к очередному завоеванию Земли, на Северном полюсе (как, впрочем, и на Южном) уже давно обосновались марсиане...

Кстати, об Андрэ. Имя этого реально существовавшего смельчака летом и осенью 1897 года буквально не сходило со страниц европейских газет. Одна за другой преподносились читающей публике догадки о судьбе шведской экспедиции, на воздушном шаре «Орел» отправившейся к полюсу и бесследно исчезнувшей. Лишь в 1930 году экипаж норвежского судна на берегу острова Белого (восточнее Шпицбергена) обнаружил останки этой экспедиции. Интерес же, вызванный ею, породил и упомянутые уже рассказы Н. Жура-

ковского и известного в прошлом русского популяризатора Вильгельма Битнера, и ... «Дневник Андрэ», вышедший отнюдь не из-под пера погибшего исследователя. Под таким названием была издана в 1898 году в Петербурге брошюра, переведенная «с французского и шведского» и рассказывавшая о подготовке экспедиции, о том, как она отправилась в путь, о первых днях этого пути...

Ленинградский исследователь А. Блюм, изучая коллекцию рукописей, запрещенных С.-Петербургским цензурным комитетом, наткнулся на неиздававшийся второй выпуск «Дневника». Здесь говорилось уже о том, как шведские аэронавты достигли Северного полюса и обнаружили там обитаемый остров — счастливую республику «Северный полюс», общество будущего, каким оно могло рисоваться воображению передовых людей России конца прошлого века... Демократические убеждения «переводчика» А. Ва-ского (на деле — неизвестного нам истинного автора этой литературной мистификации) были несомненны; это-то и побудило цензуру запретить издание второго выпуска «Дневника».

Чтобы покончить с островами и материками, «обнаруживавшимися» в прошлом в районе Северного полюса, остановимся ненадолго на романе Н. Шелонского «В мире будущего» (1892).

Герои русского фантаста, исследуя обширный гористый материк (в изобилии покрытый лесами, с бурными реками, с разветвленной системой глубоких пещер), в «точке пересечения земных линий» находят невесть кем сооруженную гранитную колонну, увенчанную высоким металлическим шпилем. Обелиску — тысячи лет! Герои романа приходят к этому выводу на основании наблюдений, отметивших смещение полюса на целых две сажени к северу. (Заметим в скобках: этот факт не послужил бы им надежным аргументом, знай они, что только за 1968—1972 гг. расхождение

между положениями далекого, увы, от постоянства Северного полюса достигало добрых пятнадцати метров...)

Между прочим, герои Шелонского попадают на полюс воздушным путем — с помощью специально сконструированного огромного летающего корабля. Они (мы в этом еще убедимся) не последние, кто добирается сюда по воздуху. Ну, а кто же был первым? Не в действительности (это-то нам как раз хорошо известно: в 1926 году над полюсом пролетели без посадки самолет американца Р. Бэрда и дирижабль «Норвегия» знаменитого Р. Амундсена), нет,— все в той же фантастике?

А первым, оказывается, был «некий Ганс Пфааль» в рассказе Эдгара По, написанном... еще в 1835 году! Отправлялся-то предприимчивый немец на Луну, однако «по пути» пронесся и над Северным полюсом. «Но увы! — сообщает он нам (естественно, в передаче Эдгара По).— Я поднялся на такую высоту, что ничего не мог рассмотреть в подробностях...» Уловка Эдгара По понятна: кто его знает, что оно там, на полюсе? Щедрый на выдумку американец поостерегся на этот раз давать волю своей фантазии... Хронологически забегая вперед, заметим, что сто лет спустя, совершенно ничем не рискуя, Эдгар По вполне мог бы и приземлить своего героя на полюсе. Так, как это произошло с дирижаблем «Альфа» в романе Александра Беляева «Воздушный корабль», опубликованном ленинградским «Вокруг света» в 1934—1935 гг.: совершая перелет от самой южной точки нашей страны до самой северной, герои советского фантаста в этой «нулевой точке» едва не разбиваются о ледяные торосы...

Однако вернемся к истории «вопроса».

В 1908 году американец Ф. Кук достиг полюса. Точнее, он объявил об этом, но поскольку не представил в подтверждение никаких доказательств, принято счи-

тать, что первым на собачьих упряжках достиг заветной точки Роберт Пири шестого апреля следующего, 1909 года. Этот факт поистине подрезал фантастике крылья.

Конечно, еще можно было фантазировать по поводу технических средств достижения полюса, что и делали у нас М. Волохов («В стране полуночи», 1910), известный популяризатор идеи космических сообщений Н. А. Рынин («В воздушном океане», 1924), наши прославленные летчики, Герои Советского Союза М. Водопьянов (повесть «Мечта пилота», 1936) и Г. Байдуков (рассказ «Через два полюса», 1937)...

Однако реальные возможности добраться до полюса — благодаря развитию техники — постепенно все возрастали, и вскоре полюс окончательно покинул страницы фантастических романов, оставив писателям-фантастам в качестве до сих пор не исчерпанного поля действия обширные пространства Арктики.

В заключение остается рассказать о попытках практического использования Северного полюса. Разумеется, предпринятых фантастикой: нам известны четыре таких попытки.

Герои романа Жюль Верна «Вверх дном» (1889), в отличие от капитана Гаттераса, отнюдь не углублялись лично в ледяные просторы Арктики. Тем не менее они создали Арктическую промышленную компанию для эксплуатации «областей вокруг Северного полюса, находящихся за 84° северной широты». Бравые артиллеристы вынашивали коварные планы: они рассчитывали, выстрелом из гигантского орудия изменив наклон земной оси, изменить и климат в районе полюса. И — стать всевластными владельцами всех приполярных земель... К счастью для человечества, гениальный математик Дж. Т. Мэстон ошибся («всего» лишь на один нуль!) в исходных вычислениях. Орудие (а точнее, заменившая его специальная шахта, прорытая в толще знаменитой

Килиманджаро) выстрелило, но «вверх дном» планета не перевернулась: земная ось осталась на месте.

Прекрасный стеклянный дворец поместил на Северном полюсе А. Куприн в рассказе «Гост» (1906), герои рассказа встречаются в этом дворце 2906 год и одновременно 200-ю годовщину всемирного союза свободных людей. Овладев магнитной силой планеты, наши потомки преобразили лик Земли: уже и здесь, на полюсе, зеленеют растения, даже в долгие полярные ночи залитые ярким солнечным светом, собранным в особых конденсаторах.

Над Северным полюсом, на высоте ста метров, с помощью ракетных двигателей удерживается в неподвижном состоянии метеостанция «Арктания» в одноименном романе Г. Гребнева (1938), переработанном после войны в повесть «Тайна подводной скалы» (1955). И наконец, совсем наоборот: «под» Северным полюсом встречаются советские и американские монтажники, ведущие прокладку трансконтинентального подводного туннеля в романе А. Казанцева «Арктический мост» (1946)...

Такова примечательная история взаимоотношений фантастики с Северным полюсом. Обилие произведений о нем, пока он неизвестен, скрыт за густой завесой неопределенности. И — прозаическая роль ничем особо не примечательного места, о котором разве что упомянут мимоходом, когда ореол таинственности бесследно развеялся.

Если в Арктике, как временами «сообщают» фантасты, все-таки и в последние годы изредка «что-то происходит» (заняты в Гренландии малопонятной своей деятельностью пришельцы-«всадники» у А. и С. Абрамовых; зажигают искусственное солнце над приполярным островком герои Гейнца Фивега...), то полюс... о, Северный полюс надолго превратился в глухую про-

винцию! Скучно в этой провинции сегодняшним фантастам. Неинтересно, поскольку вроде бы нечего там делать, неуютно и — бр-р!.. — холодно. Настолько неинтересно, что, к примеру, герои рассказа Д. Родари «Принц-Пломбир» без какой-либо тени сожаления склонны подарить всю эту провинцию инопланетянам, изнемогающим от жары в наших средних широтах...

Написав последние строчки, я задумался: а все-таки... и все-таки!..

«Северный полюс, борт атомного ледокола «Арктика», 18 августа. (Спец. кор. ТАСС)...» Думаю, не я один поначалу опешил от неожиданности, встретив в августовских газетах 1977 года столь непривычное сочетание: Северный полюс и... ледокол! Как? Только-только, в мае — июне, прошли по газетам юбилейные материалы, посвященные сороковой годовщине того знаменательного дня, 21 мая 1937 года, когда воздушный десант академика Отто Юльевича Шмидта основал дрейфующую станцию «Северный полюс-1», на которой начала свою героическую вахту славная четверка папанинцев. То был именно воздушный десант. И вот теперь, взломав вековые льды Центрального полярного бассейна, гордо неся алый стяг Страны Советов, мощный атомный ледокол осуществил заветную мечту храбрецов прошлого, на утлых суденышках (как сегодня определить их иначе?) пробиравшихся к высоким широтам!..

И подумалось: а не рано ли разлучаем мы фантастов и Северный полюс? Да, он теперь уже окончательно перестал быть местом загадочным, неизведанным и недоступным. После блистательно завершившегося похода к нему участников высокоширотной экспедиции, которую организовала в 1979 году «Комсомольская правда», Северный полюс даже и в качестве экстраординарного места паломничества туристов-лыжников не будет выглядеть чересчур фантастическим. Но поосте-

режемся все-таки утверждать, что он навсегда покинут фантастами! Не появится ли он в фантастике уже завтра, скажем, в качестве экзотического суперсовременного научного центра по изучению... изучению... полярных сияний — как это было в рассказе В. Журавлевой «Летающие по Вселенной»? Впрочем, не будем упреждать вымысел книг, еще не изданных и даже, быть может, не написанных...

Капитан Немо в России

— В России, капитан Немо?!— удивитесь вы и, возможно, добавите, поразмыслив:— Ну, разве что в переносном смысле! Книга о его приключениях с давних пор популярна в нашей стране...

Но мы говорим не о книге, а о ее героях.

Вы будете абсолютно правы, утверждая, что капитан Немо не бывал в России. Жюль Верн неоднократно избирал нашу страну местом действия своих романов, однако никогда не приводил сюда героев знаменитой трилогии, которую составляют «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой» и «Таинственный остров».

И тем не менее...

...Из гамбургских газет капитан Немо узнает об удивительном человеке, поселившемся на русском Севере — где-то на Новой Земле, в окрестностях пролива Маточкин Шар. В газетах сообщалось, что этот ученый, по имени Фиц-Рой, устроил себе вроде обсерватории, физический кабинет, химическую лабораторию, различные приборы и аппараты; что все, решительно все добывает он там своими личными средствами; что машины его исполняют обязанности чуть ли не пастухов и молочниц, доставляют ему всякую пищу и шьют платья; что фрукты созревают у него искусственно; что ураганы, проносящиеся над ним, дают ему энергию гораздо большую, чем энергия Ниагарского водопада; что даже краткие северные сияния и те подвергаются «непосредственной концентра-

ции» и развивают свою магнитную силу для службы Фиц-Рою, когда ему это нужно...

Капитан Немо заинтригован, он рассчитывает увидеть в лице Фиц-Роя человека, по учености близкого себе, и поэтому, не имея каких-либо срочных дел, отправляется к северным берегам России.

Путешествие среди льдов Северного океана не таит в себе особых сложностей для изумительного подводного корабля и его создателя. Правда, некоторые неудобства капитан Немо все-таки испытывает: люк «Наутилуса» оказался... гм, узковат... для того теплого одеяния, какое капитан вынужден был навьючить на себя. Температура, несмотря на июнь месяц, не превышала семи градусов, а ветер держался пронизывающий и резкий. Немо, не привыкшему к этому, пришлось надеть даже шапку с наушниками и меховые рукавицы... Впрочем, не сущие ли это пустяки для опытного морского волка?

В три дня пройдя от Кольского полуострова до Маточкина Шара, капитан оказывается в затруднении: на каком же из бесчисленных мысков и островков искать таинственного Фиц-Роя? Однако затруднение лишь кажущееся, ведь Немо давно уже имел все нужное для переговоров на дальние расстояния без посредства каких бы то ни было проводов!

«Если Фиц-Рой человек действительно ученый, он должен будет ответить мне с помощью такого же аппарата»,— рассуждает капитан.

И не обманывается в своих ожиданиях. Более того, Фиц-Рой, оказывается, **видит** и всплывший «Наутилус», и — на его мостике — самого Немо. **Видит**, несмотря на солидное, в двадцать пять миль, расстояние! **Видит**, разумеется, при помощи новейшего прибора.

«А разве у вас нет его?» — простодушно удивляется ученый-отшельник, ничуть не предполагая, что невинным своим восклицанием разбудит завистливые чувства в душе капитана.

«Был у меня этот прибор, да потерял в пути»,— совсем как хвастливый школьник вынужден ответить раздосадованный Немо...

Но вот пройдены и последние двадцать пять миль, и уже автоматически управляемое Фиц-Роем с берега суденышко, на суше

презратившееся в автомобиль, доставляет капитана Немо во владения северного волшебника.

Чего только здесь и в самом деле нет!

Оранжерея с кактусами и пальмами, с беседкой из плюща и небольшим фонтаном. Парники и теплицы в прибрежных скалах. Незримая электрическая изгородь, по желанию окружающая все хозяйство. Наконец, обширный и уютный жилой дом, который высечен в массивной — семьсот тонн весом! — скале, явно оторванной от вершины ближайшей горы.

«Это мое первое обзаведение,— скромно поясняет приветливый хозяин.— Вся трудность состояла не в том, чтобы оторвать скалу, а в том, чтобы заставить ее упасть так, как мне хотелось...»

Впрочем, пробудившийся в капитане Немо дух изобретательского соперничества мешает ему объективно оценить увиденное: любое достижение Фиц-Роя он теперь уже воспринимает едва ли не как личное оскорбление. К тому же пребывание в гостях тяготит его — даже три дня трудно усидеть на одном месте легендарному скитальцу морей.

Взамен чудесных очков, позволяющих отлично видеть не то что в тумане, но даже сквозь непрозрачные предметы (сквозь толщу скалы, к примеру), капитан Немо дарит Фиц-Рою аппарат, усиливающий звуки. Тот искренне рад ответному подарку: ведь благодаря ему, этому аппарату, вернется слух к полуглохому помору Бруту, находящемуся в услужении у Фиц-Роя.

Жена ученого, Мэри, еще с восторгом рассказывает гостю о том, как это чудесно — нестись по бесконечной заснеженной тундре со скоростью вихря (по версте в полминуты!) на буере, оснащенном электрическим двигателем... а неумная страсть к странствиям уже полностью овладевает капитаном. Торопливо распрощавшись с гостеприимными отшельниками, он возвращается в каюту родного «Наутилуса».

Как известно, верный своей всегдашней привычке, Немо только в пути намечал себе ближайшую цель дальнейшего следования. На этот раз он, почти не колеблясь, решает плыть к Одессе — с тем чтобы познакомиться с этой удивительной Россией и с другой стороны...

Этим многообещающим прогнозом и заканчивается «глава из Жюль Верна, никем и нигде не напечатанная». Кстати, она так и называется — «Капитан Немо в России». А обнаружил ее в 1898 году известный в прошлом русский писатель Константин Константинович Случевский, истинный ее автор. Впрочем, в том, что «глава» эта не что иное, как полушутливое подражание Жюль Верну, вы уже, вероятно, и сами убедились из краткого ее пересказа.

Жаль, конечно, что кудесником русского Севера К. К. Случевский сделал иностранца (Фиц-Рой у писателя — выходец из Австралии, которому стал вреден южный климат), да и русских своих героев — жену ученого и его слугу-помора — окрестил не по-русски. По-видимому, действительность помешала писателю оценить по достоинству могучие силы, что дремали в народе, скованные сословно-бюрократическими веригами русского царизма.

Но, во всяком случае, слова Случевского о том, что едва ли может и на самом крайнем Севере существовать глушь для человека, что «от него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта», оказались пророческими.

Обитаемая Луна

«...Исходя из того, что наша Земля обитаема, и сравнивая с ней Луну, мы убеждаемся, что наш спутник обеспечен светом и теплом, имеет почву, возможно даже более благоприятную для жизни, чем земная. Поэтому кто же может отрицать, что нет ничего слишком невероятного, более того, несомненно, что на Луне жизнь должна существовать в той или иной форме?»

Эти слова принадлежат Уильяму Гершелю — знаменитому английскому астроному восемнадцатого века.

Сегодня мы воспринимаем эти слова весьма иронически.

Наивный восемнадцатый век! Ученые могли тогда во всеуслышание заявлять, что на Луне есть жизнь. «Кто же может отрицать!..» Ученые не боялись тогда, что многомудрые коллеги обвинят их в беспочвенном фантазерстве, в отрыве от реальных достижений нау-

ки. Или, может быть, с рыцарским достоинством презирали эту боязнь?

Сегодня мы осмотрительнее в своих высказываниях. Говорить о жизни на Луне, о формах этой жизни мы предпочитаем сегодня в научно-фантастических повестях и рассказах...

Впрочем, о том, как мы **сегодня** относимся к Луне Обитаемой, разговор впереди. Словоохотливое племя фантастов появилось на Земле не сегодня и не вчера; представители этого гораздого на выдумку племени давали знать о себе и во времена Гершелля, и даже раньше. Вот и посмотрим: что **они** говорили по интересующему нас вопросу? Мимоходом мы уже коснулись этой темы в своих заметках о странствиях профессора Осипова. Но ведь то было именно мимоходом...

Там — чудеса...

В 1638 году в Шотландии вышла книга епископа Фрэнсиса Годвина, полное название которой было: «Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершенное Доминико Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол».

Герой книги находит на Луне разнообразную растительность, о которой говорит, например, следующее: «Все здесь имеется в изобилии, особенно злаки и плоды всех сортов...» И встречает он там — селенитов. «Едва я покончил с едой, как увидел, что меня окружает группа людей, наружность которых, рост и одежда показались мне совершенно необычайными. Большинство из них были вдвое выше земных людей, цвет лица у них был оливковый».

Вы обратили внимание? Все чудесное, все «необычайное» в селенитах заключено, оказывается, лишь в росте, одежде и внешности; в остальном они, очевид-

но, заурядные копии землян. Да автор и не отказывает им в звании людей!..

Откроем еще одну фантазию о Луне, относящуюся на этот раз к седьмым временам античности,— «Правдивую историю» Лукиана Самосатского, жившего в Римской империи во втором веке нашей эры.

Лукиан хитрит: назвав свое произведение «Правдивой историей», он тем не менее сразу предупреждает: «...я буду писать о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал». Насколько же ему верить? Ведь на его-то Луне происходят истинные чудеса!

Так, дети там рождаются не от женщин, а от мужчин, которые вынашивают их в икрах. Когда селенит стареет, то он не умирает, а «растворяется, точно пар, становится воздухом». Обитатели Луны не едят, а только вдыхают пар поджаренных на углях летающих лягушек; питьем им служит сгущенный воздух, выжимаемый в чаши. Глаза у них вставные, при желании их можно вынуть и спрятать. «Живот служит лунным жителям вместо кармана. Он у них открывается и закрывается; печени в нем нет, зато он внутри оброс густыми волосами, так что их младенцы в холодные дни прячутся в него». На ногах у селенитов только по одному пальцу, а ногтей вообще нет. В довершение ко всему, сморкаются селениты... медом. Да, вот уж чудеса так чудеса! Лукиан словно задался целью вывести из себя самого терпеливого читателя, настолько щедро преподносит он одну нелепицу за другой!

Разница между сочинениями Годвина и Лукиана несомненна, она прямо-таки бросается в глаза. Но чем эта разница объясняется?

Ответ прост.

Во времена Римской империи даже на Земле — такой огромной и такой еще не исследованной! — можно было найти место для самых невероятных явлений. В том числе для людей с самым фантастическим строе-

нием тела. А что? Попробуй-ка выясни, действительно ли лжет лукавый римлянин из Самосаты! Попробуй отправься на поиски истины за тридевять земель — в прямом смысле: за тридевять Земель! Ибо современные нам фантасты уже напомнили массовому читателю, что расстояние до Луны лишь «немногим» — все относительно — более двадцати семи (трижды девять!) земных диаметров... И на чем? На утлом деревянном суденышке?!

Но вот освоен север Европы, узнана в общих чертах Африка, более или менее известна Азия. И Колумб открыл уже для европейцев далекую Америку; выяснилось, что и там живут такие же, в общем, люди, как и в Старом Свете.

И будь скрыто где-то за морями, за океанами еще пять или даже десять таких Америк — все равно уже трудно поверить, будто тамошние аборигены резко отличаются от представителей уже известных народов. Внешностью? Да. Одеждой? Как правило. Ростом? И это бывало. Но — не двумя головами, не шестью руками! И, добавим, не «пустыми» животами...

А поскольку открытый для науки Галилеем телескоп поведал людям, что Луна во многом подобна Земле, последующие поколения вполне естественно считали Луну чем-то вроде заурядной земной территории. Отдаленной, неизвестной, даже недостижимой. Но едва ли в чем-то коренным образом отличной...

Луна с ее селенитами нужна была Годвину просто как новое место действия. Посмотрите, говорил Годвин своим читателям, как тепло, как радушно встретили Доминико Гонсалеса лунные обитатели. «Народ лунного мира отличается исключительной чистотой и нравственностью... И стар и млад ненавидят порок так же, как уважают добродетель». Сравните же, мысленно продолжал Годвин, с их добротой и порядочностью — несовершенство действительности, окружающей вас. Так

отчего же, отчего вы-то, люди Земли, не такие добрые, приветливые и радушные?..— вот что стояло за селенитами Годвина.

Великаны и монстры

К концу девятнадцатого века видимая сторона Луны была довольно хорошо исследована астрономами. Городов на ней, увы, замечено не было, и, что еще печальнее, не было отмечено присутствие воздуха. Но... У фантастов оставалась в запасе вторая, не видимая с Земли половина Луны!

Рассказывая о «Необыкновенных приключениях русского ученого» Ж. Ле Фора и А. Графиньи, мы уже приводили взятое из этого романа описание селенитов, в котором явно преобладают эпитеты «худой», «костлявый», «тощий», «плоский»... Но если забыть о необыкновенной дистрофии селенитов Ле Фора и Графиньи,— до чего легко превращаются они в самых заурядных землян! Вот только рост... три с половиной метра!

Пролистаем еще один роман, изданный на русском языке в 1900 году П. П. Сойкиным,— «Изгнанники Земли» А. Лори.

Действие романа разворачивается на Луне, и селениты Андрэ Лори — родные близнецы предыдущих. Новизна их лишь в том, что они, напротив, «прекрасны лицом» и достигают в высоту... девяти метров восьми-десяти сантиметров!

Луна, как известно, меньше Земли. И сила тяжести там, соответственно, в шесть раз меньше, чем на Земле. Не этой ли уменьшенной силой тяжести и объясняется столь явное пристрастие фантастов к селенитам великанского роста?

Впрочем, в фантастике первой четверти двадцатого века селениты отнюдь не исчерпывались великанами (и великаншами).

Вот роман польского фантаста Георгия (Ежи) Жулавского «Победитель», на русском языке опубликованный в 1914 году. Любопытно здесь описание шернов — древней разумной расы, обитающей на Луне.

«У них под крыльями, широкими крыльями из натянутой на костях перепонки, есть что-то вроде гибких змеиных рук с шестипалой кистью. Все тело покрыто черным коротким волосом, мягким, густым и блестящим, кроме лба и этих ладоней, которые обнажены и белы... И эти ладони... В этих ладонях их сила... Если они обеими ладонями вместе коснутся обнаженного человеческого тела, то человека потрясает дрожь, причиняющая боль, а иногда и смерть».

Под стать внешнему уродству шернов и их внутренний облик. Для них «...нет ни зла, ни добра, выдуманных слабыми людьми, нет справедливости и обид, заслуги и награды, наказания и греха, а есть одна лишь сила, заключенная в наивысшем творении света — во всемыслящем шерне!»

Впечатляет? Что ж...

В одном из номеров журнала «В мастерской природы» за 1929 год был опубликован рассказ А. Филиппса «Конец лунного мира».

Лунная цивилизация гибнет, единственное спасение для нее — в эвакуации на Землю. И вот первая ракета готовится к старту.

«Внизу кишели волнующиеся толпы селенитов. Они только тем были похожи на земных обитателей, что держались отвесно на двух конечностях. Всего этих конечностей было шесть, снабженных чем-то похожим на пальцы... Корпус их был покрыт твердым роговым веществом, голова — подобием шерсти, окаймляющей большие глаза и выдвинутые вперед роговые челюсти...»

Это счастье, должен был подумать читатель рассказа, что разведочную ракету селенитов растоптал земной тираннозавр! И что они не решились (или не успе-

ли...) отправить следующую. Иначе веселенькое будущее приготовили бы нам эти волосатые, пучеглазые муравьи!..

В виде пустой «оболочки» (разумеется, достаточно солидной: в две с половиной сотни миль толщиной!) представил Луну знаменитый Эдгар Райс Берроуз, который кроме 24 романов о Тарзане, 10-томной «марсианской» и 6-томной «венерианской» эпопей написал в двадцатых годах и «лунную» дилогию («Лунная девушка» и «Лунные люди»).

...Там, внутри этой космической Плутонии, сохранилась атмосфера. Через жерла многочисленных гигантских кратеров внутрь Луны попадают солнечные лучи, отражаясь от густых облаков, ровным сумеречным светом озаряют холмы и долины подлунного мира. И там, в этом не знающем яркого земного дня (но и земных ночей тоже!) мире, среди растительности розоватого цвета помимо всевозможных рептилий герои Берроуза встречаются... кентавров! «Лица у них были необычайно широкими, гораздо шире любого человеческого лица... Тело этих существ было покрыто одеянием с короткими штанинами, доходившими до колен. Грудь каждого опоясывала подпруга; сзади к ней было присоединено ремнем нечто, напоминавшее упряжь земных лошадей...» Эти воинственные существа, пребывающие в полупервобытном состоянии, отлично владеют своим оружием — короткими мечами-кинжалами и необычного вида копьями — и доставляют землянам немало неприятных минут. Впрочем, как всегда у Берроуза, на иной планете очень скоро обнаруживают себя и стопроцентные гуманоиды — прекрасные и ликом, и сложением...

Обозревая сегодня путь, пройденный мировой фантастикой, мы отчетливо видим в ней два потока. Один из них — фантастика развлекательная, «несерьезная». К сожалению, именно эта ветвь прежде всего бросается в глаза стороннему наблюдателю, по ней еще и се-

годня нередко судят о фантастике в целом... К этой-то ветви и тяготеют произведения, рассмотренные в данном разделе.

Влияние в избитии переводившейся у нас западной беллетристики остро чувствовалось в двадцатые годы в только-только зарождавшейся советской фантастике. Вот каких селенитов увидим мы, к примеру, в романе Виктора Гончарова «Психо-машина» (1924):

«В машину влезли два странных широкоплечих существа — два слоненка на задних лапах... Верхние конечности, мускулистые и прикрытые пергаментной кожей с мелкими черными волосиками, заканчивались двумя длинными пальцами...»

Это — «небезы». Представители эксплуатируемого большинства лунного общества. А вот и сами эксплуататоры, «везы»:

«Тут я заметил сидящее в кресле в носу аппарата... еще более странное существо... Если небезы были на две головы ниже человека среднего роста, то это существо не доходило бы и до пояса. Большая голова, совсем не по туловищу, с таким же хоботом, только более нежным, тонкие ручки с двумя длинными пальчиками и совсем крохотные ножки...»

Мыслящие слонята... Это было так изысканно, так необычно! Для определенной категории читателей, разумеется.

Специализированные селениты

Качественно иной поток фантастики составляют произведения, фантастический допуск в которых не самоцель, а средство. Средство показать безграничные возможности науки и приблизить их реализацию — в фантастике научно-технического плана. Средство привлечь

общественное внимание к острым проблемам современной писателю жизни — в фантастике социальной. К этой последней принадлежит еще одна группа лунных монстров — специализированные селениты Герберта Уэллса.

В 1901 году знаменитый фантаст опубликовал свой новый роман — «Первые люди на Луне». Что же увидели на Луне уэллсовские Кейвор и Бедфорд?

Первым из представителей лунного мира встрети-лась им странная громадина, рыхлая и почти бесфор-менная. Не без труда угадывалась в этом чудовище за-урядная лунная «корова» — специально усовершенствованная порода, дающая максимум продукции.

А затем... Затем они попадают в подземный мир селенитов. В целом селениты Уэллса напоминают муравьев. Но только — в целом!

«Казалось, что в этой суетящейся толпе нельзя най-ти двух сходных меж собой существ. Они различались по форме, по размерам и представляли самые устра-шающие вариации общего типа селенитов. Некоторые были как громадные пузыри, другие сновали под нога-ми у своих братьев. Все они казались каким-то гроте-ском, уродливой карикатурой на людей...»

Селениты Уэллса не только лунных коров приспособили для максимальнейшего производства продук-ции,— они и самих себя так же исчерпывающе усовер-шенствовали. «На Луне каждый гражданин знает свое место. Он рожден для этого места и, благодаря искус-ной тренировке, воспитанию и соответствующим опера-циям, в конце концов так хорошо приспособливается к нему, что у него нет ни мыслей, ни органов для чего-нибудь другого». Если это пастух, то он снабжен длин-ными ремнеобразными щупальцами. Если это носиль-щик, то он представляет собою кривобокое существо с огромными плечами. Художник здесь — субъект с очень подвижной рукой и строгим взглядом, рисующий

с невероятной быстротой. Ювелир — крохотное существо, могущее уместиться на ладони; у машинистов, благодаря особым прививкам, отрастают длинные «руки»; стеклодуву увеличивают легкие, превращая их попросту в легочный мех...

Эта же приспособленность царит и среди селенитов-«интеллигентов»: администраторы здесь обладают большой инициативой и гибкостью ума, ученые хранят в своей памяти невообразимую массу сведений по узкоотраслевым вопросам, эксперты приучены распутывать самые сложные аналогии. И все они, представляя собою карликовые существа с уродливо гипертрофированным мозгом, разительно отличаются от селенитов-ремесленников или воинов.

Возглавляет это удивительное общество Великий Лунарий. Вот как описывает Кейвор его внешность:

«Сначала этот лунный мозг показался мне похожим на опаловый расплывчатый пузырь с неясными, пульсирующими, призрачными прожилками внутри. Затем я вдруг заметил под этим колоссальным мозгом над краем трона крошечные глазки. Никакого лица не было видно — только глаза, точно пустые отверстия. Потом я различил внизу маленькое карликовое тело с белесыми, скорченными, суставчатыми, как у насекомых, членами... Слабенькие ручки-щупальца поддерживали на троне эту фигуру...»

Буржуазные экономисты сравнивали общество с человеческим организмом: рабочие — это руки общества, правящие классы — его мозг... Герберт Уэллс с предельной яркостью овеществил эту метафору. Его лунное общество — действительно карикатура. Карикатура на специализированное, донельзя разобщенное капиталистическое общество, где человек — лишь винтик общественного механизма, превосходно притертый и максимально обезличенный.

«Дети Радия»

В лице селенитов Уэллса мы имели дело с фантастической социальной. Заглянем теперь в фантастику научно-техническую. Ведь были же у фантастов попытки реально представить возможные — не отрицаемые наукой — формы разумной жизни на Луне!

В двадцатых годах во Франции была учреждена премия Жюль Верна. Присуждалась она, естественно, за лучшее научно-фантастическое произведение года. В 1929 году эта премия была вручена Альберту Байи за роман «Эфир-Альфа».

Изобретатель Монкальм и его невеста Минни летят на Луну. И этот лишенный атмосферы, холодный и неуютный мир оказывается-таки обитаемым! «...Перед ним плясали маленькие огоньки. Они взлетали, опускались, смешивались, прыгали по скалам. Синие, красные, зеленые и фиолетовые... Они имели форму звезды о шести лучах».

Земляне находят общий язык с этими удивительными звездами — им оказывается... азбука Морзе. «Мы дети Радия, и наша жизнь электромагнитическая, — общаются селениты-звезды. — Мы вечны...» Сгустки электрической энергии, они лишены всякой материальной оболочки, живут только колебаниями, через колебания воспринимают окружающее. Они могущественны, их разум безграничен, они способны даже оживить погибшую Минни. («Мы захотели узнать причину смерти Минни, и мы нашли...»)

Но это холодный, бесчувственный разум. Из опасения, что земляне захотят овладеть Луной («Разве мы знаем, где останутся ваши открытия?»), радики стремятся уничтожить всякую жизнь на Земле. Космическое пространство открыто для них, и вот уже катятся по Земле электромагнитные бури, пожары, землетрясения, ужасные наводнения...

В художественном отношении роман Байи бесконечно устарел сегодня. Но мысль об энергетических сгустках как возможной форме инопланетной жизни не кажется абсурдной и фантастам наших дней.

Всерьез, «по-научному»...

За прошедшие столетия человечество многому научилось, повзрослело и посерьезнело. На смену отроческим мечтам пришло точное знание. И это не могло не сказаться на научной фантастике. Она тоже посерьезнела. Лишь в юмористической ветви ее сохранились селениты человекообразные. Хотя, конечно, нет правил без исключений...

В 1958 году, например, появилась в русском переводе отнюдь не юмористическая повесть украинского фантаста В. Бережного «В звездные миры». Искушенный читатель уже не мог без юмора воспринимать такие «находки» автора, как, скажем, человеческий скелет, обнаруженный на Луне: длина его, сообщает фантаст, достигала семи-восьми метров...

Нет, современный читатель не склонен довольствоваться бесконечными вариациями на темы Андрэ Лори или Г. Жулавского!

Однако что же нынешние фантасты? Ищут ли они новые формы жизни, более приемлемые в наш эрудированный и потому неизбежно скептический век для Луны Обитаемой?

В повести А. Шалимова «Пленник кратера Арзахель», опубликованной в 1964 году, космонавт, исследуя лунную поверхность, встречает **Гроздь**.

«Гроздь медленно приближалась. Когда расстояние сократилось до нескольких метров, ее движение замедлилось. Теперь я мог хорошо рассмотреть ее. Вблизи она напоминала кисть гигантских виноградин, каждая размером с большой арбуз. Зеленые полупрозрачные

виноградины, круглые и удлинённые, плотно прилегали друг к другу и, казалось, чуть пульсировали».

Космонавту не удастся вступить в реальный контакт с «виноградинами». Но автор прозрачно намекает, что принадлежат они все-таки к категории мыслящих...

Повесть Шалимова — едва ли не единственное произведение фантастики последних десяти — пятнадцати лет, где нам удалось обнаружить разумную лунную жизнь. Современные авторы в изобилии встречают на Луне грибы, мхи, плесень. Изредка натываются на медуз или хотя бы многократно увеличенных, «лунных» микробов. Но в наличии высших форм жизни Луне сегодня, как правило, отказывают и фантасты. Самое большое, на что они решаются сегодня, — это многозначительно обронить по ходу дела:

«Примерно в километре от него отчетливо виднелись голубоватые светящиеся пятна. Неровный, призрачный свет смешивался с алыми красками затмения, непрерывно меняя оттенки. Пятна медленно, но все же отчетливо перемещались...» (Рассказ Ю. Шпакова «Вымпел» в его сборнике «Один процент риска», 1965).

Нетрудно понять, почему столь резко оскудел лунный мир в книгах фантастов.

Луна сегодня слишком близка для нас. Мы знаем обратную сторону Луны, видели на экранах телевизоров лунную почву. Реальный земной человек уже ступил на поверхность вековечной нашей небесной соседки...

Вспомните, что мы говорили, рассуждая о сочинениях Лукиана и Годвина. Очередное тридевятое царство перестало быть тридевятым царством... — и фантасты устремились дальше. А вместе с ними отправились к дальним планетам и звездам и бывшие лунные великаны и монстры. Приглядитесь внимательно к самим свежим новинкам фантастики: вы легко обнаружите в них не только человекообразных (гигантов и карликов, «прекрасных обликом и душой» и «морально и внешне

уродливых»), но и наделенных разумом «летучих мышей», и — в изобилии — всевозможных кенгуру-, медузо-, спруто-, змее-, жуко-, пауко- и муравьеподобных.

Что же касается Луны...

Нынешние фантасты все чаще находят на ее поверхности следы пришельцев из иных миров. Развалины их баз. Поставленные ими памятники и обелиски. Покинутые ими корабли. Оброненные пуговицы и зажигалки. Наконец, специально приготовленные для землян контейнеры с подарками и сувенирами...

И все-таки — Обитаемая!

Выискивая в фантастике колоритные описания аборигенов Луны, мы, между прочим, совершенно упустили из виду еще одну категорию лунных жителей. Какую же? А вот — познакомьтесь, пожалуйста...

«Глаза у нее были чуть раскосыми, как у большинства лунных девушек, но волосы цвета спелой пшеницы и крупноватый нос никак не вязались с традиционным представлением о восточных красавицах. Однако, несмотря на неправильные черты лица, она была очень привлекательна...»

Представленная вам в этом отрывке Селена Линдстрем, не будучи, разумеется, аборигеном, тем не менее родилась и выросла именно здесь, на Луне.

О них-то, лунных поселенцах, и должны мы сказать хотя бы вкратце, заканчивая свои заметки о Луне Обитаемой.

История и этого вопроса могла бы, кстати, увести нас опять-таки в дебри «добрых старых времен».

Лет десять назад, к примеру, был у нас переиздан роман Ежи Жулавского «На серебряной планете», впервые вышедший еще в 1903 году и составляющий вместе с упоминавшимся уже «Победителем» и «Старою Землей» довольно известную трилогию.

...Группа землян, попав на Луну, не может оттуда выбраться. Обнаружившаяся на «той стороне» атмосфера спасает их от гибели; неизбежно приспособляясь к лунным условиям, они с каждым новым поколением... уменьшаются в росте. Настолько, что герой второго романа, еще один выходец с Земли, кажется измельчавшим лунным колонистам настоящим гигантом, они даже принимают его за Мессию, призванного спасти их от всевозможных бед и несчастий (в том числе от преследования со стороны злокозненных шернов). Поначалу Победитель вполне оправдывает эти ожидания, но — лишь поначалу: роман заканчивается трагической гибелью героя. И в заключительной книге трилогии уже наиболее предприимчивые из «лунян» сами отправляются на «старую Землю» — проведать свою прародину...

Ограничимся в своих «воспоминаниях» этой невеселой историей, которая на деле невозможна просто по причине отсутствия атмосферы и на «той стороне»; упомянем также, что трудно уповать и на вариант, предложенный Н. Мухановым в романе «Пылающие бездны» (1924): в результате войны двух миров «Луна, под влиянием беспощадного накаливания со стороны Марса, растопила свои тысячевековые льды и оделась плотной атмосферой». Земляне в космическом боевике Н. Муханова, понятное дело, возликовали, — невдомек им, недалёковидным, что бессильна будет Луна удерживать и эту новообретенную атмосферу...

Что ж, констатируем: на естественную лунную атмосферу рассчитывать, увы, не приходится... И — вернемся вспять к новейшей (трезвой, сугубо научной!) фантастике. А здесь мы непременно, не очень-то даже углубляясь в поиски, обнаружим на Луне и отдаленного, и близкого будущего великое множество всевозможных научных и иных баз и станций. Притом отнюдь не пришельческих, — наших, земных! Они есть, к примеру, в

рассказах С. Лема «Условный рефлекс» и «Охота на Сэатвра», в повестях Д. Константиновского «Ошибка создателя», И. Дручина «Тени лунных кратеров». В рассказе В. Сапарина «Прораб вселенной» фигурирует и целый Лунный город, который, как и станции предыдущих авторов, надежно упрятан в лунную толщу, а отличается тем, что все в нем — не только температура или состав воздуха, но даже и притяжение, и абсолютно все вещи и предметы, словом, действительно все — как на Земле. («Остряки недаром говорили, что, если хочешь познакомиться с типовыми условиями существования человека на Земле, отправляйся на Луну...»)

Впрочем, до сих пор — вы заметили? — речь шла, в сущности, не более чем о лунных сооружениях: ведь персонал всех этих баз и станций систематически обновляется, смена сменяет смену... Обитателей этих станций лишь очень условно можно именовать лунным населением.

Но вот в повести Артура Кларка «Лунная пыль» мы имеем уже дело именно с населением Луны. В Клавии, первом ее городе, проживает целых двадцать пять тысяч человек! И хотя городу этому, по-видимому, всего лишь с полвека, за эти пятьдесят лет событий на Луне произошло, конечно же, «значительно больше, чем за предшествующие пять миллиардов». При городе создан даже первый лунный парк, пусть маленький, однако отнюдь не «оконный ящик, страдающий манией величия», — как отозвался о нем «один болтун из телевидения». Во всяком случае, «на Земле ни в одном парке, в саду и огороде нет подсолнухов высотой в десять метров»!.. А поскольку межпланетная трасса Земля — Луна давно уже прочно освоена, надежна и стабильна, создано на Луне и специальное Управление лунного туризма: планете и помимо рослых подсолнухов есть с чем познакомить своих гостей!..

Туристов же, кстати, встречаем мы и на Луне Айзека

Азимова (роман «Сами боги»). Здесь, однако ж, к ним относятся без того почтения, которое было ощутимо у администраторов кларковского «Лунтуриста». Совсем наоборот! Упомянутая нами Селена Линдстрем, как и другие коренные луняне, недолюбливает землян и даже пренебрежительно именует их «земляшками». Ведь на них так забавно смотреть, когда они, грузные и неловкие, пытаются держаться по-свойски в непривычных лунных условиях. И кроме того, они, «земляшки», по мнению определенной прослойки лунян, слишком закоснели в неоправданном своем отношении к Луне как к захудалой земной провинции...

Вот мы и вернулись — на новом витке спирали — к тому, о чем шла речь в первой главке этих заметок: для персонажей современной фантастики Луна вновь превратилась в заурядную земную территорию. Пусть жизнь на ней вынуждена пока забиваться в подлунные пещеры и выработки, она — эта жизнь, привнесенная на Луну с Земли, — неотвратимо освоит негостеприимный лунный мир.

«На Луне все, что необходимо человеку, создано самим человеком. Луна — мир, сотворенный человеком с начала и до конца. У него нет прошлого...»

Фантасты (в данном случае А. Азимов), естественно, произносят эти слова в прошедшем времени: «создано», «сотворенный». Мы, их читатели, более склонны употреблять в данном контексте глагол-связку будущего времени: «будет создано», «будет сотворен». Но и мы, читатели, уже не склонны сомневаться в реальной категоричности этого «будет».

Ведь в земных лабораториях — где-то совсем неподалеку от нас! — наши современники-ученые уже сегодня рассматривают под микроскопом кусочки лунного грунта...

Нереализованный патент

«На той стороне Луны, которая обращена к нам, жителей нет,— сокрушается герой рассказа Жюль Верна «В XXIX веке».— Но, быть может, на противоположной стороне...»

Да, какова она, обратная сторона Луны? Какие сюрпризы таит в себе, какие тайны скрывает?

Люди и прежде задумывались над этим вопросом. Но, пожалуй, Жюль Верн первым попытался придумать способ, ведущий к разрешению наболевшего вопроса.

Способ был радикален и прост:

— Нужно повернуть Луну!..

«И с этого дня ученые погрузились в изучение механических приемов, с помощью которых можно будет добиться поворота нашего спутника...»

Жюль Верн умалчивает о том, насколько же плодотворными оказались труды его героев.

Впрочем, для нас давно уже отпала надобность в подобных мерах. Еще в 1959 году (задолго до XXIX века!) мы сумели увидеть дотопе неведомую часть Луны, и не поворачивая нашу соседку,— с помощью советской автоматической станции, передавшей на Землю снимки обратной стороны.

Обитателей, к сожалению, не обнаружилось и там. Но не будем излишне строги к Жюлю Верну: ведь его рассказ был написан еще в 1889 году и, кроме того, заключал в себе изрядную дозу иронии...

Побывать на Луне!..

Эмиль Петерс, герой рассказа Дж. Шлосселя «Лунный курьер», опубликованного в 1929 году журналом «В мастерской природы», мечтал побывать на Луне.

«Попробуй что-нибудь другое,— уговаривали его друзья.— Самые смелые арктические исследователи, люди, которые приучили себя к тяжелым физическим испытаниям, люди, обладающие стальными мускулами и непреклонной волей, и те не отважились бы на

такое страшное по своей дальности путешествие. А ведь ты без посторонней помощи не можешь двинуться с места...»

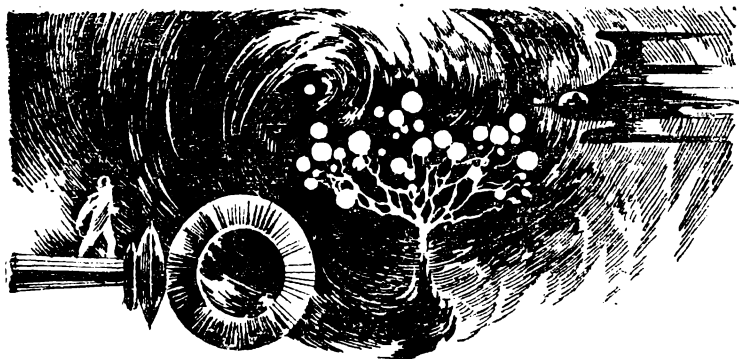
Многие годы Эмиль был частично парализован, представить его в роли космопроходца было действительно трудно. И все-таки, будучи талантливым радиотехником и обладая незаурядной силой воли, Эмиль находит выход: «стальные» мускулы, «стальные» нервы — он реализовал эту метафору, сконструировав своего «заместителя».

«Этот «заместитель», — поясняет он посетившему его другу, — благодаря радио одарен голосом и слухом. Дальновидение снабдило его зрением: я могу, сидя здесь, за этим столом, видеть через его искусственные глаза. Беспроволочное управление на расстоянии сообщает движение его ногам и рукам и придает ему какую угодно позу...»

Стальной курьер на корабле попадает на Луну, выбравшись из корабля, путешествует по поверхности нашей небесной соседки, — и вместе с ним, не покидая своего земного кресла, путешествует по Луне и Эмиль Петерс...

Собственно, для нас в этом заочном путешествии по Луне нет ничего необычного: первый самоходный аппарат, автоматически управляемый с Земли, появился на поверхности Луны еще в ноябре 1970 года. Приучены мы и к тому, что рано или поздно сбываются самые смелые фантазии.

И все-таки читать рассказ, содержание которого здесь вкратце пересказано, — в журнале *полувековой* давности... Нет, право же, необъяснимое очарование таится подчас под невзрачными обложками этих старых-старых журналов!

Солярис и... К^о

«...Второй том Хьюджеса и Эгла, который я перелистывал совершенно машинально, начинался с систематики, столь же оригинальной, сколь и забавной. Классификационная таблица представляла в порядке очереди: тип — Политерия, класс — Метаморфа, отряд — Синциалия. Будто мы знали бог весть сколько экземпляров этого вида, тогда как на самом деле существовал лишь один, правда, весом в семнадцать миллиардов тонн...»

Вы уже догадались, конечно, что речь идет о знаменитом Солярисе. Но действительно ли он так одинок, неповторим и уникален, как это утверждает Крис Кельвин в романе Станислава Лема?

Попробуем разобраться. И начнем, как говаривали древние, «ab ovo» — «с яйца», с самого начала...

В многозвездном небе фантастики полным-полно самых разнообразных планет: трудно найти фантаста, который не внес бы хоть малой лепты в создание фантастической Вселенной!

Одинока ли в этой Вселенной планета Солярис?

Поймем этот вопрос — для начала — буквально и... поищем планеты именно с этим именем. Поищем... А поиск, наверняка обнаружим планету со сходным названием Соляриса в романе А. Азимова «Обнаженное солнце» — мрачноватом романе о будущем людей, избалованных всевозможной кибертехникой и отвыкших от непосредственного общения с себе подобными. Если же хватит у нас для поисков и времени, и терпения, мы можем обнаружить и такой факт: не переводившийся у нас роман американского писателя Нормана Спинрада называется — представьте себе — не как-нибудь, а... «Жители планеты **Солярис**»!..

Впрочем, такое совпадение в названиях планет еще ни о чем, разумеется, не говорит. А потому обратимся к более существенным компонентам в характеристике Соляриса.

Солярис — планета в системе двойной звезды, он вращается вокруг голубого и красного солнц. Ах, так?! — воскликнем мы и обрушим на читателя каскад подобных же — в системах двойных звезд — планет. Это и населенный вполне симпатичными кентаврами-свисами Теллус в «Робинзонах космоса» Ф. Карсака, и планета малоприятных своей призрачностью Видящих Суть Вещей в «Балладе о звездах» Г. Альтова и В. Журавлевой, и удивительное небесное тело в рассказе Ф. Брауна «Планетат — безумная планета», и не менее загадочная Малышка в «Ловушке для простаков» А. Азимова, и, наконец, Интеропия у самого С. Лема (именно на ней, между прочим, обитают в «Звездных дневниках» горообразные добродушные гиганты «курдли»). И массу других планет, опекаемых двойным светилом, встретим мы в книгах фантастов...

Но — далее. Солярис — планета, покрытая океаном? А Аквация в «Советниках короля Гидропса» неистощимого на выдумку С. Лема и Пинта в его же «Три-

надцатом путешествии Ийона Тихого»? А «Инфра Дракона» Г. Гуревича — с ее подводными «куполами, шарами, плавающими башнями» и «какими-то странными существами»? А, скажем, злополучный — с единственным крохотным островком, если не считать ледяных шапок у полюсов,—Трайидент в «Мятеже шляпки» Р. Шекли или населенная полуразумными дельфиноидами Венера в «Сестре Земли» П. Андерсона?! Наконец, такова и Рубера в повести «Восстание супров» В. Назарова,— «сплошной океан без намека на сушу, гигантский пузырь чудодейственного протовита». Того протовита, который «способен залечить рану, поднять из мертвых, оплодотворить и сделать плодоносной почвой тысячетлетней гранит».

Планета, покрытая Океаном — с большой буквы? Живым и, более того, мыслящим Океаном? Вот мы и добрались до самой сути нашего вопроса. Что ж...

Оставим в стороне мимолетные упоминания фантастов о «живом океане загадочной планеты 926-B-719» («Земля зовет» В. Рыбина), о «Говорящем Океане Пропциона-четыре» («Обмен Разумов» Р. Шекли).

Лишь вкратце упомянем и таких «микрородственников» Соляриса, как зловещее озеро протоплазмы, порождающее квазилюдей,— в схватке с ними едва не гибнут герои шумно знаменитых «Звездных королей» Э. Гамильтона. Или «Отец-Аккумулятор» планеты Арания — озеро, служащее своеобразным механизмом для выработки электроэнергии и питающее ею паукообразных обитателей того странного мира, который выведен в третьей книге романа-эпопеи С. Снегова «Люди как боги». Или, к примеру, живое Оранжевое море, которое обнаруживают на Оранжевой планете персонажи повести В. Михановского «Оранжевое сердце»...

Но вот на рассказе одного из старейшин американской фантастики, Мюррея Лейнстера, стоит и задержаться.

Героиня этого рассказа — живое существо Эйликс, бесформенная студенистая масса, распростертая от одного полюса открытой людьми новой планеты до другого. «Она заполняла собой то, что могло быть океанскими безднами, и тонким слоем покрывала высочайшие вершины планеты»... Земляне быстро узнают об удивительных ее свойствах: телепатически воспринимая пожелания людей, она создает из своего изменчивого тела любые мыслимые вещи — от простенького рычага до сложнейшего, в сущности, земного дерева! И...

И начинается обычная для западной фантастики история — многовековая эксплуатация недр планеты. Необычно лишь то, что ведется-то она... с помощью самой Эйликс, послушно загружающей трюмы грузовых звездолетов ценнейшим минералом. Однако же сотни лет общения с людьми дали ей нечто большее, чем простое умение выполнять приказы: под влиянием впитываемых ею человеческих знаний и опыта разбуженное ее сознание преобразуется в разум.

Этот суперинтеллект бесконечно доверчив к людям. Единственное, чего он прямо-таки жаждет в обмен на тысячетонные сгустки сокровищ своей планеты, — это общение. «Я привыкла к обществу людей. Без них я очень одинока...»

А люди, коварные и недалекие люди будущего (они зачастую предстают таковыми в западной фантастике), уже заподозрили в бедной одинокой Эйликс... кого бы вы думали?! своего Врага Номер Один! Еще бы, ведь она поистине всемогуща по сравнению с землянами! Всемогуща — несмотря на все их хитроумнейшие машины! Им страшно подумать, даже представить страшно, что может произойти, сменись вдруг ее расположение к людям пусть всего только недоброжелательством. Невдомек им, коварным и недалеким, что Эйликс просто незачем враждовать с людьми, ей просто нечего делить с ними! Невдомек... и они уже затевают

бессмысленные, заведомо обреченные на неуспех, акции по уничтожению сверхопасной планеты. И Эйликс вынуждена защищаться от этих ставших слишком уж агрессивными землян, она изобретает все новые и новые способы экранировки и в конце концов совсем исчезает из поля их зрения — перемещает свою планету в другую Галактику.

А жажда общения с ними, людьми, остается, и Эйликс неподдельно счастлива, когда часть заблудившейся экспедиции землян (которую, кстати, она без всякой корысти выручает из весьма бедственного положения) добровольно поселяется среди истинно райских лесов и озер, предупредительно возникших на этой милой, доброй одинокой планете...

Рассказ М. Лейнстера так и называется — «Одинокая планета». Что ж, она-то, Эйликс, и была уникальным в фантастической Вселенной разумным Океаном-планетой... пока не появился у нее «младший брат» — мыслящий Океан Соляриса: роман С. Лема был написан значительно позже этого рассказа. Естественно, между «родственниками», даже и близкими, нет никакого иного сходства, кроме чисто внешнего, да и в этом плане близнецами их никак не назовешь. Пожалуй, именно вот этой открытостью людям, неумной своей общительностью, бесхитростной любознательностью бесконечно терпеливая Эйликс и отличается прежде всего от мрачноватого, замкнутого, трудного на контакт мудреца с планеты Станислава Лема.

Чтобы исчерпать до конца заданный себе вопрос, если не перечислим (слишком их много), то хотя бы разобьем на группы другие фантастические планеты, чем-либо близкие Солярису.

Это, во-первых, планеты, покрытые, вместо Океана, иной мыслящей — или хотя бы чувствующей — однородной субстанцией: цветами («Вы, вероятно, назвали бы

нас единым организмом. Наши корни сплетены в единую сеть, она охватывает всю планету — возможно, вы скажете, что это наша нервная система. На равных расстояниях расположены большие массы того же вещества... должно быть, вы назовете это мозгом. Не один мозг, а многое множество, и все они связаны общей нервной системой...» — мы процитировали роман К. Саймака «Все живое...»), «сиреневыми песками» («Аналогия» М. Емцева и Е. Парнова), «первичным илом» («Последняя великая охота» А. Якубовского)...

Это, во-вторых, планеты, заселенные сообществами с жестко сбалансированной экологией,— все живое составляет в подобном мире единое целое. Таков, к примеру, Пирр в романе Г. Гаррисона «Неукротимая планета». То же и в романе Р. Маккены «Охотник, вернись домой» и, скажем, в рассказе Д. Шмица, который так и называется: «Сбалансированная экология».

В-третьих, это планеты, на которых, как и на Солярисе, землян подстерегают псевдореальные образы, извлеченные из памяти людей, двойники или всевозможные иные вполне ощутимые «фантомы»; на поверку такие планеты могут оказаться «искусственницами» — чудесным творением высокоразвитых братьев по Разуму («Третья экспедиция» Р. Брэдбери, «Вечный эрзац» Э. Ван Фогта, «Цветы Альбароссы» М. Грешнова, «Планета для контакта» Е. Гуляковского, «Запрещенная планета» В. Стюарта, «Звездные берега» С. Слепынина и многие другие произведения).

В-четвертых, это... **живые** планеты, список которых, будем считать, открыл еще А. Конан Дойл в своей повести «Когда Земля вскрикнула». Планету, которая «хотела, чтобы ее любили ради нее самой, а не ради богатства», мы найдем, к примеру, у того же Р. Брэдбери («Здесь могут водиться тигры»)...

И наконец, каким-то боком примыкают сюда — в силу собственной необычности — разнообразные пла-

неты-механизмы («Фактор ограничения» К. Саймака, «Запретная зона» Р. Шекли, «Порт Каменных Бурь» Г. Альтава). Они действительно необычны, эти планеты, особенно же, пожалуй, та, которую придумал Р. Шекли. Обнаружив ее, земляне поначалу теряются в догадках, никак не могут понять назначение увенчивающего ее огромного столба с кольцом на конце. Этот столб оказывается... ключом, которым заводят «планету-игрушку»; попробуйте-ка представить себе размеры детских, этой игрушкой забавляющихся?!.

Подытожим. Не так уж, как видим, и одинок Солярис: в бескрайних просторах фантастической Вселенной есть у него и дальние, и близкие «родственники», есть даже и «старшая сестра»... Так, впрочем, очень часто случается в фантастике: у самой заманчиво оригинальной идеи вдруг обнаруживаются разнообразнейшие соотвества и параллели!

А свидетельствует это лишний раз вот о чем.

Фантастика — прежде всего литература. Художественная литература. И сколь бы важную роль ни играли в ней научно-технические идеи, главный секрет обаяния лучших ее произведений в другом. В их художественной полнокровности.

Ведь и «Солярис» Лема завораживает нас отнюдь не подробнейшими обоснованиями самой возможности существования разумного океана — хотя и они, эти обоснования, безусловно, для нас интересны. Роман Лема берет другим. Трудные пути человечества к звездам, встреча с Неизвестным на этих путях, проблематичность взаимопознаваемости участников Контакта, наконец, поведение и судьбы людей, уносящих к звездам весь свой земной «багаж», — ведь именно это привлекает нас в первую очередь в «Солярисе», не так ли?!

Кто первым сказал слово «робот»?

Робот... С каждым годом все увереннее оперируем мы этим словом. Оно еще отсутствовало во втором издании БСЭ (соответствующий том был подписан к печати в сентябре 1955 года), но, как и следовало ожидать, вызвало подробную статью в новом, третьем издании БСЭ (т. 22, 1975).

Ну а само это слово,— кто все-таки его придумал?

Впрочем, не будем мудрить: в общепринятом ныне смысле это слово впервые прозвучало в пьесе чешского писателя Карела Чапека «R. U. R.», написанной в 1920 году.

Однако назвать пьесу Чапека — это только половина ответа. Вот что рассказывает сам писатель:

«...В один прекрасный момент... автору пришел в голову сюжет... пьесы. И пока железо было горячо, он прибежал с новой идеей к своему брату Иозефу, художнику, который в это время стоял у мольберта и размахивал кистью так, что холст под ней трещал.

— Эй, Иозеф,— начал автор,— у меня вроде бы появилась идея пьесы.

— Какой?— пробурчал художник (он в полном смысле слова бурчал, потому что вторая кисточка была у него во рту).

Автор изложил сюжет так коротко, как только мог.

— Ну так пиши,— проронил художник, даже не вынимая изо рта кисти и не прекращая грунтовать холст. Это было просто оскорбительное равнодушие.

— Но я не знаю,— сказал автор,— как мне этих искусственных рабочих назвать. Я бы назвал их лаборжи, но мне кажется, что это слишком книжно.

— Так назови их роботами,— пробормотал художник, не выпуская изо рта кисточки и продолжая грунтовать...»

Так с легкой руки Иозефа Чапека и вошло в мировую литературу новое слово, означающее, по характеристике Бернарда Шоу, «существо, лишенное оригинальности и инициативы, которое должно делать то, что ему прикажут...»

Зов иных миров

Издревле глядели в небо обитатели Земли. Что они видели там? Бесконечную россыпь далеких мерцающих огоньков? Да, но не только это.

Еще Лукреций, знаменитый римский философ-эпикурец, за добрую сотню лет до нашей эры утверждал, что «наш видимый мир не является единственным, и мы должны верить, что в пространстве существуют другие земли, другие существа и другие люди».

Живыми существами населяли звезды, планеты и Луну древние египтяне. Древние китайцы полагали, что их предки появились на Земле, упав с Луны. А пришествие с неба всевозможных богов и родоначальников? Не счесть подобных легенд у самых разных народов!

Уже в древности предпринимались и попытки вычислить «процент обитаемости» Вселенной.

Сицилианец Петроний Химера утверждал, к примеру, что существует 183 населенных мира. Весь мир образует треугольник, полагал он, и на каждой стороне этой

невообразимо огромной геометрической фигуры размещается по 60 миров. Да еще три мира — в ее углах!..

А в 1837 году (меньше полутора столетий назад!) англичанин Томас Дик ухитрился подсчитать даже число разумных обитателей Солнечной системы — Земли с Луною, планет, их спутников и, наконец, самого Солнца. Цифра у него получилась, прямо скажем, немалая: 703 079 774 404 000 разумян! Из них подавляющая часть — 681 триллион 184 миллиарда — приходилась на Солнце. За основу подсчетов Томас Дик принял тогдашнюю заселенность Англии. При этом на самой Земле у него расположилось лишь 800 миллионов...

В наш скептический XX век мы стали много строже в своих прогнозах. Да и как не поостепениться — даже в фантастике, даже в самых безудержных, самых, казалось бы, безоглядных выдумках, — если, скажем, на Венере (где у Томаса Дика размещалось — ни много ни мало — 53,3 миллиарда обитателей!), по современным научным данным, температура на поверхности — до пятидесяти градусов выше нуля...

Но тем не менее и в нас жив зов иных миров — древняя, как мир, как человечество, мечта о братьях по Разуму, о сестрах Земли — цветущих и населенных планетах иных солнц.

Яркое выражение нашла эта мечта не только в литературе, но и в фантастической живописи, широко распространившейся ныне, почти немыслимой как самостоятельный жанр еще каких-нибудь четверть века назад.

Да, конечно, отдельные картины — или даже циклы картин — посвящались «его величеству Космосу» и художниками прошлого.

Самому мне, к примеру, запала в память картина, встретившаяся когда-то на обложке старого журнала. Огромным холодным шаром нависал над зыбкой твердью малой планетки величественный Сатурн, оза-

ряемый странным сиянием могучего разнополосного кольца... Наткнувшись позже еще раз на тот журнал (им оказался номер сойкинского «Природа и люди» начала века), я запомнил из редакционного объяснения, что репродукция изображает ночь на Мимасе — ближайшем (по научным данным того времени) спутнике Сатурна, а принадлежит эта картина кисти ученого аббата Моро, художника-астронома, постаравшегося учесть и относительные размеры Сатурна, и наклон его кольца, и положение тени,— все это было скрупулезно рассчитано им теоретически...

Были и другие картины. Целая подборка космических пейзажей («Вид Земли с Луны», «Марс с его лунами», Венера, Меркурий, Юпитер, тот же Сатурн и даже «Пейзаж планеты другой системы, освещенной четырьмя солнцами и четырьмя лунами») приведена во втором выпуске ставших ныне библиографической редкостью «Межпланетных сообщений» Н. А. Рынина (1928). Однако в то время подобные публикации интересовали, по видимому, лишь узкий круг энтузиастов, самозабвенно занимавшихся проблемами межпланетных сообщений.

Сейчас, когда сами эти проблемы по-новому высвечены современной наукой (и уже не только наукой, но и практикой!), по-новому воспринимается и космическая живопись. Со страниц специальных изданий она проникла в самые популярные, самые общедоступные,— такие, как, скажем, журнал «Огонек». В течение многих лет репродукции полотен художников-фантастов публикуются из номера в номер в «Технике — молодежи». У космической живописи есть уже и свои признанные лидеры (в нашей стране это, в первую очередь, Андрей Соколов и космонавт Алексей Леонов), она демонстрируется ныне на конгрессах ученых и в выставочных залах, вызывая всякий раз интерес у самой разнообразной и широкой аудитории.

Уже не игру холодного ума, увлекшегося магией

астрономических вычислений, а прежде всего эмоциональное начало ищем и находим мы в фантастических экскурсах наших живописцев.

И тут хотелось бы особо сказать о картинах сочинского художника Георгия Курнина, хорошо знакомых читателям не только столичных журналов, но и «Уральского следопыта».

В отличие от полотен большинства его собратьев по жанру, на них нет земной техники — пусть даже техники отдаленнейшего будущего. Почти не встречаются на них и сами земляне. Полотна Курнина — это именно пейзажи. Ландшафты далеких миров, живущие в воображении художника, выплеснутые на холст и, возможно, — а почему бы и нет?! — взаправду поджидающие где-нибудь в безвестном далеком далеке, когда же наконец их увидят воочию звездопроходцы — наши правнуки.

А что, разве так уж исключена возможность будущей переделки климата той самой Венеры, где сейчас под плюс пятьсот? И ни за что не примет растительность, занесенная землянами на укрошенную планету, вот такой, как на картине Курнина, необычайный вид — способность к самосвечению, спиралевидные безлистные ветви, свертывающиеся с приближением бури?

Разве никогда не бывать посланцам Земли свидетелями рождения новой планеты, на которой уже проглядывают кое-где скальные образования, правда, в любой момент могущие погрузиться в раскаленную магму?

И не встречать чужезвездных ночей, чей мрак развеян светом не одной, как на Земле, а сразу трех лун?

И во всех своих космических странствиях так и не найти инопланетную жизнь, пусть даже в облике гигантских насекомых?

Право, не хотелось бы иметь дела с человеком, который на все эти вопросы ответит безоговорочно отрицающим «да»: слишком скучен должен быть мир

будущего в глазах столь закоренелого скептика...

Скептикам противопоказано многое, в том числе и картины Георгия Курнина, яркий, взволнованный мир этих полотен, о котором так отозвался, впервые представляя художника широкому читателю, летчик-космонавт В. И. Севастьянов: «Человек, прилетевший на неизведанную планету, о которой столько мечталось, поначалу будет жадно осматриваться. Георгий Иванович очень точно передает настроение этих волнующих первых минут...»

Видимо, именно эта взволнованность и яркость полотен Г. Курнина побудила жюри международного конкурса «Мир 2000 года» присудить художнику первую премию. А ведь в конкурсе (итоги его подводились в 1974 году) участвовало 1400 живописцев из разных стран, представлено было свыше 4000 работ.

Первые свои космические картины Курнин написал еще в середине пятидесятых, когда человечество только готовилось к штурму космоса. Как пришел художник к этой теме?

— В нашей домашней библиотеке,— вспоминает Георгий Иванович,— было очень много сказок, их любила вся наша семья. А для меня они были как бы второй реальностью: я несколько не сомневался, что все, о чем рассказывалось, происходило на самом деле... Потому, наверно, встретившись в юности с книгами гениального Жюль Верна, я сразу увлекся фантастической литературой и с упоением читал все, что мог достать... Живопись, фантастика, музыка стали главными увлечениями моей жизни. Вполне логично и естественно, что свое творчество я посвятил космосу. Я стоял перед этой темой, как стоит путешественник перед Терра Инкогнита — Страной Неизведанной. Меня неодолимо влекло как можно скорее начать путешествие в эту таинственную страну, но в то же время я хорошо понимал: нужна большая подготовка, чтобы сделать даже первый шаг... В ос-

новном нужно было решить две задачи. Во-первых, основательно проштудировать точные науки. Особенно астрономию и все, что с ней связано. Во-вторых, нужно было научиться картину, рожденную воображением, видеть ясно, как реальную. Решение первой задачи требовало только времени. Но как решить вторую?.. Я начал тренировку воображения: писал картины на земную тему по памяти, впечатлению и настроению, без этюдов и эскизов. Только через пять лет такой подготовки я решился написать первую картину о другой планете...

Что ж, столь тщательно продуманная подготовка принесла — и продолжает приносить — свои плоды: в активе художника, помимо многих сугубо земных картин, тридцать космических полотен.

Тридцать окон в иные миры!..

Нынешнему подростку, чье зрительное восприятие мира сызмала избаловано разнообразнейшей информацией, непрекращающимся потоком изливающейся сквозь экран телевизора, многое из того, что поражало воображение отцов, кажется обыденным, самоочевидным, слишком простым, чтобы вызывать удивление. Вот и космические пейзажи... Они уже въявь шагнули к людям с экранов телевидения, комментирующего присутствием ему средствами каждый новый шаг в деле освоения (а точнее пока сказать — узнавания) новых планет.

Но эти кинофотопейзажи небесных сестер Земли отнюдь не заслоняют для нас то чисто человеческое, что несут в себе космические полотна живописцев. Может быть, потому, что у нас в памяти — слова известного французского астронома Камиля Фламмарiona, сказанные им о человеке: «Он не в состоянии ни отрешиться от земных представлений, ни почерпнуть в неизвестном основы для своих сил. Все, что ни создал бы он, увлекаемый задором самого отважного воображения, всегда будет отзываться чисто земным происхождением...»

Мы понимаем: все, что рассказывают нам о звездном будущем человечества современные нам провидцы этих фантастически далеких времен, принадлежит к разряду мечты. Подтверждаемой наукой или оспариваемой ею, но — именно мечты.

И вот это стремление наше хотя бы в мечтах удостоверить в том, что история человечества не замкнется в узких пространствах выпестовавшей его матери-Земли, что зов иных миров восторжествует,— оно помогает нам и космическую живопись наших дней воспринимать как прямое выражение словно бы вдруг открывшейся нам истины, которую так четко сформулировал в своих «Звездных сонетах» украинский поэт Леонид Вышеславский:

Мы со своей мечтою дерзновенной
Отныне — корабельщики Вселенной.
Вселенная — открытый океан!

Рисует автор...

«Просто стыдно, что я никогда не видел курдля»,— сокрушается Ийон Тихий, прочитав одолженную у профессора Тарантоги книжку «Два года среди курдлей и осмиолов». Чтобы наверстать пробелы в образовании, знаменитый звездопроходец вынужден предпринять специальную экспедицию на далекую Интеропию — планету в созвездии Тельца, на которой только и водятся редкостные животные...

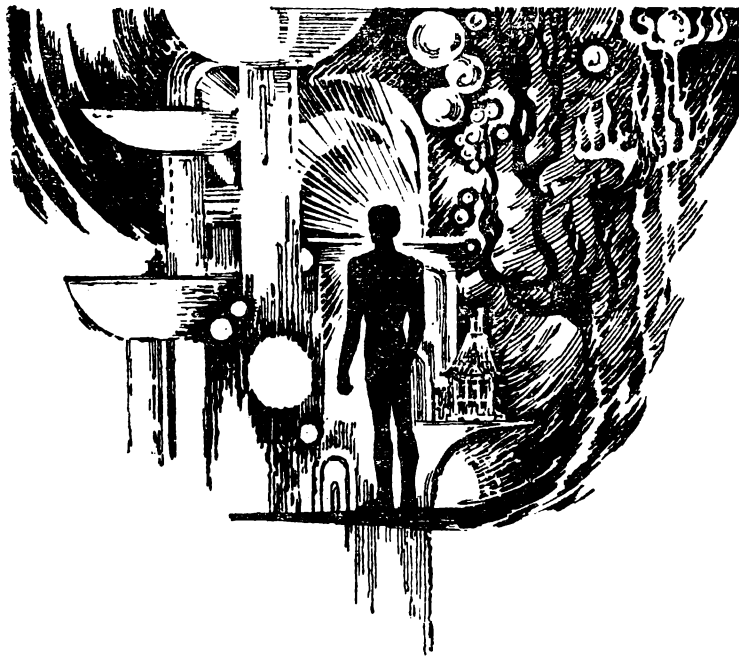
Польские любители фантастики, желающие взглянуть на курдля, имеют неоспоримое преимущество перед Ийоном Тихим. Станислав Лем на правах «родителя» и курдлей, и Ийона Тихого сам позаботился об этом: толстый том «Звездных дневников» он снабдил собственными рисунками.

Станислав Лем-художник, естественно, в точности следует замыслам Станислава Лема-писателя. Но он при этом отнюдь не иллюстратор литературных ситуаций: эти ситуации, полагает автор,

достаточно ясны, читатель представит их и сам. Фантазия Лема-художника, щедрая и раскованная, направлена на иное — на подробнейшую прорисовку деталей, подчас лишь упомянутых в тексте. Так, в описании 22-го путешествия Ийона Тихого только названы «пидлаки»; по объяснению, данному в скобках, это большие безногие пресмыкающиеся, похожие на змей и широко используемые на Андригоне для верховой езды. Или еще пример. В своем 25-м путешествии Ийон Тихий лишь мимоходом посещает маленькую пустынную планетку, в изобилии усеянную вулканами,— весь и эпизод-то уложился в два абзаца текста. Но и «пидлак», и безымянная планетка, и, скажем, «зловонка гнусница», фигурирующая в двух же абзацах «Открытого письма Ийона Тихого», предстают на рисунках Станислава Лема столь же фотографически конкретно, как и легендарный курдль из тотентамского зоопарка.

Текст не диктует, не навязывает художнику тех или иных решений,— чувствуется, что Станислав Лем совершенно свободен в выборе тем для рисунков, в их расположении. Добрую треть их — восемь из двадцати пяти — он ухитрился поместить на пятнадцати страничках «Открытого письма», заключительной главы «Дневников».

Трудно представить, чтобы кто-то мог совершенно всерьез, без тени улыбки воспринять лемовские рассказы о «звездном Мюнхгаузене». Ту же откровенно ироническую улыбку ощущаешь и в рисунках фантаста.

***В поисках
завтрашнего дня***

Первый в России

Когда разговор заходит об истории фантастики как вида литературы, еще и сегодня зачастую слышишь: вид этот (или жанр) создан в последней трети прошлого века Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом. В дореволюционной России — не существовал... Вот так — коротко и безапелляционно.

С первым из этих положений трудно не согласиться: у колыбели научной фантастики, какую мы ее знаем, действительно стояли Жюль Верн и Герберт Уэллс. Но вот со вторым...

Собственно, и это второе положение еще лет пятнадцать — двадцать назад почти не вызывало возражений. Да, в редких тогда обзорах ранней советской фантастики упоминались и дореволюционные романы А. Богданова, и повести К. Циолковского, написанные тоже до революции, и фантастика В. Брюсова и А. Куприна, и любопытнейшая утопия В. Одоевского «4338 год», и научно-технические предвиденья В. Чиколева или, скажем, А. Родных, и, наконец, фантастические элементы в

поэзии Н. Некрасова и даже М. Ломоносова, в романе «Что делать?» Н. Чернышевского... Однако даже самим авторам обзоров все это представлялось не более чем цепочкой разрозненных, сугубо случайных фактов, не позволяющих говорить о сколь-нибудь серьезной традиции. Подобная «робость» тогдашних литературоведов легко объяснима: расцвет жанра в нашей стране только-только начинался, долгое время фантастика считалась у нас литературой второго сорта, развлекательной, несерьезной. О каких традициях, о какой истории жанра могла идти речь, если и мимо новинок-то его в самом недавнем прошлом критики проходили — да и сейчас еще нередко проходят — с завидным равнодушием!

Впрочем, все меняется. Изменилось в наши дни отношение к фантастике в целом, изменились и взгляды на старую нашу фантастику. Изменились настолько, что даже стал возможен выпуск двух специальных антологий, — я имею в виду книги «Взгляд сквозь столетия» и «Вечное солнце», изданные «Молодой гвардией» соответственно в 1977 и 1979 годах. Первую из них составили фантастико-утопические произведения русских авторов XVIII — первой половины XIX века, во второй представлено творчество писателей следующего периода — вплоть до предреволюционных набросков Велимира Хлебникова, по характеристике составителя, «одного из самых утопических писателей во всей русской и советской литературе».

Этот второй сборник особенно эффектен. В разделе «Русская социальная утопия» здесь фигурируют, помимо упоминавшихся уже Н. Некрасова и Н. Чернышевского, такие имена нашей литературы, как Л. Толстой, И. Гончаров, Ф. Достоевский, Г. Успенский, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький... К сожалению, собственно научной фантастике в этом сборнике «повезло» значительно меньше. Не по занимаемому в нем объе-

му — нет, в книгу вошел, с некоторыми сокращениями, целый роман (и какой! — знаменитая «Красная звезда» А. Богданова). Но вот то обстоятельство, что в более чем тридцатистраничном предисловии С. Калмыкова, детально излагающем становление утопии в русской литературе, лишь вскользь упомянуто о дореволюционной научной фантастике,— являет собою своеобразное «остаточное явление» изживаемых ныне представлений о «случайности» НФ в русской литературе... К счастью, одновременно с «Вечным солнцем» солидным тиражом вышла наконец и первая специальная брошюра¹ о дореволюционной русской фантастике,— небольшая, но емкая, более чем убедительно свидетельствующая, что не столь уж и редким гостем была фантастика в старой нашей литературе.

Что ж, находятся, конечно, и сегодня люди, которым вот такое копание в архивах фантастики кажется ненужным: ведь там, в старой фантастике,— по их понимание — одни лишь малопримечательные произведения, писать о которых означает заниматься снобистско-библиофильским любованием мнимыми сокровищами... Подобные взгляды любопытно было бы спроецировать на изучение литературы «основного потока». Нашей большой литературы. Разве не получилось бы в результате, что и академическую историю ее следует... ограничить рассмотрением творчества лишь тех писателей, чьи имена вошли в учебники для пятого — седьмого классов общеобразовательной средней школы?! Подобное допущение заведомо фантастично. В отношении же фантастики, как ни удивительно, и в наши дни обостренного к ней интереса оказывается возможен такой вот откровенно вульгарный подход... Впрочем, остановимся. Не относя себя к тем из «фантастоведов», кто, по

¹ Ревич Всеволод. Не быть, но и не выдумка.— Фантастика в русской дореволюционной литературе. М., «Знание», 1979.

словам В. Ревича, впадает в другую крайность и склонен «объявлять дореволюционную фантастику яркой и заметной ветвью великой русской литературы», полагаем тем не менее, что «копаться» в прошлом нашей фантастики надо. Надо, чтобы понять, на какой почве вызрела современная советская фантастика, столь громко заявившая о себе в последние десятилетия, столь уверенно вышедшая на мировую арену. Надо, чтобы убедиться: фантастика отнюдь не инородное тело в русской литературе, отнюдь не искусственно привитые традиции западных фантастов. Надо, наконец, чтобы подтвердить; народ, осуществивший грандиознейшую мечту всех народов и поколений,— этот народ всегда умел и любил мечтать!..

Считается общепризнанным, что первый журнал, целиком посвященный фантастике, появился в апреле 1926 года в Соединенных Штатах Америки: им стали «Удивительные истории», основанные выходцем из Люксембурга инженером Хьюго Гернсбеком. Тем самым Хьюго Гернсбеком, чье имя носит едва ли не самая почетная в мире западной НФ премия, с 1953 года присуждаемая ежегодно американскими любителями фантастики — «фэнами», как они себя называют.

Правда, по свидетельству критика Вл. Гакова, и шведские «фэны», роясь в архивах своей фантастики, не так давно раскопали у себя предтечу многоликой сегодня НФ журналистики. Но этот предтеча, десятью годами раньше «Удивительных историй» издававшийся состоятельным шведским энтузиастом, печатал в основном произведения своего не слишком талантливого хозяина и оттого оказался бессилен составить конкуренцию де-тищу Гернсбека...

Ну, а у нас, в России?

Казалось бы, чего спрашивать: кто не знает, что специализированного НФ журнала у нас нет и сегодня. Его

функции выполняет в нашей стране группа журналов, с большим или меньшим постоянством предоставляющих свои страницы фантастике. Традиция эта давняя: еще до революции фантастика шла у нас «в одной упряжке» с путешествиями и приключениями. Из старых журналов, воздававших должное неразлучной триаде, наиболее известны сойкинский «Мир приключений» (1910—1930) и выживший на ветрах эпох «Вокруг света». Были, впрочем, и другие, не менее именитые: «Журнал приключений», «На суше и на море», «Природа и люди», а из ранних советских — «Всемирный следопыт», «Борьба миров». Но, как уже сказано, ни один из них не связывал свою судьбу только с фантастикой.

И все-таки... Давайте пороемся все-таки на наших архивных полках! А чтобы не тратить время попусту, заглянем-ка прямехонько в 1907 год.

1907-й?.. Конечно же, эта дата у каждого тотчас вызывает в памяти образы первой русской революции!

Она уже идет на спад, реакционеры уже торжествуют — хотя и не без оглядки на грозные дни 1905-го — временную свою победу над пролетариатом, посмевающим усомниться в незыблемости заведенных порядков... И вот в это-то время, в октябре 1907-го, появляется в Петербурге новый журнал. Констатировав в редакционно-издательском предуведомлении к первому номеру, что «Россия переживает момент всеобщего брожения умов», журнал так определил свою задачу: «...мы хотим наших читателей познакомить с наиболее выдающимися произведениями той литературы, которую главным образом интересует жизнь будущего. Мы хотим показать, какие каждая эпоха выдвигала запросы, идеалы и стремления, порой удивительно смелые, порой весьма наивные и фантастические, временами же весьма трезвые и не оторванные от действительности».

Журнал научной фантастики? Как будто бы да. Но... Русский журнал резко отличался от «Удивительных

историй» Гернсбека, превыше всего ставившего в фантастике тот «особый чарующий тип романа, в который вкраплены научные факты и картины смелых предвидений». Лишь истинно возможное, принципиально осуществимое **для техники и науки** интересовало «отца» американской фантастики. В России же, сотрясаемой бурями революции, самым интересным в романах о будущем представлялась никак не техническая оснащённость гипотетического завтрашнего дня.

В первом выпуске нашего журнала вслед за цитированным выше предуведомлением шла редакционная же, без подписи, программная статья. Характерно уже ее название: «Значение утопий». В литературе, «интересующейся жизнью будущего», издатели журнала особо выделили именно утопию,— не технический, но социальный разрез грядущего! Отсюда становится понятным и название русского журнала — «Идеальная жизнь».

Тему будущего и путей к нему журнал, надо сказать, трактовал более чем широко. Он искал ее, в частности, и во взглядах современных читателю мыслителей.

На страницах журнала было помещено, например, «Учение о жизни» — специально подобранные и носящие характер переложения выдержки из опубликованных к тому времени сочинений и писем Л. Н. Толстого. Безусловно, сильной стороной «Учения» была критика господствующих порядков,— не случайно составитель в качестве одной из основных трудностей, перед ним стоявших, указывал на сложность приспособления «острого и свободно писанного материала к теперешним цензурным условиям». Тем не менее, несмотря на цензуру, в тексте прошла выделенная курсивом центральная мысль: «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на других. Кто будет трудиться, того будут кормить». (Сколь созвучно это будущему революционному лозунгу: «Кто не работает,

тот не ест») «Человечество будет иметь высшее, доступное ему благо на земле, когда люди не будут стараться поглотить и потратить все каждый для себя...» — писалось в «Учении». Впрочем, в те годы уже очень многим было ясно, что через одну лишь любовь к ближнему, проповедовавшуюся Л. Н. Толстым, не достигнуть всеобщего благоденствия...

Предпринял журнал и публикацию серьезнейшей работы австрийского юриста А. Менгера «Экономическая и семейная жизнь в народном рабочем государстве». Работа эта, в чем-то, возможно, излишне академичная, однако же прямо заявляла, что в таком государстве «за отдельными лицами ни в коем случае не будет признано право господства над средствами производства».

Любопытно отметить и очерк Д. Городецкого «Попытки осуществления идеальной жизни на земле», печатание которого было начато во втором выпуске журнала. К сожалению, только начато: продолжения — вероятно, по цензурным причинам — не последовало. Между тем очерк действительно был интересен. «Во все времена,— писал автор,— мечты и фантазии о лучшей жизни человечества шли рядом с опытами и попытками к осуществлению на земле такой жизни. Философы, поэты, мечтатели рисовали идеал, законодатели и реформаторы пытались проводить этот идеал в жизнь. При этом между ними происходило постоянное взаимодействие...» И дальше рассказывалось не только о реформаторах Древней Греции и Рима, но и о революционных преобразованиях, намечавшихся Томасом Мюнцеров, вождем масс в Крестьянской войне 1524—1526 годов в Германии. Восторженный читатель «Утопии» Томаса Мора, Мюнцер пытался осуществить на земле идеальный строй, при котором не было бы ни классовых различий, ни частной собственности...

Кстати, сама «Утопия», оказавшая большое влияние на многих мыслителей последующих эпох (вплоть до

представителей утопического социализма), была включена в список произведений о будущем, которые редакция предполагала поместить со временем в своем журнале. Значился в этом списке и роман Э. Беллами «Взгляд назад», необыкновенно популярный не только на его родине, в Америке, но и в России начала века: по свидетельствам современников, этой книгой зачитывались в революционных кружках — наряду с «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Оводом» Э. Войнич и «Спартак» Р. Джованьоли.

Однако поместить на своих страницах журнал успел лишь два из обещанных романов, — они печатались одновременно, шли с продолжением и были неплохо иллюстрированы.

Первым из них, открывая выпуски «Идеальной жизни», шел фантастический роман Л. Олифанта (Э. Бульвер-Литтона) «Грядущая раса». Его герой попадал в подземный мир — своего рода Плутонию, но лишенную собственного местного светила: высокоразвитые обитатели здешних мест для освещения, как и для множества иных целей, использовали универсальный «вриль», чудесную жидкость, совмещавшую в себе, по словам автора, все силы природы — электричество, магнетизм и т. п.

В этом мире, не знающем потрясений, достигшем благодаря «вриллю» всеобщего благополучия, живут счастливые беспорочные долгожители-вегетарианцы. Они всем довольны (поскольку весьма умеренны в потребностях), во всем равны, начисто лишены честолюбия и зависти, покой рассматривают как высшее благо и... не дискутируя, верят в бога и загробную жизнь. В целом это однообразный и довольно скучный мир, сами хозяева которого констатируют: «Ведь о нас ничего нельзя сказать, кроме одного: они рождались, жили счастливо и умирали». И герой Бульвер-Литтона бежит из этого мира, подгоняемый тревожным ожида-

нием — не вырвутся ли подземные жители наверх, не сокрушат ли могущественным своим «врилем» бастионы буржуазной цивилизации...

Герой второго романа — «Вести ниоткуда» В. Морриса — напротив, опечален своим возвращением из мира сбывшихся грез. Ведь там он встретился со счастливым миром свободных тружеников. Вот уже полтора века, как покончено с капиталистическим гнетом и насилием; труд, тяжелые формы которого переданы машинам, давно уже превратился в наслаждение (что не преминуло сказаться на повышении качества его продуктов); каждый может найти себе работу по сердцу, такую, выполнение которой столь же волнует и облагораживает, как и приобщение к искусству... Что же касается великого переворота, то он, по В. Моррису, был естественен, как смена дня и ночи. Но английский «социалист эмоциональной окраски» (так называл В. Морриса Ф. Энгельс) не верит американскому социалисту-реформисту Э. Беллами, полагававшему, что социализм можно построить мирным, парламентским путем, путем постепенных реформ. Не верит он и в бескровное построение счастливого общества при помощи сколь угодно удивительных открытий — вроде «вриля» из романа Э. Бульвер-Литтона. «Нет, — твердо говорит В. Моррис, — это была борьба, борьба не на жизнь, а на смерть», революционная борьба хорошо организованных рабочих, которые, «победив, увидели, что у них достаточно силы, чтобы создать новый мир, новую жизнь на развалинах старой. И это свершилось!» Будущий мир освобожденного труда с большой любовью изображен В. Моррисом, искренне и безгранично верившим в его осуществимость. Ведь, по свидетельству журнала, будучи уже неизлечимо болен, В. Моррис и свой последний Новый год — 1896-й — встречал с радостью, потому что тот приближал его к заветной цели...

«Утопии — не пустая болтовня наивных фантазе-

ров,— утверждал журнал в упоминавшейся уже редакционной статье.— Лучшего агитационного приема, лучшего, более верного способа пропаганды, более надежного орудия борьбы с существующими предрассудками, неуверенностью, нерешительностью — нельзя придумать».

С высот сегодняшнего дня нам, разумеется, нетрудно в этой оценке утопий (безусловно верной применительно, скажем, к роману В. Морриса) углядеть определенную близорукость. Ту близорукость, что была свойственна, например, реформисту Э. Беллами. Ведь **только** просвещая, **только** агитируя, новый мир на земле не построишь.

Но не был ли внешне сугубо просветительский подход к делу («...мы не навязываем читателю своих симпатий, мы предлагаем ему только те сочинения, которые уже давно получили всеобщее признание, но были мало доступны для широкой публики...») своеобразной уловкой редакции «Идеальной жизни»? Журнал этот, до сих пор остававшийся практически неизвестным нашему литературоведению, требует специального изучения, прежде чем можно будет дать четкий ответ на поставленный вопрос. Так же, как и на другой вопрос, более частный: случайно ли остросоциальный роман В. Морриса (написанный, к слову сказать, в качестве своеобразного ответа на утопию Э. Беллами — с ее чересчур заорганизованным и бесцветным обществом будущего) шел в журнале на втором плане, уступив первый безобидному в этом смысле («наивному», по определению самой редакции) роману Э. Бульвер-Литтона?

Во всяком случае, объективно деятельность «Идеальной жизни», поставившей целью знакомить своих читателей с картинами будущего счастливого мира, была, конечно же, прогрессивной. Подобная деятельность не могла долго продолжаться в условиях наступившей реакции: сдвоенный четвертый-пятый выпуск, датирован-

ный декабрем 1907 года, оказался последним для этого первого в России журнала социальной фантастики...

Начав эти заметки с разговора о дореволюционной русской фантастике, в дальнейшем мы вели речь лишь о журнале «Идеальная жизнь», в силу его специфики не ставившем себе задачей печатание отечественной фантастики. А между тем именно в эти годы она набирала силу, все чаще приобретая социальную окраску.

Так, А. Куприн, писатель демократических убеждений, в рассказе «Тост» (1906) с симпатией рисовал будущий «союз свободных людей». Высказывал он, правда, и некоторые опасения по поводу мнившейся ему усредненности, обезличенности грядущего мира (не влияли ли утопии Э. Беллами сказались в таком взгляде?). Люди этого грядущего в чем-то даже завидуют героическим прошлым эпохам...

Появилась в те дни и вторая (после романа «Что делать?» Н. Чернышевского) социалистическая русская утопия — «Красная звезда» А. Богданова (1908). «Люди и их отношения — вот что всего важнее для меня», — устами своего героя говорил автор. И действительно, очень зримым и осязаемым предстал в его книге полнокровный, деятельный и кипучий мир осуществленного коммунизма, в изображении его еще не ощутима была половинчатость, нерешительность в трактовке пролетарской революции (сначала — поднять «уровень культуры» пролетариата, лишь затем повести его на борьбу...), которая позднее вызвала ленинскую критику и, к сожалению, очень заметной оказалась в следующих утопических вещах Богданова («Инженер Мэнни», 1913; «Праздник Бессмертия», 1914).

Говоря о нарастании социальной струи в русской фантастике, можно назвать и другие произведения. Не останавливаясь на каждом из них (это превратило бы наши заметки в сплошное перечисление), вспомним тем

не менее «Праздник Весны» (1910) Н. Олигера, занимавшегося подпольной работой в рядах социал-демократов и проведшего 1904—1905 годы в тюрьме. Не столь конкретная, как у Богданова, утопия Олигера тем не менее последовательно утверждала идею пролетарской революции.

А напоследок — как на курьезе в своем роде — задержимся на романе А. Ренникова «Раздаться, человек!» (1917). Роман этот был достаточно силен критикой буржуазной цивилизации в целом, интересен тем, что шла в нем речь и о даровой — типа атомной — энергии для двигателей, и о добыче хлеба из... торфа. Но вот в качестве позитивной альтернативы капитализму выдвигалось в этой книге безнадежно несостоятельное «назад, к природе», — и не только несостоятельное, но и запоздалое, поскольку считанные месяцы и даже дни оставались уже до Октября...

Подытоживая же, отметим, что за десятилетие, предшествовавшее Великой Октябрьской революции, социально-утопических произведений в русской фантастике появилось едва ли не больше, чем за предыдущие полвека.

Перед «грядущей борьбой»

В старой, двадцатилетней давности, статье Жака Бержье я когда-то наткнулся на имя Антона Мартыновича Оссендовского. Не претендуя на глубокий анализ нашей фантастики, но тем не менее, пытаюсь проследить ее предреволюционные истоки, французский критик относил повесть этого автора «Ужасы на бригаantine» к разряду «истинных шедевров»...

После долгих поисков мне удалось-таки «выйти» на эту повесть. Она была напечатана в 1913 году в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях» к журналу «Нива» и называлась «Бриг «Ужас». (Ж. Бержье, библиотека которого погибла в годы второй мировой войны, о дореволюционной русской фантастике

писал по памяти и непреднамеренно искажил название произведения.) И в тех же приложениях, но уже за 1914 год, обнаружилась еще одна повесть Оссендовского — «Грядущая борьба».

Неизвестный русский фантаст? Имя его к тому времени ни разу не встретилось мне в отечественной нашей критике... Что ж, в заключение мы скажем несколько слов и о нем самом, а сейчас обратимся к его повестям. Вначале — к первой из них.

...Группа русских ученых работает над выведением «гигантского плазмодия» — плесневого гриба, с необычайной быстротой размножающегося, согревающего и удобряющего почву. Вот и первые успехи. На дворе декабрьские морозы, а на опытных грядках зеленеют молодые побеги. Открытие обещает стать грандиозным: применение «плазмодия» продвинет далеко на север такие типично южные культуры, как, скажем, цитрусовые, позволит даже в северных широтах снимать по три урожая в год...

Что ж, для 1913 года мечта о продвижении цитрусовых на север, о трехстах пятидесяти зернах в одном колосе, о трех урожаях в год — довольно-таки смелая мечта! Особенно если вспомнить, что фантасты тридцатых — пятидесятих годов мечтали у нас порой о куда меньшем: о том, чтобы хоть два-то урожая снять, и не на шестидесятой параллели, как у Оссендовского, а значительно южнее, в средней полосе России... И все-таки: не маловато ли одной только этой — в конце концов чисто технической — идеи для «истинного шедевра»?

Читаем дальше.

...На огромном пространстве между Шпицбергом и Беринговым морем начинают гибнуть деревянные рыбацьи суда, занимающиеся ловлей сельди, трески и китобойным промыслом. Они не тонут, нет, — много страшнее: непонятная плесень съедает их обшивку, палубы, мачты и даже паруса.

Одновременно рыбаки сообщают, что в северных морях ими обнаружены целые косяки рыбы, всплывшей на поверхность, — десятки миль покрыты гниющей треской и сельдью...

(Сегодня, с высоты наших восьмидесятых, всякому, кто хотя бы чуть-чуть приник к фантастике, совсем несложно предположить:

ага!.. это, наверное, таинственный «плазмодий» вырвался на свободу?! Но не будем забывать — речь-то идет о произведении, написанном около семидесяти лет назад...)

На изучение загадочного явления отправляется научная экспедиция. И выясняется постепенно, что неожиданное бедствие действительно дело рук человеческих. Это Яков Силин — маньяк, в обиде на близких ему прежде людей возненавидевший все человечество,— заразил океан плесневым грибом, быстро и жадно поедаящим свои жертвы.

«Замерзший камень я могу превратить в цветущий сад и полную кипучей жизни пучину океана — в огромное кладбище!» — с упоением восклицает Силин, обуреваемый жаждой безграничной власти, власти над всем миром.

Опасность между тем грозит уже не только океану: попав на берег свывброшенной волнами рыбой, «плазмодий» распространяется и по суше, мгновенно убивая все живое на своем пути.

И ученые — герои повести — вступают в борьбу с бывшим своим коллегой. Одна мысль движет ими, одно стремление — нейтрализовать смертельную угрозу, загнать джина в бутылку, из которой он, использовав удобный момент, вырвался...

Удивительно современно звучит сегодня фантастическая история «гигантского плазмодия», который ведь создавался в лаборатории и создавался из самых гуманных побуждений, но вдруг превратился в причину грандиозного бедствия. Не слишком ли часто на памяти нынешнего поколения повторяется это «вдруг»? Вспомните: общечеловеческое дело борьбы с гитлеризмом и — чудовищный гриб над Хиросимой... все более крупные успехи медицины и — поистине грязное бактериологическое оружие... полет человека на Луну и — палец, лежащий на кнопке запуска смертоносных баллистических ракет...

Термин «научная фантастика» еще не привился в русской литературе (в 1914 году его впервые употребил известный популяризатор науки Я. Перельман), и «Грядущую борьбу» Оссендовский определил как «завтрашнюю повесть». Действие ее и впрямь было отнесено в далекое завтра.

...Над Землей пролетели века и века.

Земля будущего во многом отлична от планеты, современной автору повести. Изменился транспорт: железные дороги используются теперь лишь для перевозки грузов, людей же с куда большей скоростью переносят во всех направлениях воздушные «яхты» и «лодки». Ученые Земли научились добывать золото из морской воды, без помощи проводов передавать на расстояние энергию, на расстоянии же (притом на любом) видеть — и тоже без проводов... Но самое главное — коренным образом изменилась жизнь человечества. Земная кора охладилась настолько, что на поверхности ее могут созреть лишь злаки. Значительная часть сельскохозяйственного производства переведена в подземные галереи. Зато там, с помощью искусственного освещения, снимается до десяти урожаев овощей и фруктов в год! Под землю же ушла и большая часть человечества: на глубинах до семи верст расселилась она, избавившись от жары и духоты посредством охлаждающих труб и отлично налаженной вентиляции...

Все это, так сказать, чисто внешний облик грядущего мира. А в социальном отношении?

На смену многочисленным правительствам пришли гиганты монополии, горстка всесильных промышленных королей правит миром. А возглавляет эту горстку выдающийся изобретатель Джемс Брайтон. Формально это не диктатура, нет, боже упаси! — Брайтон и не помышляет о личном диктате! Но по существу...

«Так думаю я! — достаточно откровенно заявляет он. — Что же касается других, то ими тайно руководят другие, например... я».

Конечная цель режима, изображенного Оссендовским, — «создать счастливое человечество». Какими же путями это «всеобщее счастье» создается?

Первоэлемент «всеобщего счастья» — «всеобщая сытость». Но обеспечить материально всех и каждого — увы, не под силу Брайтону и его компании. Естественно, они ищут иных путей. И находят их в том, чтобы... всемерно сократить количество своих «подопечных». Уже уничтожены, стерты с лица земли при помощи гигантского плесневого гриба (вспомним первую повесть Оссендовского) азиатские народы. «Действенной и эффективной» мерой

искусственного регулирования численности человечества оказывается и система «рациональной работы». Страшная потогонная система, при которой рабочий, не выдержавший заданного темпа, не просто отстраняется от работы, а уничтожается физически. «Рабочие, благодаря этой системе,— с удовлетворением констатирует Брайтон,— привыкают лишь к необходимым движениям и совершают их с точностью и быстротой машины...»

«Разумное» общество Брайтона оказывается столь же далеким от всеобщего счастья, как и все другие формации, основанные на слепом подчинении одного человека другому. И вовсе, получается, не «ушло под землю» человечество в эпоху Брайтона: оно в принудительном порядке загнано туда. Лишь ничтожная «лучшая» часть человечества имеет право наслаждаться всеми удобствами и прелестями наземного существования. И оно закреплено за нею, это право; и никому не дозволяется нарушать заведенный порядок. Тех же, кто все-таки осмелится протестовать, ожидает мучительная смерть в «стеклянных ящиках»...

В «Грядущей борьбе» автор показал уже не частные отношения между отдельными представителями рода людского, как это еще было во многом в предыдущей его повести. Здесь схвачено главное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом. Схвачено и доведено до крайнего предела, помогающего понять: гибель общества, основанного на этом противоречии,— неизбежна.

Так оно и происходит в повести. Русские инженеры Гремин и Русанов первыми организуют внутреннее сопротивление режиму технократии. Это сопротивление растет, и настолько неотразимы и сильны его идеи, что уже и лучшие представители вчерашней «элиты» включаются в борьбу за уничтожение несправедливого строя.

И вот на обломках изжившей себя технократии вырастает Земля Побеждающей Мысли...

Выше мы говорили о современном звучании первой повести Оссендовского. Очень злободневной представляется нам и главная мысль второй его повести. С помощью дубинки рай на земле не построить — вот что утверждал писатель. Это та самая мысль, ко-

тору в 1935 году вложил в свою киноповесть «Облик грядущего» Герберт Уэллс, та самая мысль, которая и сегодня очень остро звучит в произведениях фантастов. Да и только ли фантастов?!

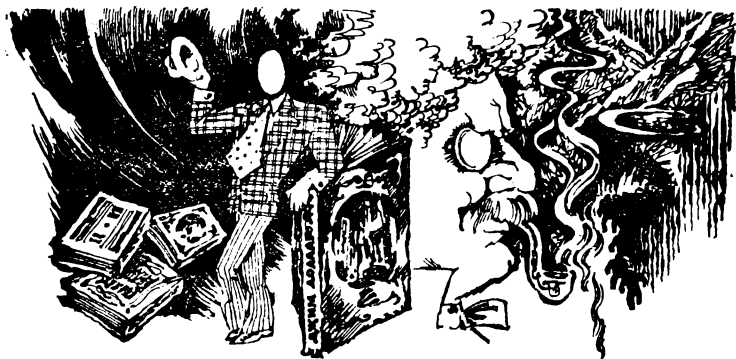
Через несколько лет после первого знакомства с повестями Оссендовского мне вновь встретилось это имя — в очередном томе «Литературной энциклопедии».

Собственно, уже я знал к этому моменту, что химик (кандидат естественных наук), беллетрист и журналист А. М. Оссендовский родился в 1876 году в древнем русском городе Опочке Псковской губернии (по другим данным — в Витебске), в семье врача. Что в годы великой революции — бурные годы «грядущей борьбы», оказавшейся совсем не за горами, — путь писателя был, увы, извилист и на какое-то время привел его даже во враждебный стан...

Из свежего тома энциклопедии узнал я теперь и о том, что в 1922 году Оссендовский попал в Польшу, где и обосновался, целиком отдавшись, по-видимому, литературной деятельности. В энциклопедию-то он и включен как польский писатель, ибо написал — уже на польском и английском языках — большое количество («несколько десятков», — утверждает энциклопедия) приключенческих повестей, исторических романов и книг о путешествиях. Некоторые его книги (писатель умер в 1945 году) переиздаются и в народной Польше...

Что ж, пусть А. Оссендовский числится в энциклопедии польским писателем. Ведь при всем этом несомненно, что первые его повести написаны человеком, со дня рождения жившим в России. Свидетелем и активным участником грозных событий 1905 года, осужденным за это и по 1907 год находившимся в заключении. Автором книги о царских тюрьмах, первое издание которой было уничтожено в 1909 году цензурой...

И небольшие повести эти, на мой взгляд, нельзя списывать со счета, говоря о дореволюционной нашей фантастике.

...И выдумали самих себя!

Джим Доллар, американец

Артур Морлендер, сын американского изобретателя, якобы убитого коммунистами, под чужим именем едет в красную Россию. «Жизнь перестала интересовать его. Он решил стать орудием мести, не больше. Он ни о чем не спрашивал, и ему никто ничего не говорил, кроме сухих предписаний: сделать то-то и то-то. А сделать он, к слову сказать, должен немало, не зря же «Лига империалистов», возглавляемая неуловимым и вездесущим Грегорио Чиче, в изобилии снабдила его пачками советских денег, ядами, оружием. Главное же, Артур должен «укрепиться на главнейшем из русских металлургических заводов, чтобы взорвать его, подготовив одновременно и взрывы в других производственных русских пунктах».

Морлендер-младший ходит на набережной красного Петрограда, и...

Не будем пересказывать событий, кроющихся за многоточием. Роман Мариэтты Шагинян «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» достаточно широко известен и сегодня.

Менее известно то обстоятельство, что впервые этот роман вышел еще в 1924 году. Выпускался он тогда тоненькими брошюрами, по тридцать — пятьдесят страниц в каждой,— всего их было десять. И на обложке каждого из выпусков значился тогда совсем другой автор: некий Джим Доллар!

В следующем, 1925 году означенный Джим Доллар выпустил девятью брошюрами-«продолжениями» еще один роман о похождениях славных ребят из числа друзей Мика Тингсмастера: «Лори Лэн, металлист». И наконец, спустя еще десять лет, в 1935 году, журнал «Молодая гвардия» опубликовал «Дорогу в Багдад», заключительный роман трилогии неугомонного «американца».

Мистификация была успешной. Мариэтта Шагинян вспоминала, что после выхода первой книги трилогии «...за профессорским чайным столом в Москве решили, что Джим Доллар написан Алексеем Толстым, Ильей Эренбургом и Бэконом Веруламским; ...коммерческие издатели заподозрили в авторстве «коллектив молодняка» и стали его ловить на перекрестках...»

Во втором романе трилогии была помещена «Статья, проливающая свет на личность Джима Доллара». Устами Джонатана Титькинса, «автора» этой статьи, «известного вегетарианского проповедника из штата Массачусетс», защищается, конечно же, сам Джим Доллар, на которого «возвели разную советскую литературу, будто бы он написан бабой». Желая утвердить справедливость, преподобный Д. Титькинс свидетельствует: «Джим Доллар отпетый преступник, злоумышленный писака и преехидный клеветник, но было бы бесполезно отказываться от того, что тебе принадлежит...»

У Мариэтты Шагинян есть специальная брошюра

«Как я писала Месс-Менд», выпущенная издательством «Кинопечать» в 1926 году. Брошюра была приурочена к выходу на экраны фильма, снятого по мотивам романов «Д. Доллара». Приурочена, потому что фильм получился любопытным, но... довольно свободно толкующим эти два слова: «по мотивам». Настолько свободно, что давший название всей трилогии рабочий пароль «Месс-Менд» обратился в фильме в хорошенькую «мисс Менд»...

В своей брошюре М. Шагинян говорит и о происхождении псевдонима; если верить писательнице, никакой тайны в этом нет. Просто некий «шутник», выслушав идею первого из романов, провозгласил: «Тебе останется написать пинкертона с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом».

И все-таки почему — «объявить иностранцем»?

К этому вопросу мы, видимо, еще вынуждены будем вернуться. Ведь Джим Доллар был... вовсе не единственным «лжеиностранцем», поселившимся в двадцатые годы на полках наших библиотек!

*Единственный авторизованный,
с французского...*

«На широкой равнине цвело государство атлантов, и волны угрожали ему, как угрожают до сих пор Нидерландам. И, подобно храбрым, мудрым и искусным голландцам, атланты воздвигали за молотом мол, чтобы охранить себя от наступающего моря. Преграды росли и росли, как горы, и за горами скрылся видимый мир, и горы окружало море. Но море разрушало жалкие постройки человека, неугомонный человек вздвигал их снова, труд несчетных поколений уходил на эту работу, и борьба отделенных от мира была почти непосиль-

ной, потому что море смывало верхушки преград. И атланты, эти янки античного мира, гении простоты и решимости, нашли выход. Они покрыли себя крышей и предоставили океану гулять над ней, сколько ему угодно...»

Итак, Атлантида? Да, это о ней, погребенной в океанских пучинах легендарной стране, сочиняет сенсационную статью изобретательный американский репортер Стиб.

В Атлантиду мистер Стиб, разумеется, ни на йоту не верит: пером его движет исключительно забота о зарботке. И путь сенсационного материала об атлантах, процветающих на дне океана, закончился бы, скорее всего, в редакционной корзине, не оказавшись в нужный момент поблизости представителя компании, производящей патентованные средства для восстановления волос и крайне нуждающейся в рекламе. Газетная шумиха вокруг Атлантиды очень кстати и миллиардеру Визерспуну, королю пароходных компаний Америки, затеявшему грандиозную биржевую спекуляцию.

И вот широко разрекламированная «научная» экспедиция отправляется на поиски заведомо выдуманного мира. Но выдуманный мир, как это ни противоестественно, оказывается-таки существующим! Ищущие его и откровенно не верящие в него герои попадают прямохонько в «страну голубых солнц»! Причем попадают в самый критический момент, когда менее всего ожидают этого: яхта «Сидония», подорвавшись на mine,— и надо же было случиться, чтобы именно в эти дни началась первая мировая война! — идет ко дну... На дне же, за семью «небесами» — гигантскими куполами, идеально подогнанными один к другому,— живут, трудятся, утопают в роскоши и гибнут от нищеты атланты. Увы, далеко не «блаженные обитатели счастливейшей из Аркадий»!..

Столь хитроумно закрученный сюжет принадлежит

роману «Атлантида под водой». Выпущен этот роман издательством «Круг» в 1927 году; напомним, что «Маркотова бездна» А. Конан Дойля — знаменитейшая из книг об атлантах — появилась позже: в 1929 году.

Автор «Атлантиды под водой» — Ренэ Каду. Титульный лист сообщает нам также, что данное издание — «единственный авторизованный перевод с французского». Но...

Помимо мастерски отработанного авантюрного сюжета, роман обладает еще одним несомненным достоинством: он весь пересыпан остроумными «лирическими отступлениями». И вот в этих-то отступлениях читатель — если ему посчастливится раздобыть потрепанный экземпляр книги — вдруг наталкивается на некоторые несоответствия. В начале четвертой главы он прочтет, к примеру, такое, не лишенное иронии, признание: «Мы хорошо знаем разницу между рекламой и славой и, в частности, вовсе не желали бы, чтобы наш роман имел успех не благодаря напряженности действия, захватывающему сюжету и гибкому языку, а, скажем, вследствие того, что один из авторов оказался бы незаконным сыном любимца горничных, принца Уэльского».

Как?! **Один** из авторов?

Да. Если у старой книги чудом сохранилась еще обложка, то на ней вы сможете прочесть: «Американского журналиста Стиба — выдумал французский писатель Ренэ Каду. Французского писателя Ренэ Каду — выдумали два известных русских беллетриста...»

«Ренэ Каду», таким образом, оказывается един в двух лицах его русских «переводчиков» — О. Савича и В. Пиотровского. Первый из них, Овадий Савич, был большим другом Ильи Эренбурга и хорошо известен еще и сегодня как талантливый журналист (в 1937—1939 годах — корреспондент ТАСС в Испании), знаток и пропагандист-переводчик испанской литературы...

«С предисловием С. С. Заяицкого»

Издательство «Круг», организованное в августе 1922 года «московской артелью писателей», выпускало в основном новинки отечественной литературы. Среди авторов «Круга» мы встретим писателей, хорошо известных и современному читателю: А. Толстого, Л. Леонова, В. Каверина, Л. Никулина, И. Бабея, С. Григорьева, И. Эренбурга, Е. Зозулю, М. Пришвина... Одновременно с этим издательство вело во второй половине двадцатых годов небольшую тематическую серию «Романы приключений». Не следует думать, что это были только и именно приключения: научная фантастика и приключенческий роман в те годы не разделялись стеной, и добрая половина серии представляла собою самую чистокровную фантастику. Правда, фантастику, как правило, остросюжетную, динамичную. Но кто и когда утверждал всерьез, что эти качества противопоказаны хорошей научно-фантастической книге?!

В серию входили книги переводные; таков, к примеру, «Желтый смех» Пьера Мак-Орлана, французского писателя, ставшего на склоне лет — в 1950 году — членом Академии Гонкуров. Входили книги отечественных приключенцев и фантастов; назовем среди них хотя бы «Бесцеремонного Романа», написанного уральцами В. Гиршгорном, И. Келлером и Б. Липатовым. И была в этой серии «промежуточная» категория авторов, на первый взгляд вроде бы иностранцев, на деле же... На деле — подобных «Джиму Доллару» и «Ренэ Каду».

Превосходно — по тем временам — оформленные, книжки серии непременно снабжались рекламной текстовкой на обложке. Не обязательно она заключала в себе «разоблачение» псевдонима, как это было с «Атлантидой под водой». Но совершенно обязательно она была броской, привлекающей внимание и... ироничной.

Вот один из ее образцов:

«Я вижу, гражданин, как ты стоишь перед книжной витриной, охваченный вполне естественным сомнением: покупать или нет мою книжку? Ну что же, можешь и не покупать! Но тогда не сетуй, если она завтра будет принадлежать другому, если другой будет умиленно скорбеть о судьбе прекрасной Терезы и содрогаться, внимая ругани одноглазого Педжа. А разве тебе не хочется познакомиться с полковником Ящиковым? Впрочем, не мне убеждать тебя. Можешь предпочесть моей «Красавице» две коробки папирос, Моссельпром — за углом. А жаль — у тебя такое симпатичное, трудовое лицо!

Автор».

Это полушутливое обращение к покупателю, невольно заставляющее вспомнить ухищрения киоскеров, торгующих книгами в часы «пик», на наиболее оживленных перекрестках, украшает обложку «Красавицы с острова Люлю» (1926) Пьера Дюмьеля.

Но «умиленно скорбеть» и «содрогаться», читая эту книгу, не смог бы и законченный обыватель: настолько явственно проступает в ней насквозь ироническое отношение писателя к его героям!

В самом деле, можно ли принимать всерьез свирепого Педжа, на огромном красном лице которого сверкает один глаз, другой же заменен... грецким орехом? А прекрасная Тереза? Чего стоят одни только поистине крутые меры, к каким она прибегает, желая всего лишь досадить супругу! «Две горничных, вооруженные огромными ножницами, резали на мелкие клочки роскошные платья Терезы, а китайчонок собирал куски их в корзину, которую время от времени уносил и высыпал перед кабинетом банкира...»

В «Красавице» все гротескно, преувеличенно, «не все-рвез», и безусловно прав Сергей Заяицкий, писавший в предисловии к этой книге: «Пьер Дюмьель — неприми-

римый враг буржуазной культуры, и роман его является сатирой на быт и идеологию отжившего класса». Трудно не согласиться и с тем, что автор предисловия пишет дальше: «Правда, весь роман Дюмьеля немного наивен, и он слишком легко разрешает в нем сложнейшие социальные проблемы...»

Что верно, то верно. Необычайно быстро, легко совершается в романе революция во Франции, а затем и во всем мире. И столь же быстро, легко и безболезненно «врастают» в новый, социалистический быт герои романа. Полковник-белозэмигрант Ящиков становится преподавателем физкультуры; «славный потомок свергнутой династии» Роберт Валуа, который, «ей-богу, в душе всегда стоял за Советскую власть», за неумением что-либо делать поступает живым экспонатом в музей социальных пережитков...

Но эта облегченность, очевидно, полностью отвечает замыслу автора — создать легкую, изящную пародию на западный авантюрно-экзотический роман начала XX века. Пародию?! Да. Ибо — откроем секрет, процитировав в последний раз предисловие С. Заяицкого, — «критики, нападавшие на Дюмьеля, в своем ожесточении доходили до того, что отрицали самый факт его существования».

Увы, не было ни критиков, «нападавших на Дюмьеля», ни самого «Дюмьеля». А был... советский писатель двадцатых годов Сергей Заяицкий, мастер увлекательного сюжета, незаурядный сатирик. Писатель, чьи книги А. М. Горький — в письмах Р. Роллану, С. Сергееву-Ценскому — ставил, по свидетельству исследователей, «в один ряд с прозой А. Фадеева, А. Платонова, Ю. Олеси». С его-то, Сергея Заяицкого, помощью «Пьер Дюмель» и выдумал самого себя.

«Граждане! Знаете ли вы...»

Нет правил без исключения; не все «поддельные романы» тех лет искрились шуткой и иронией.

Как раз такое исключение представляет собою книга, которая у нас на очереди. «Долина Новой Жизни» Тео Эли («Круг», 1928) была вполне серьезным научно-фантастическим произведением — всерьез задуманным и без тени улыбки выполненным.

Вот как характеризовало тему романа издательство:

«Граждане! Знаете ли вы, что всем вам грозит большая опасность?! Знаете ли вы о том, что кучка отчаянных людей, укрывшихся в одной из недоступных долин Гималая — так называемой долине «Новой Жизни», уже давно готовит там чудовищный переворот?! В руках этих людей — могущественные, еще неизвестные нам технические изобретения. Пользуясь ими, они создали многомиллионную армию искусственных людей, снабдив ее страшными орудиями истребления. Все приготовления к походу закончены. Вожаки движения ждут только окончания работ по пробивке туннеля, который должен служить им выходом из их таинственной долины. Не сегодня-завтра туннель будет готов, и железные батальоны полулюдей-полумашин двинутся на ошеломленное человечество. Опасность близка! Все должны о ней знать! Каждый, кому дорога его жизнь, должен непременно купить и прочитать нашу книгу, в которой описана вся эта безумная затея».

Улыбнемся, прочитав последнюю фразу: «Круг», как мы уже говорили, любил рекламу и делал ее с блеском. Излагать же более подробно содержание этого далекого от веселости романа с отчетливым антифашистским звучанием едва ли имеет смысл. Сегодняшним любителям фантастики книга Тео Эли хорошо известна. Добавим только, что книга эта лишний раз свидетельствует: фантастические романы-предупреждения, ныне

связываемые многими прежде всего с именами американца Р. Брэдбери и поляка С. Лема, достаточно полнокровно существовали и на заре советской фантастики.

Автором «Долины» был Федор Николаевич Ильин (1873—1959), бакинский ученый-хирург, удостоенный Советским правительством почетного звания заслуженного деятеля науки, человек большого душевного обаяния, щедрого сердца и редкого мужества. В Баку еще и сегодня можно услышать легенды о старом профессоре, который, ослепнув в шестьдесят семь лет, до глубокой старости продолжал не только читать студентам-медикам на редкость увлекательные лекции, но и оперировать больных...

«Долина Новой Жизни» — действительно исключение среди «поддельных» романов двадцатых годов. Ведь Ф. Н. Ильин укрылся под псевдонимом отнюдь не из желания мистифицировать окружающих! Переводя на греческий язык свои имя и фамилию, он просто следовал давно бытующей среди ученых традиции подписывать псевдонимом книги «не по специальности».

Но, ни прямо ни косвенно не указывая на подлинное имя автора и будучи к тому же написана в форме доброго старого романа приключений (с тайнами, похищениями, побегами, погонями...), книга Тео Эли разделила общую судьбу «поддельных романов». Подтверждение тому — эпизод из очерка о Ф. Н. Ильине, написанного журналистом П. Савиным и опубликованного в 1968 году в журнале «Литературный Азербайджан».

«Как-то летом 1935 года в кругу отдыхающих санатория Дома ученых в Кисловодске зашел разговор об этой книге... Самуил Яковлевич Маршак назвал роман «прекрасной и головокружительной фантазией». К этому мнению склонились и другие участники разговора, также читавшие книгу.

— Интересно, кто такой этот Тео Эли? — задумчиво спросил один из них.

— Англичанин, должно быть,— предположил Самуил Яковлевич.

Это заявление вызвало улыбку у бакинца, профессора И. И. Широкогорова, присутствовавшего при разговоре.

— Хотите, я вас сегодня же познакомлю с автором книги,— сказал он.

— Автор в Кисловодске?

— Здесь, в санатории,— ответил И. И. Широкогоров.— Через двадцать минут он сядет за обеденный стол рядом с вами, Самуил Яковлевич.

Вскоре на свое место рядом с Маршаком сел ничего не подозревавший Федор Николаевич. Все так и ахнули...»

Для массового читателя «Тео Эли» перестал существовать много позже — в 1967 году. После того как бакинское издательство «Гянджлик» выпустило «Долину Новой Жизни» в полном виде (до этого выходила лишь первая ее часть) и под истинной фамилией ее автора.

Свидетельствует Алексей Толстой

Самый термин «поддельный роман» выдуман отнюдь не автором этих заметок: он прямо обозначен — как подзаголовок — на титульном листе романа «Блеф», изданного в 1928 году неким Рисом Уильки Ли.

...Группа нью-орлеанских газетчиков, измышляя способ поднять тираж своей неумолимо прогорающей газеты, набредает на счастливую мысль — имитировать прибытие на Землю марсианского межпланетного корабля. Задумано — сделано. К подготовке «марсианского предприятия» привлечен талантливый инженер Луиджи Дука. Он монтирует на необитаемом островке в Тихом океане оригинальный летательный аппарат, и... вблизи Нью-Орлеана вскоре благополучно приземля-

ются «марсиане». Они успешно завязывают контакты с земным человечеством; мгновенно возникает акционерное общество межпланетных сообщений с Марсом; вот уже и первые «деловые люди» отправляются на Марс. Среди них эмиссарами очередной «всероссийской императрицы» летят два белоэмигранта-монархиста — Кошкодавов и Пузывич. Их задача — приискать участок на Марсе, чтобы там «при помощи туземцев» (и при минимальных затратах) положить начало новой Российской империи. За это им уже обещаны титулы «герцога Марсианского» и «князя Межпланетного».

На Марс первые гости «марсиан» попадают. Правда, и этот «Марс» необходимо взять в кавычки. Ибо роль нашего космического соседа уже давно уготована тому самому островку в Тихом океане, где велись все сверхсекретные приготовления к «марсианскому предприятию».

Тихо прогоравшая «Нью Таймс» тем временем поистине преобразается: ведь она становится основным связующим звеном в цепочке «Марс — Земля»! Бешеными темпами, от выпуска к выпуску, растет ее тираж, появляется и уже обрастает нулями цифра ее доходов. Когда же, вследствие не вполне счастливого стечения обстоятельств, дурачить окружающих дольше делается небезопасным, герои романа отбывают в Европу, где большую часть благоприобретенного капитала передают в распоряжение... французских рабочих.

Роман Риса Уильки Ли носил ярко выраженный сатирический характер. Здесь высмеивались и жалкие будни белоэмигрантского отребья, и «американский образ жизни» с его «неограниченными» возможностями бизнеса, и политическая жизнь заокеанской «страны истинной демократии». О несомненном сатирическом даровании «мистера Ли» свидетельствует хотя бы такая деталь.

На столе редактора провинциальной американской

газеты — очередная небылица «от собственного корреспондента из Москвы». Редактор достает блокнот с заголовком «Советские утки», где записано:

1. Взрыв Кремля — печаталось 4 раза (тема использована).

2. Восстание в Москве — 8 раз (можно еще 1 раз).

3. Восстание в Петрограде — печаталось 2 раза (?).

4. Восстание всероссийское — 6 раз (не имеет успеха)».

Сверив заведомую фальшивку со шпаргалкой, редактор... отправляет ее в набор.

«Поддельные романы» почти не обходились без предисловий «биографического характера».

«Блеф» в этом отношении даже перещеголял своих собратьев: предисловие к нему написано не таинственным автором романа, а... Алексеем Толстым!

В этом предисловии известный советский писатель, деятельно включаясь в литературный розыгрыш, рассказывает, как весной 1922 года на одном из фешенебельных западноевропейских курортов неожиданно познакомился с мистером Ли. Как симпатичный этот американец поведал русскому писателю о своих приключениях, о том, в частности, что был в 1919 году в Сибири.

«Мы сидели на веранде и пили кофе; мой американец весьма терпимо путешествовал по русскому языку — разговор не был обременителен, человек прыгал, как кузнечик, по своему прошлому и кончил тем, что объявил о своем желании написать роман.

Я взглянул на его проседь и почувствовал досаду. Ужасно неприятен человек, потерпевший, как видно, жестокую неудачу в своих прошлых начинаниях и теперь намеревающийся попробовать себя в литературе. Но мистер Ли чистосердечно спрашивает меня, как, собственно, делаются романы, — может, не стоит и при-

ниматься, кроме того, он не выбрал еще, писать ли роман или заняться приготовлением пуговиц?..»

И все же «мистер Ли», как видно, не оставил мысль о романе. И как видно, роман этот понравился Алексею Толстому! Ибо предисловие к нему заканчивается такими словами: «Перед нами звонкий, безудержный фельетон и, чего нельзя не заметить, вещица с перцем».

Выше мы не случайно назвали автора «Блефа» таинственным: прямо указав на «поддельность» мистера Ли, он, однако же, ничем (но полно, действительно ли ничем?!) не намекнул в романе на подлинное свое имя. Не мудрено поэтому, что неожиданно для себя попал впросак А. Дерман, критик двадцатых годов, в своей рецензии на книгу безапелляционно утверждающий: «...автор ее не какой-то неведомый Рис Уильям Ли, а хорошо нам известный Алексей Толстой». Потому же и в самых последних по времени критических работах о фантастике двадцатых годов автор «Блефа» остается незнакомцем. «Скрывшийся под псевдонимом Рис Уильяки Ли автор звонкого фантастического памфлета...» — только это и могут сказать о нем критики.

Между тем именно то обстоятельство, что предисловие к «Блефу» написано маститым Алексеем Толстым, позволяет легко установить имя нашего незнакомца,— оно прямо названо в комментариях к шестому тому полного собрания сочинений А. Толстого, где перепечатано, среди других материалов, и это предисловие.

Рис Уильяки Ли — это Борис Викторович Липатов, уральский литератор, автор ряда книг (в том числе фантастических), вышедших в двадцатые — тридцатые годы. В конце двадцатых годов он работал консультантом-сценаристом на фабрике «Совкино» и, по-видимому, именно в этот период близко познакомился с Алексеем Толстым. Во всяком случае, в очерке А. Толстого

«Из охотничьего дневника», не без юмора повествующем о поездке писателя в 1929 году по реке Урал с шумной компанией, среди других участников которой были также Валериан Правдухин и Лидия Сейфуллина, Борис Липатов фигурирует чаще всего именно как «консультант-сценарист»: «Позже других является консультант-сценарист — взъерошен, грязен, мрачен. Сообщает: убил восемь кряковых, нашел только одну...» Подобные дружелюбно-иронические упоминания, рассеянные по всему очерку, заставляют поверить, что знакомство авторов «Блефа» и предисловия к нему действительно было близким; не зря же Алексей Толстой принял столь деятельное участие в этой литературной мистификации...

*«...истинное, елисейское
блаженство!»*

Перед нами промелькнули далеко не все «лжеиностранцы» нашей фантастики двадцатых годов.

За пределами этих сжатых заметок остался, к примеру, «Жорж Деларм», чей роман-памфлет «Дважды два — пять» (в переводе с 700-го французского издания) выпустило в 1925 году ленинградское издательство «Новый век». Роман этот был снабжен сочувственным предисловием Юрия Слезкина, известного прозаика тех лет, книги которого небезынтересны и сегодня. (Такова, к примеру, его «Девушка с гор», где в лице одного из главных героев выведен молодой Михаил Булгаков.)

На обложке второго издания романа — оно вышло в Госиздате в том же 1925 году под названием «Кто смеется последним» — Деларм, этот «претендент на Гонкуровскую премию», разоблачен более чем откровенно. Обложку пересекает красная размашистая надпись: «Подлог Ю. Слезкина»...

Уместно здесь было бы, очевидно, вспомнить и о неумышленном превращении в иностранца, приключившемся в 1928 году с Александром Романовичем Беляевым: его рассказ «Сезам, откройся!!!», подписанный псевдонимом «А. Ром», был из «Всемирного следопыта» перепечатан другим популярным нашим журналом — ленинградским «Вокруг света» — уже как истинно переводной. При этом «А. Ром» превратился в «А. Ромс», соответственно изменилось и название рассказа: «Электрический слуга». И в годовом оглавлении рассказ, естественно, попал в раздел «Повести и рассказы иностранных авторов»...

Похоже, к «лжеиностранцам» же придется отнести и А. Наги: слишком не похож на перевод роман «Концессия на крыше мира», вышедший под этой фамилией в 1927 году в харьковском издательстве «Пролетарий».

Другое харьковское издательство, «Космос», в том же 1927 году обнародовало — в переводе с... «американского» — беспардонно авантюрный «коллективный роман» двадцати писателей «Зеленые яблоки». Имена авторов были «честно» проставлены на обложке: Д. Лондон, М. Твен, Р. Стивенсон, С. Цвейг, Г. Уэллс, Э. Уоллес и другие. В роли переводчика с несуществующего языка выступал на этот раз малоизвестный ныне литератор двадцатых годов Николай Борисов.

Наконец, к этой же группе тяготеет и роман Льва Рубуса «Запах лимона», выпущенный в 1928 году тем же «Космосом». О том, как Лев Рубус и его книга появились на свет, рассказал Лев... Успенский. Рассказал очень непринужденно и увлекательно, настолько увлекательно, что на Льве Рубусе невозможно не остановиться несколько подробнее.

Лев Александрович Рубинов (ну-ка, ну-ка: Лев Рубинов+Лев Успенский...=Лев Рубус?!), бывалый человек, успевший побывать и следователем ЧК, и прокуро-

ром, и популярным в Петрограде адвокатом — членом коллегии защитников, позвонил осенью 1925 года своему другу с семнадцатого, двадцатипятилетнему студенту Льву Успенскому.

«— Лева? — как всегда, не без некоторой иронической таинственности спросил он.— У тебя нет намерения разбогатеть? Есть вполне деловое предложение. Давай напишем детективный роман...

Двадцать пять лет... Море по колено! Роман так роман, поэма так поэма, какая разница?

— Давай,— сказал я...»

И работа закипела...

Роман был сделан на советском материале, и сделан по откровенно нехитрому рецепту. Сюжет «Запах лимона» был запутан необычайно. Радиоактивный метеорит, обрушившийся на окрестности Баку. Банда демонически неуловимого «некоего Брегадзе», охотящегося за метеоритом. Бесчисленные убийства, погони, самые невероятные происшествия... Л. Успенский с особым удовольствием вспоминал игравшую в романе заметную роль бандитскую собаку.

«То была неслыханная собака: дог, зашитый в шкуру сенбернара, чтобы между этими двумя шкурами можно было переправлять за границу драгоценные камни и шифрованные донесения мерзавцев. При этом работали мы с такой яростью, что в одной из глав романа шерсть на спине этого пса дыбом встала от злости — шерсть на чужой шкуре!»

И вот — настал день, когда авторы увидели свое детище. (Я сознательно не останавливаюсь на всех перипетиях, предшествовавших торжественному моменту... Перипетии тоже были очень своеобразными; заинтересовавшихся отсылаю к «свидетелю»: Успенский Л. Записки старого петербуржца. Лениздат, 1970, с. 331—346). Детище выглядело более чем эффектно: «На обложке была изображена шахматная доска, усыпанная цифра-

ми и линиями шифровки. Был рядом раскрытый чемоданчик, из которого дождем падали какие-то не то отвертки, не то отмычки. Была и растопыренная рука в черной перчатке. Два пальца этой руки были отрублены, и с них стекала по обложке красная кровь бандита...»

Остается отметить, что неистовая эта пародия на книги «про шпионов» (массовое явление таких книг в нашей литературе пятидесятых годов отнюдь не было чем-то исключительно новым) писалась, как и следовало предполагать, с нескрываемым удовольствием. «Еще бы: никаких границ фантазии! — вспоминал Л. Успенский. — Любая выдумка радостно приветствуется. Плевать на все мнения, кроме наших двух. Всякую придуманную малость можно поймать на лету и мять, тискать, шабрить, фуговать, обкатывать... За всю свою долгую литературную жизнь я ни разу не испытал такого удовольствия, такого, почти физического, наслаждения...»

Джим Доллар, Ренэ Каду, Пьер Дюмель, Тео Эли, Рис Уильки Ли, Жорж Деларм, Лев Рубус... За исключением Тео Эли, на каждом из этих придуманных лиц — недвусмысленная улыбка. Еще бы, ведь читатель, всерьез поверивший в их существование, тем самым дал изловить себя на крючок талантливой литературной мистификации! Конечно, не все «поддельные романы» двадцатых годов выдержали проверку временем: слишком многое в них было сиюминутным и потому условным, откровенно схематичным. Но как своеобразное явление бурного послереволюционного десятилетия эти книги, безусловно, представляют определенный интерес и для современного советского читателя.

Трудно сказать, что заставляло наших авторов скрываться за псевдонимами, создавать «поддельные романы». Наверное, единого ответа тут нет и быть не может: у каждого были свои соображения.

Однако на одну из причин, думается, указать можно.

В двадцатые годы наш книжный рынок был буквально захлестнут потоком переводной беллетристики, — чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть каталог любой из книжных баз того времени. В этом потоке произведения действительно стоящие попросту терялись среди изобилия переводного бульварного чтива. Общий низкий уровень этого чтива не мог не вызвать естественного протеста у людей, знакомых с классикой. И вот, пародируя западный приключенческий роман, наши авторы тем самым протестовали против засилья книг низкопробных, заведомо халтурных...

«Не забудьте, что это пародия. Месс-Менд пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей...» — писала Мариэтта Шагинян в цитированной нами брошюре.

М. Шагинян, естественно, говорила о своих романах. Но ее слова могли бы повторить и О. Савич с В. Пиотровским, и С. Заяицкий, и Б. Липатов, и Ю. Слезкин, и Л. Успенский с Л. Рубиновым...

Стоило ли «писать марсианский роман»?

Академик Л. А. Арцимович, известный советский физик, обратился однажды с таким пожеланием к писателям-фантастам: дайте читателям хотя бы раз в пять лет одну вещь, подобную «Аэлите»!

Что ж, «Аэлита» А. Н. Толстого — подлинная жемчужина советской фантастики. Тут, как говорится, не может быть двух мнений. Но это — сегодня. А в те далекие дни, когда «Аэлита», печатавшаяся поначалу (в 1922—1923 гг.) в журнале «Красная новь», только-только вышла отдельным изданием?

В те дни дело обстояло, увы, иначе.

«...Роман плоховат... Все, что относится собственно к Марсу, нарисовано сбивчиво, неряшливо, хламно, любой третьестепенный

Райдер Хаггард гораздо ловчее обработал бы весь этот марсианский сюжет...»

Столь категорический отзыв принадлежит Корнею Чуковскому, увидевшему в «Аэлите» лишь монументальную фигуру Гусева. Однако не один только этот писатель скептически отнесся к дебюту Алексея Толстого в жанре фантастики. В том же номере «Русского современника» (1924, № 1), где критический очерк о творчестве Алексея Толстого поместил Корней Чуковский, опубликовал свои заметки о «литературном сегодня» другой наш известный прозаик — Юрий Тынянов.

Рассуждая об «Аэлите», Тынянов полностью солидаризируется с Чуковским.

«Марс скучен, как Марсово поле,— пишет он.— Есть хижины, хоть и плетеные, но в сущности довольно безобидные, есть и очень покойные тургеневские усадьбы, и есть русские девушки, одна из них смешана с «принцессой Марса» — Аэлита, другая — Ихощка.

...Очень серьезны у Толстого все эти «перепончатые крылья» и «плоские, зубастые клювы». И чудесный марсианский кинематограф — «туманный шарик». Серьезна и марсианская философия, почерпнутая из популярного курса и внедренная для задержания действия, слишком мало задерживающегося о марсианские кактусы.

А социальная революция на Марсе, по-видимому, ничем не отличается от земной; и единственное живое во всем романе — Гусев — производит впечатление живого актера, всунувшего голову в полотно кинематографа.

Не стоит писать марсианских романов».

Вот так — решительно и безапелляционно — судили ныне общепризнанную нашу жемчужину (а с нею заодно — и зарождающуюся советскую фантастику в целом) иные даже маститые литераторы двадцатых годов. И тем самым подтверждали старую-старую истину: человеку действительно свойственно ошибаться. Преувеличивать частности, недооценивать целое...

Биоробот Ксаверий

«...В кресле, спиной к окну, скрестив ноги и облокотясь на драгоценный столик, сидел, откинув голову, молодой человек, одетый как модная картинка. Он смотрел перед собой большими голубыми глазами, с самодовольной улыбкой на розовом лице, оттененном черными усиками...»

Наметанный взгляд читателя уже, вероятно, различил нечто манекенное в описании молодого человека. Биоробот? Ведь их так любят изображать современные фантасты!..

«...Мы все стали против него. Галуэй сказал:

— Надеюсь, ваш Ксаверий не говорит, в противном случае, Ганувер, я обвиню вас в колдовстве и создам сенсационный процесс.

— Вот новости! — раздался резкий, отчетливо выговаривающий слова голос, и я вздрогнул. — Довольно, если вы обвините себя в неуместной шутке!

— Ах! — сказала Дигз^и и увела голову в плечи. Все были поражены. Что касается Галуэя, — тот положительно струсил...

— Уйдемте! — вполголоса сказала Дигз. — Дело страшное!

— Оставайтесь, я незлобив, — сказал манекен таким тоном, как говорят с глухими, и переложил ногу на ногу...»

Не будем продолжать; отметим лишь, что жутковатая эта сцена принадлежит перу Александра Грина и взята нами из...

Но подождите! Грин и... биоробот? Александр Грин, роман которого «Золотая цепь» появился в 1925 году, и — излюбленный персонаж фантастов второй половины двадцатого века?

Да. В те самые двадцатые годы, когда по фантастическим книгам лишь начинали робко и неумело прохаживаться грубые неуклюжие «телевоксы», способные разве что убирать постели да подметать комнаты, — в эти самые двадцатые годы находились-таки смельчаки, считавшие возможным не только создать механическое подобие человека, но и снабдить его зачатками мышления.

К этим немногочисленным смельчакам должны мы отнести и Александра Грина.

Фантастика на Урале: вглядимся в истоки

Фантастика на Урале... Тема интереснейшая, непочатый край для исследователя! Но одновременно — сложная, немалотрудная, вся в белых пятнах. Как, впрочем, любой «непочатый край».

Будучи давним любителем фантастики и — как все уральцы — патриотом своего края, с давних же пор подумывал я: как бы это показать миру, что научная фантастика на Урале — есть?

А что? — думалось мне. Выходят книги. Нет-нет да и печатаются местные фантасты в периодике Урала, а порою и в московских изданиях. Есть на Урале и люди, целиком — или около того — посвятившие себя фантастике. И даже, как водится, свой общепризнанный первенец у уральской фантастики есть — «Новый Гольфстрим» А. Подсосова! В свое время и в центральной прессе писалось об этой книге, причем в достаточно доброжелательном тоне...

И еще казалось мне (тогда же, лет двадцать назад) очень оправданным и выразительным такое вот название для статьи об уральской фантастике: «О жанре, которого у нас — не было...»

Однако двадцать лет — срок немалый, многое изменилось за эти годы в мире. В том числе и в мире литературном.

Оказалось, в частности, что научная фантастика — вовсе не жанр, как простодушно полагали критики пятидесятых годов, она широка и многогранна, это — целый вид художественной литературы!

Оказалось далее, что советская научная фантастика зародилась отнюдь не с первыми пробами пера А. Казанцева, И. Ефремова, В. Охотникова, В. Немцова и В. Сапарина, — как это порою очень недвусмысленно явствовало из критических статей и обзоров послевоенного десятилетия. Более того, и не с первыми произведениями А. Беляева (фигуры, несомненно, выдающейся в истории советской фантастики) и двух-трех его последователей-современников (С. Беляев, Г. Гребнев, Г. Адамов...).

И оказалось, в-третьих, что нельзя говорить о фантастике областной — уральской ли, сибирской или дальневосточной — как о некоем замкнутом географически явлении.

Сегодня мы, в бывшем Екатеринбурге, смотрим спектакли МХАТа и «Современника», принимаем столичных певцов, читаем — в тот же день! — утренние выпуски московских газет. Почитываем (если уместна ирония в данной вполне серьезной ситуации) и столичные журналы, и книги, поспевая с этим еще до того, как о них отшумит (или даже — зашумит) критическая молва. В той или иной мере своевременно мы ухитряемся даже следить — буде есть желание — и за интересующими нас новостями культурной жизни других бывших периферийных центров — от Владивостока до

Калининграда... И понятное дело, у самовитой «периферийной» культуры завятых поклонников ныне не так уж и много.

Это в полной мере относится к научной фантастике.

Любитель НФ не пропустит нынче ни одной столичной новинки. И вообще — ни одной стоящей новинки, выйди она в Красноярске, в Иркутске или Алма-Ате. Но даже рядовой любитель неизбежно пройдет мимо самой-самой «своей», местной фантастики, если та не отвечает уровню, достигнутому советской фантастикой в целом. Он ее, конечно, тотчас и купит, и прочтет, но горе ей, если она — не отвечает! Даже при отсутствии букинистического магазина сегодняшний читатель НФ найдет куда сплавить подальше от своих полок эту не отвечающую духу времени книгу. Как, впрочем, и любую другую — истинно «периферийную» по положению в литературе, хотя и изданную в той же Москве.

Таков, стало быть, тот критерий, который единственно возможен в отношении НФ, критерий, который я и попытаюсь применить в своем экскурсе в область старой уральской фантастики: насколько то или иное произведение было современным, насколько отвечало достигнутому уровню, требованиям и запросам времени?

Итак,—

«Новый Гольфстрим»

...Всю свою жизнь отдал Измаил Ахун Бекмулатов орошению среднеазиатских пустынь. Разработанная им система глубинных шахт вывела на поверхность многоводные подземные реки, неузнаваемо изменила облик Миракумских песков: зацветают бывшие пустыни, покрываются садами, новые города вырастают здесь.

Но академик Горнов, приемный сын Бекмулатова, уже не удовлетворен механическим расширением оросительной сети, дождевальными станциями и лесозащит-

ных полос. Он предлагает коренным образом изменить климат всей нашей страны: перегнав «тучегонами» воду (опресненную при интенсифицированном испарении) из арктических морей на юг, в пустыни Средней Азии, создать среди песков огромные водохранилища. Нагретая жарким солнцем пустыни, вода из этих озер будет перебрасываться на север. Осуществление проекта позволит полностью оросить и тем самым ликвидировать пустыни и одновременно — пробудить к жизни необозримые пространства Севера, отеплив их «Новым Гольфстримом».

Усилиями многих людей, всего советского народа этот грандиозный проект в конце концов осуществляется.

Таково, в немногих словах, содержание романа Алексея Подсосова «Новый Гольфстрим»¹. Содержание, как видим, достаточно фантастично и сейчас, тридцать с лишним лет спустя после выхода романа, считавшегося первенцем уральской фантастики. Ведь пустыни Средней Азии и сегодня остаются грозной реальностью, столь же грозной, как и малопригодные для жизни просторы арктической тундры.

Отчего же книга Алексея Подсосова забыта сегодня и даже в исследованиях, посвященных послевоенной советской фантастике, как правило, не упоминается?

Попробуем разобраться...

В центре романа — серьезная, по-настоящему большая научно-техническая проблема, ее решение и постепенное претворение смелой идеи в жизнь. Это дает нам основание отнести книгу Подсосова к тому «научно-техническому» типу романа, который сложился в советской фантастике во второй половине тридцатых и сороковых годах.

¹ Книга эта была задумана и написана еще до войны. Но трудности военных лет помешали своевременному ее изданию, роман был выпущен в Свердловске в 1948 году.

В отличие от фантастики предшествующего периода, такой роман был целиком основан на фактах советской действительности. Он говорил о том, что было особенно близко для читателя тех лет,— о завтрашнем дне страны, о перспективах развития социалистического хозяйства, социалистической науки и техники. В большой мере такой роман возмещал дефицит научно-популярной литературы о переднем крае науки и техники; собственно, этим-то голодом на хорошую, с добрым взглядом в завтра, научно-популярную книгу и было вызвано рождение «научно-технического» романа в советской фантастике.

Но из достоинств проистекают и недостатки. Вытеснив из советской НФ все прочие направления, фантасты нового типа сводили, как правило, содержание своих книг к общедоступному изложению научно-технических гипотез (или даже — что бывало не столь уж и редко — к описанию уже существующих реально испытательных лабораторий и полигонов), этим зачастую и ограничиваясь. А поскольку упор здесь делался на «производственный фон» — ибо именно этот фон и отличал такого рода фантастику от сходных нефантастических книг,— неизбежно терялись, тускнели образы героев, ослабевало социально-психологическое начало, и — как ни парадоксально — исчезала, подменяясь научно-техническими проектами, большая человеческая мечта...

Именно так, к сожалению, и произошло в романе Подсосова.

С первых же страниц его мы попадаем в атмосферу грандиозной стройки. Но как эта атмосфера передана?

«На висячих мостиках, на выступах агрегатов — всюду суетились люди. Монтировались трубопроводы, охладительные камеры, энергетические механизмы и двигатели, пульты автоматического управления, регулирующие работу этих гигантских машин...»

«Ураган не произвел больших разрушений. Несча-

ствий с монтажниками тоже не было. Вовремя предупрежденные синоптиками, они успели укрыться в надежных местах.

Но в пустыне погибло несколько водителей машин. Песок засыпал три эшелона со строительными материалами. Пострадало несколько крупных хозяйств...»

Нетрудно заметить, как уже в этих двух маленьких отрывках «производственный фон» перерастает в самоцель, заслоняет, нивелирует человека. «Всюду суетились люди»... «Несколько водителей» и «три эшелона»... Техника и, как придаток к ней, люди... И уже не убедят читателя в противном, не вызовут доверительного отношения нет-нет да и мелькающие на страницах романа рассуждения общего характера: «Помните: люди, кадры — самый ценный капитал нашей страны... Думайте прежде всего о них...»

Неумение заглянуть в духовный мир героев ощущимо проступает в показе Горнова и Бекмулатова, центральных героев романа. По замыслу автора, это принципиальные противники. Первый — проводник новых идей, необычных и величественных; второй — сторонник отживающих методов борьбы с пустыней, но тем не менее человек очень симпатичный и заслуженный: в полном соответствии с традициями научно-технической фантастики его именем названы город Бекмулатовск, выведенная из-под земли река Ахун.

Между противниками идет идейный спор. Но вот что любопытно: страстный борец за искоренение пустынь, Измаил Ахун Бекмулатов попросту не хочет увидеть то рациональное, приемлемое и для него, старого мелиоратора, что несет в себе проект Горнова. Именно не хочет! И эта преднамеренная слепота к очевидному разрушает образ, вместо «принципиального противника» получается мелочно упрямый старик, уклоняющийся к тому же от борьбы с Горновым.

Не находящий же действительно серьезных против-

ников, мгновенно преодолевающий все препятствия на пути к осуществлению своего проекта, способен ли академик Горнов предстать перед читателем во всей незаурядности его характера? Слишком многими возможностями наделил его автор, слишком обезопасил — на много ходов вперед — «игру ва-банк» своего героя. Эта подстраховка сводит на нет все заявления о целеустремленности Горнова, его стойкости, фанатической преданности делу.

Главные герои романа оказываются не в силах завоевать симпатии читателя, захватить его, увлечь идеей, которую отстаивают. Не в силах они и двигать сюжет... В чем же заключается пружина, раскручивающая действие от первого нашего знакомства с проектом Горнова до конечного его осуществления?

Пружины, на поверку, нет, — есть цепочка умолчаний и недомолвок, ложных «тайн», многочисленных — мелких и крупных — аварий и потрясений. Есть и попытка — увы, не очень успешная — ввести линию диверсантско-шпионскую...

Удивительным кажется это несоответствие между грандиозной научно-технической проблемой и средствами, с помощью которых она художественно реализуется!

Но все вышесказанное вовсе не имеет целью зачеркнуть или как-то принизить работу А. Подсосова. При всех своих несовершенствах «Новый Гольфстрим» стал заметным событием в литературной жизни Свердловска тех лет. Да и вообще книга была, как говорится, «не хуже многих других»: отмеченные недостатки свойственны — в различной, разумеется, степени — всей научно-технической нашей фантастике пред- и послевоенного (вплоть до середины пятидесятых годов) периода, начиная от «Лаборатории Дубль-вэ» А. Беляева и кончая многочисленными повестями и романами В. Немцова. Самый беспристрастный разбор едва ли не любой

из этих книг почти неизбежно содержал бы сегодня грустный оттенок неудовлетворенности художественным их исполнением. Что же до уральских фантастов...

Давайте заглянем еще дальше, в предвоенные годы Урала, посмотрим:

Что же было до «Нового Гольфстрима»?

А до «Гольфстрима», оказывается, издавался в Свердловске — в 1932—1941 годах — журнал «Техника — смене»... Своеобразный уральский предтеча нынешнего «Юного техника»¹.

Журнал нет-нет да и обращался к фантастике. Происходило это не часто: НФ не была в фаворе, влияние ее на читателя явно недооценивалось, она рассматривалась в те годы как всего лишь второстепенная ветвь научно-популярной литературы. Обстоятельство вполне объяснимое: после революции, после отгремевшей следом гражданской войны на повестку дня встали сложнейшие вопросы созидания, индустриализации, развития экономики первого в мире социалистического государства. Первостепенную важность обрела задача, сформулированная вождем революции на Третьем съезде комсомола: «Учиться, учиться и учиться!» Но научно-популярная литература двадцатых — тридцатых годов отнюдь не была столь богатой и разнообразной, как в наши дни. И литература фантастическая, со времен Жюль Верна не чуравшаяся просветительской функции,

¹ В 1935 году в Свердловске начато было издание еще одного популярного журнала — краеведческо-приключенческого «Уральского следопыта». Но этот журнал просуществовал недолго — всего вышло 9 номеров — и ничем из фантастики (кроме рассказа А. Беляева «Слепой полет», перепечатанного в 1958 году новым «Уральским следопытом», ведущим свою родословную от того предвоенного издания) прославить себя не успел.

выдвинула в те годы эту чисто популяризаторскую функцию на первый план.

Это обстоятельство не могло не придать фантастике уральского журнала ощутимый отпечаток «техничности».

О чем мечтали и писали авторы «Техники — смене»?

Об искусственных дождях в туркменской пустыне. О воздействии ультракоротких волн на рост растений. О шароэлектродной дороге. О летающих автомобилях. Об использовании энергии морского прибоя...

Проблемы решались в чисто конспективном плане: центр рассказа, как правило, составляло лекционное изложение существа проблемы, этому предшествовала (или следовала за этим) нехитрая иллюстрация, рисовавшая изобретение «в действии»; сюжету особого значения не придавалось, как не придавалось его и героям. Они были нужны в рассказе лишь постольку, поскольку должен же был кто-то выполнять функции спрашивающего и отвечающего, экскурсанта и экскурсовода!

В последние годы существования журнала на страницы его пришла и тема будущих сражений, необычайно популярная перед Великой Отечественной войной. Радиоуправляемые танки, подземные оборонительные сооружения, зоны «непроницаемости», электрические пушки, всевозможные лучи смерти, поражающие агрессоров, поглощали все внимание авторов таких полурассказов-полуочерков. Действие этих вещей происходило в достаточно неопределенное время и носило абстрактно-глобальный характер. Ничтожную пылинку — отдельного человека — трудно было рассмотреть в этих «эпизодах будущей войны».

Два произведения как-то выделялись среди типично условных «картинок будущего», появлявшихся в довоенном уральском журнале, — рассказ Р. Онцевера «Короткое замыкание» (1938, № 5—8) и повесть Б. Рябина «Подарок Будды» (1941, № 1—3, 5, 6).

: Р. Онцевер (точнее, автор, укрывшийся под этим псевдонимом) решал в своем рассказе проблему беспроводной передачи электроэнергии. В художественном отношении «Короткое замыкание» являло собою довольно традиционное повествование об открытии, сделанном «где-то там, на Западе», предназначавшемся для борьбы против советских людей и — вопреки предназначению — обрушивавшемся на головы тех, кто «сеял ветер». Были в рассказе и злобствующие, готовые даже друг другу глотку перегрызть антисоветчики, и американский безработный, разрушавший коварные их замыслы... Сюжетная схема эта, сложившаяся еще в «Вокруг света» двадцатых годов и довольно интересно разрабатывавшаяся многими авторами, в силу своей безотказности оказалась необычайно живуча, — чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить иные рассказы А. Днепровы. Но, как всякая схема, она ограничивала возможности автора, толкая его на единственно приемлемое в данной ситуации «военное» истолкование научно-технической проблемы.

Беспроволочная передача энергии в рассказе Р. Онцевера обернулась всего лишь еще одними «лучами смерти», традиционно выводящими из строя моторы вражеских машин...

«Подарок Будды» — повесть Бориса Рябинина, вступавшего в те годы в литературу, — кажется поначалу более интересным, более свежим произведением.

События повести происходят в восточной стране, отражающей вторжение империалистов.

Среди безлюдных полупустынь выстроен небольшой научно-исследовательский городок. Работами здесь руководит профессор Чжан, «крупнейшее светило в области электромагнетизма и радиологии». Работы засекречены: даже на освобожденной территории рыщут враги, под пули которых попадает и сам профессор во время одной из экспедиций. Но постепенно читатель

все-таки узнает, чем заняты ученый и его сотрудники они ищут «сияющий металл» — радий. Ищут — и находят! Более того, радю в найденном ими месторождении сопутствует новый радиоактивный элемент — «трансуран»...

Начало повести, повторяю, интересно,— по ту главу включительно, где рассказывается о необычайно быстром выздоровлении профессора Чжана, испытавшего на себе целебное воздействие эманации радия. Но далее изыскания профессора сменяются приключениями его помощников в оккупированном японцами Шанхае; сам ученый срочно создает мощнейшее «новое оружие»: все те же лучи, на расстоянии останавливающие работу двигателей. Правда, генератор профессора Чжана может быть переключен и на другое излучение — всепроникающую «частоту-зет», губительно воздействующую на расстоянии на мозг человека. Но это весьма относительное, по сравнению с опубликованным ранее рассказом Р. Онцера, новшество.

Обернувшись же еще одним «эпизодом будущей войны», повесть Б. Рябина, при всей ее антиимпериалистической направленности, тотчас утрачивает свою новизну. О дальнейшей работе профессора и его сотрудников рассказывается уже в той лекционно-монологической форме, которая отличала (и отличает) произведения полуочерковой технической фантастики...

Однако не будем слишком строги к фантастике «Техники — смене». Да, по сегодняшним меркам она выглядит бледновато. Но ведь эти повести и рассказы писались в канун надвигавшейся схватки с фашизмом, когда молодая наша фантастика стремилась прежде всего внести свой посильный вклад в дело подготовки страны к активной обороне. А изображение перспектив развития науки и техники, воспитание веры в силу Знания, в огромную значимость инженера и ученого в предстоящих освободительных, антифашистских сражениях как

раз и были таким вполне конкретным и осязаемым вкладом в общенародные усилия.

Но заглянем глубже в толщу лет. Существовала ли фантастика на Урале в двадцатых годах?

Вглядимся в истоки

Обильную фантастическую продукцию двадцатых годов еще и до недавнего времени нет-нет да и рассматривали оптом как «псевдонаучную», «развлекательную», «бульварную». Традиция эта зародилась в тридцатых годах, когда ранняя советская фантастика либо просто замалчивалась критиками, либо принижалась и зачеркивалась.

«Выходило много псевдонаучной и псевдофантастической псевдолитературы в 1925—1928 годах,— писал, например, А. Ивич.— Такие книги выпускались частными издательствами, писались авторами, имен которых никто нынче не помнит,— это были типичные образцы «вагонного» чтения. Лишенные и творческой фантазии, и самых скромных литературных достоинств, эти книги теперь забыты — и поделом. **Нечего о них вспоминать!**»¹.

Да, из песни слова не выкинешь — была и псевдолитература, и бульварщина. Но критик явно «перегнул», столь категорично зачеркивая все произведения, не укладывавшиеся в каноны прикладной научно-технической фантастики, с позиций которой А. Ивич и рассматривал книги предшествующего периода. А между тем основная масса советской фантастики 1925—1928 годов выпускалась вовсе не частными издательствами: ее печатали Госиздат, «Молодая гвардия», «Земля и фабрика»... И создавалась она не только «авторами, имен которых никто нынче не помнит», — фантастику в двадца-

¹ «Литературный критик», 1940, № 7—8, с. 152. (Выделено мною.— В. Б.].

тых годах писали и Алексей Толстой, и Илья Эренбург, и Валентин Катаев, и Мариэтта Шагинян, и Всеволод Иванов с Виктором Шкловским, и Николай Асеев, и Михаил Булгаков, и многие другие писатели, чьи имена очень даже хорошо помнил современный критику читатель...

Революция смела в нашей стране мир старый, капиталистический; новый мир, социалистический, только-только зарождался. И естественно было стремление молодых советских литераторов, с одной стороны, окончательно «разделаться» с мировым капитализмом, показать полнейшую и всестороннюю его несостоятельность, а с другой стороны — представить как можно ощутимее радостный мир будущего.

Не оставались в стороне от этого могучего влечения к фантастике и уральские литераторы. Их героями тоже становились люди, стремившиеся «конструировать историю в нужном направлении».

И тут в первую очередь приходит на память «князь Ватерлоо» с Верх-Исетского завода.

«...Полдюжины бравых наполеоновских канониров удивились, когда неожиданно и любовно оседлал Владычин гладкий ствол пушки.

— Ватерлоо! — подумал Роман.

— Эй, молодчик, зря ты сюда забрался,— рявкнул канонир с закоптелой рожей и банником в руках,— у нас не так много орудий, чтобы на них кататься верхом!

Владычин, побуждаемый не столь окриком, сколь жжением в некоторой области, плохо защищаемой брюками, соскочил с пушки, и через секунду из дула ее с веселым свистом вырвалось ядро.

Ватерлоо!

Неуклюжие ядра носились в воздухе, бухали ружья, падали люди, вообще все было очень похоже на настоящее сражение...»

Да, Ватерлоо... Именно сюда стремился и именно сюда попал на изготовленной им «машине времени» Роман Владычин, инженер-механик Верх-Исетского завода. Всесторонне изучив по историческим документам эпоху наполеоновских войн, Владычин является к французскому императору в поистине критический момент: Наполеон находится буквально на волоске от поражения под Ватерлоо.

В отличие от наполеоновских маршалов Роман Владычин четко представляет себе (поскольку знает доподлинно!) расположение войск как самого Наполеона, так и противостоящих ему союзников. («Я из Америки. Спрыгнул со снизившегося монгольфьера, летящего сейчас в сторону англичан», — так объясняет он потом собственное появление, свой странный костюм и отменное знание обстановки. Объясняет — вначале маршалу Даву, горько сожалеющему позже, что не пристрелил его тут же, а затем и самому «кандидату на Св. Елену»...)

Роман помогает-таки императору избежать столь закономерного исторически поражения! Более того, с помощью Владычина Наполеон заново воссоздает империю.

Уральский инженер в роли бонапартиста, добровольного помощника завоевателя — не дико ли это?! Но не будем торопиться с заключениями. «Неонаполеоновская» империя нужна Роману Владычину лишь как удобный плацдарм для дерзкого социально-исторического эксперимента.

Стараниями энергичного уральца в империи невиданными темпами развивается наука, подвигая вперед и технику. Инженер двадцатого века насадил в начале века девятнадцатого и железные дороги, и мартеновские печи, и швейные машины, и кинематограф. Озабочен Роман и развитием культуры. В специальный воспитательный интернат, где делами заправляет «носатый чудак» — знаменитый педагог Песталоцци, со всей Ев-

ропы собраны дети и подростки, которым суждено в будущем прославить свои имена.

Пересказанная вот так — сжато, почти без подробностей, — книга кажется всего лишь вариацией уже известного: много раньше, еще в 1889 году, Марк Твен отправил своего предприимчивого героя модернизировать куда более седую древность! У критиков, право же, были основания записать «Бесцеремонного Романа» (так называлась эта действительно бесцеремонная книга, выпущенная в 1928 году издательством «Круг») в разряд чисто развлекательной литературы. И вдосталь иронизировать над выходцем из XX века, который чтением «Средь шумного бала...» приводит в восторг... юного А. С. Пушкина!

Но тем не менее роман этот — из числа книг, о которых небезынтересно и вспомнить.

И не только потому, что вслед за «Янки...» М. Твена «Бесцеремонный Роман» открывает необозримый ныне поток произведений об отклонениях в развитии исторического процесса, вызванных действиями подобных Владычину выходцев из будущего. (Уэллс в данном случае не совсем «в счет»: он подарил фантастам «машину времени», но герой его — всего лишь пассивный созерцатель, крайне редко — да и то вынужденно — выходящий за рамки этого «амплуа».) Не в пример произведениям иных нынешних фантастов (по бесцеремонности обращения с историей нередко оставляющих далеко позади фантастов прошлого, но делающих это подчас во имя узких, «малокалиберных» целей), в основе «Бесцеремонного Романа» была заложена по-настоящему большая, общественно значимая мысль.

Личность и история, возможности личности в историческом процессе — эта проблема издавна волновала людей. В. Гиршгорн, И. Келлер и Б. Липатов, авторы «Бесцеремонного Романа», пробуют решить эту проблему средствами фантастического романа. И на мой взгляд,

неплохо справляются с задачей: их «развлекательная» книга ненавязчиво и наглядно показывает, что единичная личность, даже незаурядная, даже — вооруженная доскональнейшим знанием общечеловеческого опыта, все-таки остается лишь единицей, которой явно не под силу по-своему переkreить Историю.

А ведь поначалу кажется, что Владычину удастся все, в том числе и это!

Вот он, завоевав доверие Наполеона, становится «князем Ватерлоо», вторым человеком в Империи, реформатором-просветителем, проводником новых, прогрессивных взглядов и идей. Академия противится планам реорганизации хозяйства? Что ж, Роман «не мытьем, так катаньем» доказывает академикам свою правоту — и вот они уже увлеченно трудятся над воплощением в жизнь его проектов и замыслов.

Диктат Наполеона тормозит общественное развитие? Переодевшись мастеровым Владом, «князь Ватерлоо» зажигает искру недовольства в рабочих массах, организует движение за демократические свободы.

Это движение приобретает огромный размах, цепная реакция недовольства крушит политические устои «Единой Империи». Герой и сам гибнет в вызванной им схватке Нового со Старым, этот все-таки излишне самоуверенный Влад-«князь Ватерлоо»-Роман Владычин...

Да, не удалась и не могла удалась дерзкому уральцу его попытка переделать историю, «досрочно» построить на земле счастливое свободное общество. Но само исследование такой фантастической попытки интересно и знаменательно для литературы тех лет.

При всех литературных издержках (я сознательно не останавливаюсь на них) роман уральских авторов В. Гиршгорна, И. Келлера и Б. Липатова был в целом вполне на уровне заметных книг ранней советской фантастики. Тех книг, о которых мы так редко вспоминаем сегодня...

Кстати, этому успеху, несомненно, немало способствовало обстоятельство, о котором на склоне дней вспоминал И. И. Келлер (в течение многих лет — главный режиссер Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского, лауреат Государственной премии СССР): «Так как главные события развертывались в первой половине XIX века, пришлось много времени провести в Публичной библиотеке, изучая старые газеты и журналы, архивные материалы и мемуары, вплоть до записей «Камер-Фурьерского журнала», фиксировавшего каждодневные события в царской семье...» Именно углубленное знание истории — уже не Р. Владычиным, а его создателями — надо полагать, подкупило в «Бесцеремонном Романе» и Николая Тихонова, по чьей рекомендации книга увидела свет в московском издательстве.

Мы могли бы привести в качестве примера и другие НФ книги двадцатых годов — книги, авторов которых можно считать нашими земляками.

В одной из главок очерка, посвященного «поддельным» романам, фигурировал у нас «Блеф» Риса Уильки Ли. Этот памфлет, также предвосхищающий целую тему современной фантастики, написан, как указывалось, уральцем Борисом Липатовым.

Можно было бы вспомнить и повесть И. Келлера и Б. Липатова «Вулкан в кармане». Свердловская «Урал-книга» издала ее в 1925 году пятью выпусками — так, как издавались в то время в Москве «Месс-Менд» и «Лори Лэн» Мариэтты Шагинян или «Иприт» Всеволода Иванова и Виктора Шкловского. Пусть несомненным толчком к написанию повести послужил чапековский «Кракатит» (не случайно взрывчатое вещество страшной разрушительной силы именуется здесь «вулкани-том» и «везувианом», да и изобретает-то его чешский химик (Тадеуш Пряник), — разве почти одно-

временно другое произведение Карела Чапека — пьеса «R. U. R.» — не было прямо положено в основу «Бунта машин» маститым Алексеем Толстым? Фантастический «боевик» молодых уральских авторов являл собою веселую и едкую буффонаду, в которой гротескно были изображены представители агрессивно настроенных правящих кругов Америки, Англии и... Парагвая, а заодно с ними и эмигрантское эсеровское охвостье. Все они активно домогаются секретов нового сверхоружия. И все они в конце концов остаются с носом...

Любопытно было бы вспомнить и повесть И. Келлера и В. Гиршгорна «Универсальные лучи» (1924; в другом издании — «Сорванец Джо»), которая «посвящается революционной молодежи», а заканчивается совсем так, как заканчивались многие произведения советской фантастики той поры — кричащими газетными сообщениями:

«— В Южных Штатах вспыхнуло восстание рабочих под руководством коммунистов...

— Войска, высланные для подавления восстания, уничтожены рабочими при помощи «Универсальных лучей»...»

Можно было бы, наконец, обратиться и к еще более ранним (в том числе дореволюционным) произведениям уральских фантастов. Но это уже особая тема — в кратких заметках обо всем не расскажешь.

Вообще же подобное исследование представляется интересным и нужным.

В критических статьях самых последних лет родился и неожиданно окреп странный в сущности термин — «сибирская волна в советской фантастике». И вот уже и ленинградцы склонны по аналогии говорить о своей «волне» — ленинградской, и москвичи выискивают уже первые признаки еще одной «волны» — новомосков-

ской... Но ведь подобным образом можно сконструировать и «волну» уральскую, и, скажем, совсем юную — дальневосточную, и многие другие «волны»...

Правомерен ли такой «раздел» нашей фантастики на сугубо географические зоны? Не влечет ли он за собою противопоставление одной группы писателей-фантастов другим? И не приведет ли это искусственное дробление к организационной и иной замкнутости?

Во всяком случае, экскурс наш в историю фантастики на Урале (а появилась она у нас, как мы убедились, не вдруг, не с выходом «Нового Гольфстрима», но гораздо раньше) показывает, что и в тридцатые годы, и в двадцатые уральская фантастика отнюдь не была явлением географически изолированным, что она переживала те же полосы удач и неудач, трудностей и взлетов, как и советская фантастика в целом.

«На колею иную...»

Планета в качестве звездолета. Где истоки этой идеи — столь же заманчивой и «безумной», сколь и распространенной ныне в фантастике? С ходу вспоминаются: прибытие в Солнечную систему чужеродной планеты-странницы (повесть Георгия Гуревича «Прохождение Немезиды»); вынужденный обстоятельствами совместный космический рейд Земли и Венеры в романе Франсиса Карсака «Бегство Земли»; рассказ Генриха Альтова «Порт Каменных Бурь» (шаровые скопления звезд в центральной части Галактики — это колоссальные звездные «города», сюда «переводят» свои солнца высокоразвитые цивилизации)... Но это — солидные поздние разработки темы. А ее истоки?

Мы, понятно, не имеем при этом в виду освоение находчивыми героями фантастики «мелких» залетных тел вроде астероидов: это самостоятельное ответвление темы увело бы нас слишком далеко. Не только, скажем, к путешествию отважных комсомольцев на обузданной ими «планете КИМ» из одноименного романа (1930) старейшего нашего писателя-фантаста А. Р. Палоя,— нам неизбеж-

но пришлось бы вспомнить и роман Жюль Верна «Гектор Сервадак» (1877) с описанным в нем странствием по космосу изрядного куска Сахары, унесенного кометой... Нет, речь должна пойти именно о планетах, сорванных с насиженного места сознательным вмешательством человека в естественный ход событий.

Можно, конечно, припомнить при этом «первые опыты» по управлению движением небесных тел, предпринятые героями того же Жюль Верна (роман «Вверх дном», 1889) или Герберта Уэллса (рассказ «Человек, который мог творить чудеса», 1899). Но это, так сказать, шутейные варианты...

А вот разговор уже вполне серьезный. В заключительной из «Повестей о Марсе» (1925) Грааля Арельского, действие которой происходит в отдаленнейшем будущем, гаснет Солнце. Гениальный инженер Ро-па-ге предлагает перегнать замерзающий Марс к новому солнцу (так — «К новому солнцу» — и называется, кстати, эта повесть). В живительных лучах достигнутого в конце концов иного светила начинается новый расцвет марсианской цивилизации...

Но Г. Арельский в данном случае не первооткрыватель: он мог бы вдохновиться на этот сюжет известным стихотворением Валерия Брюсова «Хвала Человеку» (1906):

Верю, дерзкий! Ты поставишь
По земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил,—
И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

Да, в русской поэзии немало страниц, вполне соотносимых с первоклассной фантастикой. Очень созвучна, например, брюсовской оде и заключительная часть «Пантократора» — стихотворения, написанного в 1919 году таким, казалось бы, далеким от космических грез XX века Сергеем Есениным:

Сойди, явьсь нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко

Под этой ветхой кровлей.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

И вправду: чем не планета-звездолет, пусть и со сказочным конем в качестве космического движителя?! Параллель с Брюсовым кажется самоочевидной: чуточку холодноватые, рассудочно торжественные брюсовские строки обретают в стихах Есенина поражающее прямо-таки осязаемой образностью продолжение...

Самые же первоначальные наметки темы мы найдем, по-видимому, у Порфирия Павлозича Инфантьева (1860—1913). Автор почти сорока самых разных книг, интереснейший человек этот был уроженцем Троицка и в восьмидесятых годах прошлого века, как установили краеведы, принимал активное участие в революционном движении на Урале... После годичного заключения в одиночке петербургских «Крестов» Инфантьев был выслан под надзор полиции в Новгород. В 1901 году там, в Новгороде, и вышла, в изуродованном цензурой виде¹, его «повесть из жизни обитателей Марса» — «На другой планете».

Рассказчик-землянин, попав на Марс и вникая в дела и быт его обитателей, знакомится здесь среди прочего с их «книгами» — валиками, закладываемыми в специальный аппарат. «Оказалось, что этот аппаратик так искусно соединял в себе кинематограф и фонограф, что получалась полная иллюзия действительности: казалось, что среди нас очутилось новое третье лицо».

¹ Иные главы книги начинаются чуть ли не с середины фразы, вместо других значатся одни лишь их номера; текст во множестве мест перебит подозрительными — подчас на полстраницы! — просветами... Нет, явно не по душе пришлись царской цензуре картины жизни справедливого марсианского общества, с понятной симпатией сочиненные политическим ссыльным Инфантьевым!

Возникший таким образом перед землянином поэт-марсианин прочел стихотворение, в котором «рисовал картину торжества марсианского гения, когда марсиане окончательно овладеют всеми силами природы, проникнут в сущность мировых законов, управляющих вселенной, и сумеют подчинить их себе. Он изобразил смелую и грандиозную картину, когда марсиане будут иметь возможность заставить свою планету носиться в мировом пространстве не по определенному пути, данному ей от начала мироздания, а по тому, какой ей укажет марсианский разум, и когда планета Марс, подобно блуждающим кометам, будет носиться среди других солнечных систем и проникать в самые отдаленные от нашего солнца концы неизмеримого мирового пространства!»

Трудно удержаться от соблазна предположить, что именно от Инфантьева идея планеты-звездолета вошла в поэзию Валерия Брюсова — человека, знаменитого своей эрудированностью и, конечно же, отлично знавшего современную ему литературу...

...И снова поиск

Все познается сравнением. И экскурс к истокам уральской фантастики нельзя не дополнить беглым хотя бы взглядом в послевоенные десятилетия и сегодняшний ее день. (Тема эта, разумеется, заслуживает подробного исследования, но оно уже вышло бы за рамки этой книги.) Что ж, двинем потихоньку в обратную сторону стрелки волшебных часов на циферблате нашей машины времени...

Пятидесятые годы. Советская фантастика, едва не превратившись за время господства «мечты ближнего прицела» в духовного близнеца научно-популярной литературы, настойчиво искала пути возвращения в лоно литературы художественной. Вели поиск и литераторы-уральцы.

Жанр производственно-бытового романа? К многочисленным книгам В. Немцова примыкал роман пермяка Б. Фрадкина «Дороги к звездам» (1953) — подробное жизнеописание изобретателя-

самоучки, создававшего в заключительных главах книги чудесный сплав для строительства космических кораблей...

Приключенческий жанр? В советскую литературу тех лет, словно бы прорвав некий шлагбаум, неудержимо хлынули отряды отважных, но, к сожалению, не слишком разнящихся между собой детективов, возглавляемых легендарными ныне майором Прониным и сыщиком-любителем Нилом Кручининим. Стихийное это нашествие эхом отдалось и в фантастике. Б. Фрадкин, например, написал уже чисто фантастическую «Историю одной записной книжки» (1954), где преступник убивал ученого, работавшего над применением ультразвука в сельском хозяйстве, ультразвуковым же лучом. Челябинец К. Нефедьев выпустил роман «Тайна алмаза» (1958), в котором были и грабежи, и похищения людей, и убийства, и страшный яд, и тайная лаборатория в тайге. Пожалуй, своеобразного апогея «приключенчества» детективная фантастика уральцев достигала в повести В. Ковалева «Погоня под землей» («Уральский следопыт», 1958). Здесь преступники угоняли экспериментальный подземоход, рассчитывая — под землю! — пересечь границу. Но следом на такой же (правда, не обкатанной) машине устремлялись преследователи, — начиналась классическая гонка! Преступников, ясное дело, обезвреживали... Сегодня трудно без иронии вспоминать подобные произведения. Но, между прочим, возврат к приключениям (пусть поначалу не слишком высокой пробы) немало помог количественному возрождению фантастики в послевоенной советской литературе. Это уже потом количество стало перерастать в качество...

Пятидесятые, вторая половина. Еще не взмыл ввысь первый советский искусственный спутник, а фантасты уже все чаще начали посматривать в сторону звезд. Одним из космических первенцев послевоенной советской фантастики стала повесть все того же Б. Фрадкина «Тайна астероида 117-03» (1956). Станный, произвольно меняющий свою скорость астероид, полет к нему, посадка на Уран, встреча с Чужим Разумом... Ситуация для нашей фантастики тех лет, еще только начавшей выходить из «зоны приземленности», совершенно небывалая, и читатель горел нетерпением

узнать: что же последует за этой встречей? К сожалению, пермский литератор, следуя далеко не лучшим образцам, избрал путь сражений в космосе... Но так или иначе старт состоялся — и уральская фантастика тоже отправилась в полет к звездам, ставший поистине триумфальным, после того как успехи науки действительно вывели человека в космос...

Шестидесятые. Космическую нашу фантастику этого периода можно было бы охарактеризовать словосочетанием, которое выбрали в качестве названия первой своей книги (1964) свердловские авторы М. и Л. Немченко, — «Летающие к братьям». Да, речь отныне идет о братьях: не воинствующим агрессорам, а истинным гуманистам, движимым любознательностью и неистребимой жадой контакта с собратьями по Разуму, общения с себе подобными, открыта дорога в Большой Космос. Так и только так! — утверждают своими произведениями уральцы.

И самоотверженно зажигают искусственное солнце над безжизненной покамест планетой герои повести В. Крапивина «Я иду встречать брата» (1962). Обнаруживают и изучают следы пришельцев в экзотической Южной Америке герои романа К. Нефедьева «Могила Таме-Тунга» (1967). Добрыми и гуманными предстают сами эти пришельцы в повести «Девушка из Пантикапея» И. Давыдова (1965). А в другом произведении этого автора — романе «Я вернусь через 1000 лет» (1969) — уже и земляне отправляются в сверхдальний полет — осваивать неведомую планету... Эта книга, кстати, в полном смысле слова — космическая робинзонада. Как и в романе Даниэля Дефо, героям ее противостоят враждебно относящиеся к ним аборигены. Но канонический Робинзон Крузо не стремился к контактам с туземцами: ему достаточно было верного и покорного слуги Пятницы, все прочие неевропейцы сливались для него в безликую дикую массу, от которой надо было прятаться, с которой надо было бороться, используя в этой борьбе все преимущества «цивилизованного» человека. Коммунисты третьего тысячелетия, естественно, смотрят на вещи иначе. Во-первых, они не собираются бежать с осваиваемой планеты из-за трудностей, с которыми столкнулись. А во-вто-

рых, их устраивают только добрососедские отношения с аборигенами: выяснить, на чем основана враждебность этих последних, и, главное, преодолеть ее — становится центральной задачей наших потомков в новом для них мире.

Да, добрососедство, взаимное уважение, бескорыстная ненавязчивая помощь — именно это движет героями нашей космической фантастики. И если даже летит к Земле корабль с фарсанами («Фарсаны» свердловчанина С. Слепынина, 1966), фантаст пытается всесторонне разобраться: что же их породило — злонамеренных этих биороботов? Жутковатая история нужна ему вовсе не затем, чтоб поразвлечь читателя остреньким сюжетом, нет, — чтобы заставить задуматься о небезопасности иных вариантов развития науки, возможных ведь и на нашей планете...

Семидесятые. Фантастика как-то словно бы поуспокоилась, уже не столь рьяно будоражит читателя необыкновенностью своих миров и сюжетов. Но одновременно неизмеримо вырос художественный ее уровень! Теперь на ее страницах, пожалуй, уже не встретишь манекенов, единственное назначение которых — быть демонстраторами и рупорами наукообразных идей... Она стала более земной, наша фантастика, более земной, но не приземленной, — и проблемы, решаемые ею, тоже утратили отвлеченность, приблизились к нашим сегодняшним заботам, стремлениям, тревогам.

Там, где благо людей, их духовное совершенствование перестает быть высшей целью, где человек превращается в обезличенный винтик, наука рискует выродиться в зловещую, порабощающую силу. Именно так происходит в повести С. Слепынина «Звездные берега» (1976). Герои повести попадают на планету, напоминающую им родную Землю, но начисто лишенную жизни: бесконечный океан песков покрывает ее поверхность. Причины выясняются позже: некогда обитатели планеты передали совершеннейшим автоматам управление не только производством, но и чисто человеческими сферами жизни. «Электрон расставил коварные сети, обещая человеку сытую, бездумную, комфортабельную жизнь. И человек охотно пошел в сладостный плен...» Кибернетика про-

низала быт людей, города планеты слились в один гигантский супергород, управляемый электронным мозгом. А человек... Он превратился в этом мире в придаток саморегулирующейся технологической системы. И супермозг в конце концов «перевел» людей в иное состояние: потому их и нет на этой планете, что «упакованы» они в крохотные информационные ячейки внутри песчинок. Зловещая серо-желтая пустыня оказывается воплощением кибернетического «идеала»...

Отметим, что С. Слепынин противопоставляет этой воистину загробной «вечной гармонии» счастливую Землю будущего, ее яркий, радостный, деятельный мир,— подобное противопоставление не столь уж часто встречается в нашей фантастике предупреждений. Может быть, именно поэтому книгу уральца заметили и за рубежом — она издается в Чехословакии.

Современные фантасты не мыслят своих героев в отрыве от матери-природы,— таковы веяния времени, заставившего нас и в этом плане осознать свою ответственность перед грядущими поколениями. Что ж... В уральской фантастике бережно сохраняют, терпеливо воссоздают необдуманно поистраченное великолепие лесов, полей, животного мира герои рассказов свердловчанина С. Другалю «Тигр проводит вас до гаража», «Экзамен», «Светлячковая поляна» и других. Эти рассказы образуют своеобразную повесть-мозаику о фантастическом Институте Реставрации Природы, о его делах и сотрудниках — добрых мастерах, с необыкновенной чуткостью относящихся ко всему живому на такой неповторимо чудесной нашей планете.

Проблемы морально-нравственного порядка вообще ныне в центре внимания советских фантастов — и уральцы тут, естественно, не стоят в стороне. Взять хотя бы повести челябинца М. Клименко, составившие его книгу «Ледяной телескоп» (1978). В главной вещи в невероятнейшей ситуации — очень близкой к самой настоящей фантазмагии и все-таки реальной в нравственной своей сути — неожиданно горячо и обновленно звучит банальнейшая, казалось бы, истина: «Выходит, к нам в конечном счете относятся так же, как мы относимся к другим»... Можно было бы вспомнить и повесть пермяка В. Соколовского «Облако, золо-

тая полянка» (1979) — о том, сколь чутким надо быть ко всему окружающему, если хочешь убедиться в другой вечной истине: «чудеса — в нас самих». Да, от нас самих зависит, разглядим ли мы необычайное в повседневной обыденности или равнодушно, с онемевшей душой пройдем мимо...

Размышляя о советской фантастике, совсем вроде бы недавно — в 1971 году — писал И. А. Ефремов о «редкости произведений лирического строя, где бережная нежность к человеку была бы основой вещи». Ныне лирическая фантастика становится все более заметной — в том числе и у нас, на Урале. В этой связи хочется особо сказать о книге лауреата премии Ленинского комсомола В. Крапивина «В ночь большого прилива» (1979).

Доводилось мне слышать такое мнение: известный наш детский писатель Владислав Крапивин оттого, мол, «ударился» в сказки, в фантастику, что вот за двадцать лет работы в литературе поисчерпались у него запасы жизненного материала. Перепевать же самого себя, повторять уже написанное не позволяет ему писательская совесть, либо просто самому неинтересно...

Поверхностное мнение это очень легко опровергнуть. И тем, что по сей день не прерываются постоянные — дружеские и глубокие — контакты писателя с его героями: мальчишками и девчонками среднего, младшего и вовсе дошкольного возраста. И тем, что поздние его реалистические повести отнюдь не слабее предшествующих: разве похожи на перепевы прежних его произведений темпераментные и острые «Мальчик со шпагой» или «Колыбельная для брата»? И тем, наконец, что не столь уж и неожиданно — для всех, кто следит за творчеством В. Крапивина, — его обращение к фантастике.

Впрочем, для нас интереснее другой вопрос — чем привлекла она к себе писателя реалистического направления?

Сам он так отвечает на этот вопрос:

«К фантастике я обратился из-за неистребимой любви к приключениям. Сначала меня влекли неведомые моря и острова, потом планета показалась тесной, и космос представился мне про-

должением мирового океана. Позднее я понял, что автор, пишущий фантастику, получает возможность строить гораздо более разнообразные ситуации, чем литератор, придерживающийся сугубо реалистических тенденций. А чем разнообразнее ситуации, тем многограннее проявления человеческого характера...»

Что ж, не каждый день и не в каждой жизни случаются схватки с хулиганами, борьба с разбушевавшейся стихией; кому-то ведь и до седых волос может не выпасть случая проявить свою стойкость, показать характер, в чем-то большом, серьезном поступить наперекор обстоятельствам, склоняющим к компромиссу. А уметь поступить так — надо, и, безусловно же, надо учить этому умению наших детей — первейших, как известно, потребителем сюжетной фантастики.

Как раз этому, не в последнюю очередь, и учит маленькая трилогия В. Крапивина «Далекie горнисты».

Между прочим, странное дело: когда в 1970 году появилась заглавная первая ее часть, она казалась вполне самостоятельной, завершенной. Сейчас же трудно отделаться от впечатления, что уже тогда она мыслилась автору как всего лишь экспозиция, лишь завязка будущих событий, — так плотно легла она в основание целого.

...Первая встреча чудесным образом вернувшегося в детство героя с Валеркой и Братиком, выпавшими из своего, как казалось, времени; первые нехитрые игры; завязавшееся товарищество, готовое вот-вот перерасти в дружбу. Сбивчивый рассказ трубача Валерки о всадниках Данаты, о схватке с меченосцами; и ожидание таинственных событий; и боязнь неосторожным или лишним словом спугнуть, нарушить атмосферу Сказки. И первое совместное приключение: громыхающий Змей Горыныч, выросший на пути маленьких пришельцев к родному Городу... Грустные ноты завершали этот рассказ о расставании с другом, возвращающимся в страну, «где не доиграна битва и где он оставил свою трубу».

В повести «В ночь большого прилива» преобладающая тональность иного рода: это — тревога, щемящая тревога за жизнь друзей.

Взрослый человек Сергей Витальевич вновь становится мальчишкой. Ведомый Валеркой, он попадает в сумрачный, средневе-

кового вида Город. Узнает, что не только время разделяет его и друзей, но и пространство: Валерка и Братик живут на другой планете...

В Городе действительно сумрачно. Схватки между кланами горожан, гнетущая атмосфера всеобщей покорности Предопределению. «Лет двести назад Большой Звездный Мастер — самый главный ученый — сумел победить время и побывать в глубине будущего. Он записал все, что должно случиться на много веков вперед...»

А в схватках тех — гибнут дети...

И никто из взрослых в этом Городе не способен поверить, что «если плохое известно заранее, можно постараться... предупредить несчастье!» Но, к счастью, дети есть дети: они не верят иной раз взрослым.

Узнав, что о Братике в Книгах Белого Кристалла равнодушно и жестоко сказано: «убит сегодня», Светлый Рыцарь Сережка (он так напоминает другого крапивинского героя — «мальчика со шпагой», которого, кстати, тоже зовут Сережей!) идет к Великому Канцлеру. Его не останавливает снисходительно-уверенное: «Меня нельзя убить. В Книгах сказано...» Он вызывает Канцлера, олицетворяющего собою все зло в этом мире, на поединок — и убивает его, совершая свой подвиг: цепь предопределенности разорвана, Братик будет жить, как будут жить и все другие маленькие барабанщики и факельщики...

Завершение всей истории — повесть «Вечный жемчуг». Хотя и в ней есть яростная схватка со злом, вещь кажется очень светлой, пронизанной солнечными лучами, озаренной счастьем настоящей мальчишеской дружбы. Пусть здесь происходит прощание со Сказкой, — зато герои навсегда связаны отныне символической веревочкой из капрона, прочно соединившей в пространстве две планеты. В крохотную и одновременно ошеломляющую эту деталь, возможно, трудно будет поверить взрослому читателю, но только в том случае, если из памяти его, из его души необратимо выветрилось детство.

Эти три повести В. Крапивина — пронзительно лиричные произведения. В полном согласии со словами автора: «самое главное —

не приключение, а два человека: Валерка и Братик»,— они обращены не только к детям...

Многолик сегодняшний день фантастики Урала. Группа литераторов, работающих в ней, неизмеримо выросла за последние десятилетия,— невозможно даже перечислить всех в этих заметках. Интересно вспомнить, что коллективные сборники фантастики, выходившие в Свердловске, еще в самом недавнем прошлом не мыслились без привлечения авторов со стороны. В первом таком сборнике «Вас зовут «Четверть третьего?»» (1965) иногородние литераторы — из Москвы, Ленинграда, Киева — составляли половину всех участников. В следующем сборнике «Только один старт» (1971) «литгостей» было даже еще больше — почти две трети авторов. А недавний «Поиск-80» целиком составлен из произведений литераторов-уральцев. Верится, что так будет и в последующих «Поисках», которые намечено выпускать ежегодно!

До Барнарда был... Доуэль

«Даже если умрет последний пациент Барнарда — значение этой операции огромно. Дан толчок науке. Зажглась новая надежда для многих больных...»

Вы, конечно, догадываетесь, о чем идет речь? Сенсационные сообщения об эксперименте доктора Барнарда обошли в конце 1967 года всю мировую прессу. Ученые оживленно комментировали на страницах газет дерзкую попытку хирурга из Кейптауна пересадить неизлечимо больному человеку **чужое сердце**. Читатели с волнением ждали новых сообщений. Успех? Или опять горькая неудача?..

В те дни мне невольно приходили на ум прочитанные когда-то строки:

«Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила,

отделенная от тела, самостоятельной и сознательной жизнью...»

В волнующую, неправдоподобно волшебную историю уводили эти строчки — в историю, где была тайна, было преступление, была борьба простых и честных людей за торжество правды, за разоблачение жестокого преступника. Было все, что так завораживает нас в детстве...

И вот — давняя уже теперь статья в февральском номере «Литературной газеты» 1968 года, — цитатой из нее начаты эти заметки.

«Еще не улеглись страсти с пересадкой сердца, а уже говорят об изолированном мозге...

Нет, не следует думать, что проблема изолированной головы может быть решена в течение нескольких месяцев. Нужна очень большая работа, но мне не представляется это более трудным, чем анабиоз или преодоление индивидуальной несовместимости тканей...»

Известный советский хирург Н. М. Амосов — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, лауреат Ленинской премии — детально обосновывал в этой статье все «за» и «против» фантастической операции... Мог ли я не вспомнить снова об Александре Беляеве?

Мне захотелось перечитать его книгу об удивительной жизни головы, отделенной от тела, неудержимо захотелось как можно больше узнать и о самом фантасте.

В 1925 году во «Всемирном следопыте» был напечатан первый рассказ А. Беляева — «Голова профессора Доуэля». Первоначальный вариант едва ли не самого знаменитого ныне его романа. А в 1941 году — перед самой войной — в издательстве «Советский писатель» вышла последняя при жизни Беляева книга — роман «Ариэль».

Между этими двумя датами уместилось шестнадцать

лет. Шестнадцать лет поисков, надежд, разочарований. Больших творческих удач. Горьких (потому что вынужденных) перерывов в работе. Шестнадцать лет — и десятки рассказов, повести, пьесы, сценарии, наконец, семнадцать романов!..

В предвоенной советской литературе не найти больше примеров такой удивительной верности научной фантастике.

Кто же он — Александр Беляев? Каким путем пришел он в ту область литературы, где тогда, вроде бы очень четко отграничившись один от другого, еще безраздельно властвовали Жюль Верн и Герберт Уэллс? И какая сила помогла ему не только выдержать мелочную, часто незаслуженную придирчивость современников — не читателей, нет, критиков! — но и утвердить в заповедной Стране Фантазии свой, истинно беляевский, неповторимый уголок своих героев: мужественного мыслителя Доуэля, жизнерадостного Тонио Престо, изобретательного профессора Вагнера, отважного метеоролога Клименко, любознательного «небожителя» Артемьева, наконец, парящего в небе Ариэля и восторженно трубящего на спине дельфина в свой рог Ихтиандра?..

К моменту появления первого рассказа фантасту было уже сорок.

Семь отроческих лет под строгим надзором духовных отцов, — Беляев-старший, сам будучи священником, и сыну своему прочил духовную карьеру. А порядки в Смоленской семинарии были действительно суровые: без «особых письменных разрешений ректора» семинаристам запрещалось даже чтение газет и журналов в библиотеках!

Безудержное увлечение театром. «Если вы решитесь посвятить себя искусству, я вижу, что вы сделаете это с большим успехом», — это замечание К. С. Станиславского (в 1914 году Беляев «показывался» ему как актер), право же, имело под собой почву. «Г-н Беляев был

недурен... г-н Беляев выдавался из среды играющих по тонкому исполнению своей роли...» — так оценивала местная газета роли, сыгранные Беляевым на сцене смоленского театра. «Г-ну Беляеву» в те дни шел восемнадцатый год...

Демидовский юридический лицей в Ярославле, и снова — Смоленск. Теперь «г-н Беляев» выступает в роли помощника присяжного поверенного. И одновременно подрабатывает в газете театральными рецензиями.

Но вот скоплены деньги — и преуспевающий молодой юрист отправляется в заграничное путешествие. Венеция, Рим, Марсель, Тулон, Париж... В Россию Беляев возвращается с массой ярких впечатлений и мечтой о новых путешествиях: в Америку, в Японию, в Африку. Он еще не знает, что путешествовать ему больше не придется. Разве что переезжать с места на место в поисках целительного сухого воздуха.

В 1915-м, на тридцать первом году жизни, Беляев заболевает. Туберкулез позвоночника. «Обречен...» — считают врачи, друзья, близкие. Мать увозит его в Ялту. Постельный режим, с 1917 года — в гипсе.

В 1919 году умирает его мать, и Александр Романович; тяжело больной, не может даже проводить ее на кладбище...

В 1921-м Беляев все-таки встает на ноги. Работает в уголовном розыске, в детском доме, позднее, в Москве, — в Наркомпочтеле, юрисконсультантом в Наркомпросе. Вечерами пишет, пробуя силы в литературе, — и вот в 1925 году, в третьем номере только-только возникшего «Всемирного следопыта», появляется неведомый дотоле фантаст — А. Беляев.

Был ли он первооткрывателем в своих книгах?

Углубляясь в историю нашей фантастики, изучая условия, в которых формировалось творчество Александр

ра Беляева, мы невольно задаем себе этот вопрос. Задаем — и, естественно, пытаемся на него ответить.

...Жил когда-то во Франции такой писатель — Жан де Ла Ир. Особой славы он как будто не снискал, однако книги его охотно издавали в предреволюционной России: «Сверкающее колесо», «Искатели молодости», «Иктанэр и Моизета», «Тайна XV-ти», «Клад в пропасти»... Так вот, в одном из этих романов (в каком именно — нетрудно догадаться по сходству его названия с именем едва ли не самого популярного беляевского героя) талантливый ученый Оксус приживляет человеку акульки жабры. И тот вольготно — вполне как рыба — чувствует себя в водной стихии...

Роман этот, по-видимому, попался когда-то в руки молодому юристу (как попал он, к примеру, и Валерию Брюсову, пересказавшему занятный сюжет в неопубликованной при жизни поэта статье «Пределы фантазии»). Но наш юрист еще и не помышлял тогда о литературном поприще, а потому роман де Ла Ира попался ему и... отложился в памяти, как откладывается в ней многое, не имеющее прямого отношения к насущным нашим заботам. Однако много лет спустя газетная заметка о чудо-хирурге профессоре Сальваторе (именно из этой заметки выводит замысел «Человека-амфибии» О. Орлов — ленинградский исследователь жизни и творчества А. Беляева, в результате неустанных поисков воссоздавший для нас многие подробности биографии писателя) напомнила о старом романе, породив желание написать о том же, но — лучше. Примерно так, как «Путешествие к центру Земли» — с точки зрения В. А. Обручева, самый слабый из романов Жюль Верна — побудило нашего академика написать «Плутонию».

Воздадим должное таланту Беляева: забытый ныне роман де Ла Ира, герой которого оставался всего лишь случайным научным феноменом, жертвой поданного вне социальных связей преступного эксперимента,— по-

просто бессилён соперничать с «Человеком-амфибией». Романом не только остросоциальным, но и по-жюль-верновски провидческим. Вспомним речь беляевского Сальватора на суде: «Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду... Эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек...» Разве не эта глубоко человеческая цель экспериментов профессора Сальватора является главным для нас в романе Беляева? Главным в наши дни, когда вполне реальный герой морских глубин — прославленный Жак Ив Кусто — публично заявляет: «Рано или поздно человечество поселится на дне моря; наш опыт — начало большого вторжения. В океане появятся города, больницы, театры... Я вижу новую расу «Гомо Акватикус» — грядущее поколение, рожденное в подводных деревнях и окончательно приспособившееся к новой окружающей среде...»

Еще один старый роман — «Тайна его глаз» Мориса Ренара. Он появился в переводе на русский язык в 1924 году и рассказывал о необычайной судьбе молодого француза, потерявшего на войне зрение. С корыстными (опять!) целями таинственный доктор Прозоп заменяет ему глаза аппаратами, которые улавливают электричество, излучаемое различными предметами, «как ухо ловит звук, как глаз ловит видимый свет»... Но точно так же — лишь электрический облик внешнего мира — видит и электрик Доббель в рассказе Беляева «Невидимый свет» (1938)! Опять заимствование? Темы — пожалуй, да. Но не сюжета!

Ренар написал добротный — по тем временам — детектив. Однако, как и у де Ла Ира, события в его романе носят сугубо частный характер, они никак не окра-

шены социально: и злодей Прозоп, и жертва его обитают словно бы в мире абстрактных межчеловеческих отношений.

Сюжет беляевского рассказа имеет в основе своей четкий социальный конфликт. Обретя в результате новой операции полноценное зрение, Доббель, не сумевший найти работу, через месяц-другой возвращается к своему спасителю с просьбой... опять сделать его слепцом, видящим только движение электронов! Но поздно: «спаситель», усовершенствовав свой аппарат, уже запатентовал его. Ясновидящие слепцы никому больше не нужны, и безработному Доббелю (жертве не частного преступника, но — преступного общества) одна дорога — на улицу...

Мы могли бы найти литературные параллели и для некоторых других произведений А. Беляева. С его романом о Штирнере, возмечтавшем — при помощи чудесного аппарата — стать «властелином мира», можно было бы, например, сопоставить повесть «Машина ужаса» не переводного — отечественного фантаста двадцатых годов В. Орловского. В пару к беляевскому «Хойти-Тойти» можно было бы подобрать еще один роман М. Ренара — «Новый зверь (Доктор Лерн)», где взаимно пересаживались мозг человека и мозг быка... Но, оставив напоследок одно подобное сопоставление, воздержимся от всех прочих. Ведь и без того уже ясна истина, которую мы констатировали и в предыдущих очерках: выйти на оригинальную фантастическую идею (кстати, в беляевских книгах поистине оригинальных сюжетов и замыслов больше чем достаточно!) — это еще не все; самое главное — как и во имя чего эта идея используется.

И вот в этом-то главном Александр Беляев, соединивший в своем творчестве научный оптимизм и социальную глубину с органическим синтезом фантастической идеи и динамичного сюжета, безусловно явился

новатором, несомненным первопроходцем в нашей советской фантастике.

А теперь вернемся к первому рассказу Беляева.

Не так давно, в 1978 году, в «Искателе» был перепечатан рассказ немецкого фантаста начала нашего века Карла Груннерта «Голова мистера Стайла». Содержание его сводится к следующему. Появляются в популярной газете острые публицистические статьи, стилем своим заставляющие вспомнить талантливого журналиста, погибшего незадолго до того в железнодорожной катастрофе. И выясняется: доктору Мэджишену удалось вернуть и сохранить жизнь отделенной от туловища головы. Позднее Мэджишен конструирует и приспособления, с помощью которых «погибший» печатает новые свои статьи...

Что ж, и этот рассказ мог быть читан Беляевым и сохранен в памяти. Приплюсуем к тому популярный и в дореволюционные времена аттракцион «живая голова»: она взирала на посетителей с блюда на столике, установленном посреди помещения, а тело ее владельца ловко маскировали отражающие пол зеркала, искусно встроенные между ножками стола...

Можно, к слову сказать, вспомнить по этому поводу и рассказ малоизвестной русской писательницы В. Желиховской «Человек с приклеенной головой» (1891), в котором умелец-хирург доктор Себаллос тоже оживлял — отметим, крайне вульгарно — погибшего... Впрочем, мотив «живой головы» в русской литературе можно было бы выводить еще из «Руслана и Людмилы»: ведь именно с нею сталкивает Пушкин своего героя.

Но ясно, что натолкнули Беляева на мысль о первом его фантастическом рассказе, переросшем впоследствии в широко известный роман, конечно же, не только и не столько литературные ассоциации, сколько прежде всего обстоятельства собственной жизни.

«Голова профессора Доуэля», — писал он в одной из

своих статей,— произведение в значительной степени автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «голова без тела», которого я совершенно не чувствовал... Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытывать «голова без тела».

Отсюда-то оно и идет — то жгучее впечатление достоверности происходящего, с каким читается «Голова профессора Доуэля». Разработка этого сюжета, ставшего под пером А. Беляева неизмеримо глубже и значительней всех предшествующих литературных вариаций, явилась для писателя своеобразным вызовом собственной болезни, физической беспомощности, которую с лихвой перекрывало неукротимое мужество духа.

А болезнь не ушла, побеждена она лишь временно и еще часто будет возвращаться к писателю, на долгие месяцы приковывая его к постели...

Но не только физические преграды вставали на его пути.

Советская литература делала свои первые шаги, и в литературной критике нередко проявлялась резкая субъективность суждений. Находились люди, в корне отрицавшие фантастику. «Бессмысленные мечтания» видели они в ней, «пустое развлекательство», и только. Ненаучную, вредную маниловщину.

Те же, кто все-таки признавал за фантастикой право на существование, слишком крепко привязывали ее к «нуждам сегодняшнего дня». В ходу была формула, гласившая, что «советская фантастика — изображение возможного будущего, обоснованного настоящим». Собственно, сама по себе эта формула не вызывала тогда особых возражений, но у многих критиков она

превратилась в некое всемогущее заклинание, с помощью которого мечте подрезались крылья и горизонты ее ограничивались ближайшими пятью — десятью годами.

«Фантастика должна **только** развивать фантастические достижения науки», — писал, например, в журнале «Сибирские огни» критик А. Михалковский.

Я добросовестнейшим образом пролистал множество комплектов газет и журнальных подшивок двадцатых — тридцатых годов. И почти не обнаружил статей, проникнутых хоть малой долей симпатии к творчеству А. Беляева — едва ли не единственного писателя в предвоенной нашей литературе, столь преданно и целеустремленно посвятившего себя разработке трудного жанра.

«Шила в мешке не утаишь, и в каком бы «взрослом» издательстве ни вышел новый роман А. Беляева, он прежде всего попадет в руки детей», — с откровенным беспокойством начинает критик М. Мейерович рецензию на «Человека, нашедшего свое лицо». И далее отказывает этому роману даже... в «минимуме убедительности».

Другой критик, А. Ивич, рецензию на тот же роман заканчивает снисходительным похлопыванием по плечу: мол, у него (это у 56-летнего больного писателя, автора уже шестнадцати романов!) лучшие произведения — «впереди»...

Даже и сейчас, сорок лет спустя, становится до боли обидно за писателя, к подвижническому труду которого с таким непониманием относились при его жизни. Становится особо ощутимой та горечь, с которой он, по воспоминаниям близких ему людей, «чувствовал себя забытым писателем, забытым коллегами, непонятым критиками». Становится, наконец, просто страшно, когда узнаешь, что пожилой, скованный гуттаперчевым ортопедическим корсетом, человек этот в 1932 году

поехал работать в Мурманск — плавать на рыболовном траулере. Не потому, что требовалось пополнить запас жизненных впечатлений. Нет. Просто зарабатывать на хлеб...

Но в одном критик предпоследней книги фантаста оказался прав: впереди у Беляева был «Ариэль» — действительно превосходный роман!

Эта книга — восторженный гимн человеку. Всю свою тоску и боль, всю свою жажду жизни вложил писатель в роман о юноше Ариэле, взлетевшем навстречу солнцу, свету, счастью — без крыльев, без каких бы то ни было миниатюрных моторчиков, «без ничего»! «Всего-навсего» управляя движением молекул собственного тела...

Сегодня уже редко услышишь, чтобы кто-то, рассуждая об Икhtiандре, непременно оговаривался, что, дескать, реальное решение задачи даст не биология, а техника; не люди-амфибии, а люди, вооруженные специальными аппаратами, освоят неизведанные глубины. Техника техникой, но поистине фантастические достижения биологов дают основание верить в возможность совсем иных решений, близких к мечте Беляева. Так, может быть, и говоря об Ариэле, мы со временем перестанем подменять великолепную беляевскую мечту о свободном парении в воздухе стыдливой оговоркой о том, что вот, «может быть, удастся снабдить человека столь совершенными крыльями, что он с их помощью овладеет искусством свободного полета...»?! Ведь мечта-то была не о крыльях, даже и самых-самых новейших, а именно о полете «без ничего»!

Большой это дар — видеть «то, что временем сокрыто». Александр Беляев в совершенстве владел этим даром. И он не растерял его, не растратил на полпути: сберечь этот редкий дар помогла ему безграничная читательская любовь к его книгам.

Критики в один голос обвиняли «Человека-амфи-

бию» в научной и художественной несостоятельности. А роман этот, опубликованный в 1928 году журналом «Вокруг света», в читательской анкете был признан лучшим произведением за пять лет работы журнала... В том же 1928 году он вышел отдельной книгой. И тут же был дважды переиздан,— настолько велик был спрос на эту книгу!

В печатных выступлениях доказывалась ненаучность «Головы профессора Доуэля». А юная читательница из Курска писала — пусть наивно, но очень искренне: «Прочитав такой роман, я сама решила учиться на врача, чтобы делать открытия, которых не знают профессора мира...»

И ведь уже тогда, в предвоенные годы, не только рядовые читатели восторженно отзывались о книгах Беляева. Высокий гость — знаменитый Герберт Уэллс! — говорил в 1934 году на встрече с группой ленинградских ученых и литераторов (среди них был и А. Беляев): «...я с огромным удовольствием, господин Беляев, прочитал Ваши чудесные романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия». О! они весьма выгодно отличаются от западных книг. Я даже немного завидую их успеху...»

К слову сказать, среди читателей Беляева был в студенческие годы и известный наш хирург В. П. Демихов. Тот самый доктор, который, словно беляевский Сальватор, подсаживал собакам вторые головы (и они жили, эти вторые, и даже покусывали за ухо тех, к кому были «подселены»...), приживлял им второе сердце (и одна из собак умерла лишь на тридцать третьи сутки, это было в 1956 году — за добрый десяток лет до сенсационных экспериментов Кристиана Барнарда), а в 1960 году выпустил монографию «Пересадка жизненно важных органов в эксперименте», проиллюстрированную совершенно фантастическими фотографиями, на одной из которых лакали молоко две головы одной

дворняги. И в том же 1960-м в лаборатории Демихова, набираясь опыта, ассистировал молодой еще хирург из Кейптауна Кристиан Барнард...

...Такая вот прослеживается интересная взаимосвязь. Книги фантаста, разрушая неизбежную инерцию мышления, растормаживают воображение — играют роль того неприметного подчас первотолчка, каковым для самого фантаста оказывались порою произведения его коллег по жанру. И — свершаются удивительнейшие эксперименты, о которых долго-долго шумит охочая до сенсаций пресса... А сами эти эксперименты, в чем-то подтвердив несбыточный, казалось бы, прогноз фантаста, рождают новый интерес к его книгам, обеспечивают им вторую, новую жизнь.

Книги Беляева действительно будили интерес к науке, учили добру и мужеству, заражали всепоглощающей жаждой познания. Это-то их качество и находило живейший отклик в сердцах читателей.

Впрочем, почему «находило»?

В миллионах экземпляров изданы сегодня эти книги.

Пройдет еще несколько лет — и в марте 1984 года мы отметим столетие со дня рождения писателя.

К тому времени — очень хочется верить! — появятся серьезные работы, посвященные его жизни и его книгам. Вероятно, уже выйдет к тому времени и новое — в пяти томах — собрание его сочинений. И вероятно, уже не только скромной мемориальной доской («В этом доме с 1938 года по 1942 год жил писатель-фантаст Александр Романович Беляев») на доме № 19 по улице 1 Мая в городе Пушкине, что под Ленинградом, будет к тому времени отмечен путь писателя на нашей земле.

Ведь имя Александра Беляева, одного из первопродводцев советской фантастики, заняло прочное и заслуженное место в истории нашей литературы.

Придумана Платоном!

« — Послушайте, ну а «Атлантида»..? »

— Четыреста девяносто девять, сэ! Четыреста девяносто семь авторов четыреста девяносто девять раз писали об этом. Один из них трижды...»

Эту цитату мы взяли из рассказа Александра Шалимова «Брефанид» (1972). Однако названная фантастом цифра (она нужна в рассказе, чтобы посмеяться над мнимой «отработанностью» темы) не так уж и велика. Имей мы время и возможность пропустить сквозь сеть поиска все запасы мировой фантастики, мы, вероятно, уже и сегодня значительно превысили бы эту цифру...

Да, об Атлантиде писали многие. Писали по-разному, предлагая разные — то один, то другой — варианты ее происхождения, былого месторасположения и гибели, для разных целей используя популярную эту тему.

В заметках о «лжеиностранцах» шла у нас речь о романе «француза» Ренэ Каду «Атлантида под водой» (1927). По сведениям этого автора, Атлантида погибла много позже традиционно отводимых ей сроков — лишь в 1914 году, когда окончательно прохудились искусно возведенные купола, дававшие приют на океанском дне постепенно вырождавшимся потомкам мудрых атлантов...

От них же, древних атлантов, успевших покинуть гибнущую родину, выводят свою родословную элитарные слои марсианского общества в «Аэлите» Алексея Толстого (1923): в двадцатые годы еще не было повода сомневаться в обитаемости Марса. Этот повод (многократно выросшее знание ближнего космоса) появился значительно позднее — с запуском спутников и автоматических межпланетных станций. Но уж зато, появившись, тотчас до неузнаваемости трансформировал старый сюжет: уже не атланты отныне осваивали иные миры, а совсем наоборот — пришельцы-инопланетяне создавали на древней Земле могущественную колонию, широко распространявшую свои владения. Так обстоит дело, например, в рассказе А. Шалимова «Возвращение последнего атланта (Музей Атлантиды)» (1961), где материк, заселенный выходцами с далекой планеты Ассор, гибнет в результате не до конца про-

думанных работ по растоплению северных льдов. Впрочем, мы несколько забежали во времени, давайте-ка вернемся в двадцатые и более ранние годы...

Атлантиде посвятил один из первых своих романов («Последний человек из Атлантиды», 1926) и А. Беляев. Не только природные, но и убедительно изображенные писателем социальные катаклизмы были причиной гибели легендарной цивилизации в этом романе.

О том же, в сущности, говорило и еще одно произведение, на котором есть смысл остановиться чуть подробнее.

Атлантиде угрожает гибель... Чтобы умиротворить наступающее море, жрецы храма Панхимеры готовят в жертву богам юношу Леида. В течение года он будет теперь пользоваться божескими почестями...

Что ж, Леид согласен стать искупительной жертвой. Он надеется, что привилегированное — пусть и кратковременно — положение поможет ему осуществить тайную его цель. «Есть далеко отсюда, далеко от наших скал, за вспененным полем океана новая земля», — убеждает Леид соотечественников и призывает их спешно строить корабли, чтобы плыть на север, «туда, где нет кровавых богов». Но жрецы, безраздельно управляющие страной, устами богини по-своему истолковывают призывы обреченного: «Имя этой страны благословенной — раскаяние и смирение. Раскайся же, народ мой избранный, и не будет смерти, но вернется жизнь и осветится долгий и темный путь в страну спасения. И расцветет жизнь в очищенных сердцах. Ждут тебя корабли последнего спасения — слезы и вопли раскаяния. Смирись же, смирись, о, народ мой!..»

Леид в конце концов гибнет, ему так и не удалось поднять народ на борьбу с судьбой. Гибнет и Атлантида, а вместе с нею и жрецы, и невежественная толпа, во всем следовавшая за ними. Но... «На горизонте белые паруса уходящих кораблей», — это лучшие из атлантов, поверившие Леиду, тайком выстроив корабли, отправляются на север искать лучшей доли...

Пьеса, сюжет которой здесь пересказан, так и называется —

«Атлантида». Появилась она в 1913 году на страницах очередного выпуска альманаха петербургского издательства «Шиповник». Вспомнили же мы о ней и потому, в частности, что автором этого романтического произведения была... юная Лариса Рейснер. В очень близком будущем — женщина-комиссар, прошедшая с моряками весь путь Волжской флотилии в гражданскую войну, талантливейший советский журналист. Но все это было в будущем: в год выхода «Атлантиды» ее автору только-только исполнилось восемнадцать...

В послевоенной нашей фантастике одним из наиболее любопытных произведений об Атлантиде несомненно следует признать рассказ Валентины Журавлевой «Человек, создавший Атлантиду».

Героиня рассказа работает над фантастическим романом о затонувшем острове. Она придерживается точки зрения А. С. Норова — русского ученого, человека яркой и беспокойной судьбы (в семнадцать лет он, к примеру, участвовал в Бородинской битве, где лишился ноги). В 1854 году Норов первым высказал мысль о том, что легендарная «Атлантия» расположена была не за Гибралтаром (где ее по традиции и сейчас еще помещают фантасты), а в восточной части Средиземного моря.

Героиня В. Журавлевой ищет и находит доводы, свидетельствующие в пользу гипотезы Норова и его сторонников.

Если верить Платону, атланты собирались завоевать Грецию и Египет. Для островной державы, расположенной в восточной части Средиземноморья, обе эти страны — соседи, и потому такая война была вполне возможна. Если же Атлантида находилась за Геракловыми столбами, трудно допустить, чтобы эту войну атланты начали, не завоевав предварительно Испанию, Италию, северо-западное побережье Африки. Но в таком случае, полагает героиня рассказа, гибель метрополии еще не означала бы гибели государства атлантов в целом! Если бы, например, Македония погибла в то время, когда Александр Македонский дошел до границ Индии, — уничтожило бы это созданную им империю? Разумеется, нет. Но точно так же не могло исчезнуть бесследно государство атлантов, пройди его воины от Гибралтара до Греции. Логичнее потому

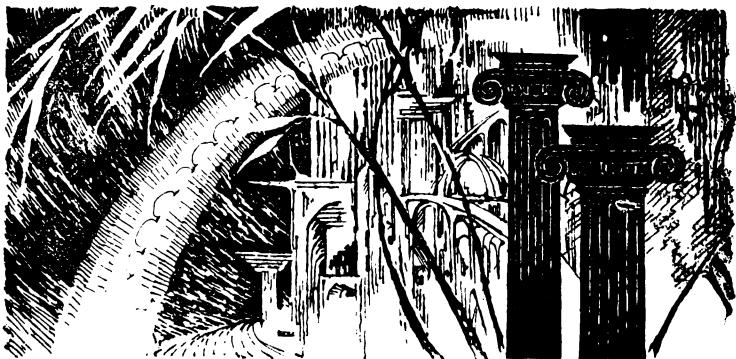
предположить, что Атлантида была сравнительно небольшим островом, близким к берегам Греции и Египта...

Многие современные атлантологи утверждают, что под легендарной Атлантидой следует понимать Санторин — затонувший в большей своей части архипелаг в Эгейском море. Что ж, отдадим должное прозорливости В. Журавлевой, тогда еще совсем молодой писательницы, чей рассказ был опубликован в 1959 году...

Однако это не все. Валентина Журавлева идет дальше: истинный герой ее рассказа, Завитаев, вообще склонен полагать, что Атлантида — миф, придуманный Платоном.

Сторонники атлантической гипотезы ссылаются на то, что описанная Платоном столица атлантов похожа на Теночтитлан ацтеков. Отсюда делается вывод, что ацтеки копировали атлантов. Сторонники же Норова считают, что Атлантида как две капли воды похожа на Кносс — раскопанную археологами столицу критского царя Миноса. Кто же прав? И те и другие, — отвечает Завитаев. В этом вся суть: описанная Платоном Атлантида похожа на **любой** город той эпохи. У каждого реального города есть свои неповторимые черты. У Атлантиды их — нет. И это, считает Завитаев, ярче всего свидетельствует о мифическом характере описанной Платоном державы...

Искать этот мифический город бесполезно. Но... «Его можно **создать!**» — заявляет Завитаев. И действительно создает Атлантиду. Искусственный остров, рожденный в клубах пара, дыма, пепла искусственно вызванным подводным извержением...

«Жить же нам на Земле...»

Ивана Антоновича Ефремова едва ли нужно представлять любой — пусть самой широкой — аудитории. Его книги хорошо известны и тем, кто любит остросюжетные, овеянные дымкой романтики рассказы о морях и геологах, и тем, чье увлечение — через страницы исторических романов и повестей проникать в прошлое человечества, и, наконец, тем, для кого желанный собеседник в неисчерпаемом океане книг — научная фантастика. А поскольку все, что писал Ефремов, отличается исключительной свежестью материала, dokonальнойшим проникновением в детали и поистине завидной художественной добротностью, — книги его не просто известны, они любимы, относятся к избранным, к тем, которые нет-нет да и вновь перелистываешь, восстанавливая в памяти взволновавшие когда-то страницы...

Обо всем том, что предшествует интервью, журналисты обычно умалчивают. Вопрос — ответ, вопрос —

ответ,— такова устоявшаяся схема журнально-газетных бесед с известным человеком.

По некоторым причинам мне, однако, хочется отступить от канона.

«Подготовительная сторона» этой встречи началась для меня... в конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда попала в мои мальчишеские руки основательно потрепанная, без обложки, книжка «Белый Рог» И. А. Ефремова. На фамилию автора я поначалу внимания не обратил, но зато залпом проглотил содержимое.

...Геолог, поверивший древнему преданию и на вершине отвесного пика обнаруживший легендарный золотой меч. Алмазы, скрытые в недрах Восточной Сибири, точно где-нибудь в Южной Африке. (Кто мог тогда догадаться, что совсем скоро это пророчество станет явью?!) Таинственные развалины средневековой обсерватории где-то в Каракумах. Гигантский динозавр, «оживший» перед палеонтологами в закрытой со всех сторон долине...

Все это было для меня, пожалуй, поинтереснее Жюль Верна и Стивенсона, Майн Рида и Купера. Ведь, что ни говори, капитан Немо и Робинзон Крузо, Натти Бумпо и одноногий Сильвер — все они были затеряны в самом безнадежном прошлом; в них можно было играть, но верить, что они где-то рядом, явно не имело смысла. А тут, у Ефремова,— наши дни, мои (правда, взрослые, но какое это могло иметь значение?) современники... И оказывается, такая бездна тайн и загадок в окружающем меня мире!

«Я уверен, сильно ошибаются те, кто полагают, что романтике не будет места на нашей планете, измеренной вдоль и поперек. Огромный, бесконечно просторный мир творческого исследования окружает нас. Стоит лишь заглянуть в него, чтобы убедиться, как смешны рассуждения о скуке жизни...»

Это сейчас я вынужден был заглянуть в книгу, чтобы

процитировать авторское посвящение к сборнику «Белый Рог», долгое время я помнил его наизусть — таким откровением предстало оно двенадцатилетнему мальчишке.

Позднее разыскал я и «Пять румбов», и «Звездные корабли», и «На краю Ойкумены», и случайно набрел в книжном киоске на маленькую книжицу в твердом переплете — первое издание «Путешествия Баурджеда». Уже «знатоком», перечитав к тому времени массу фантастики, встретил я «Туманность Андромеды» — величественная и грандиозная панорама грядущего, она становилась естественной вехой в нашей фантастике; казалось немыслимым после нее писать и читать скучную «фантастику ближнего прицела» — рассказы о шоферах-роботах или миниатюрных радио- и телепередатчиках.

И вот...

Наконец, решившись, заказываю Москву.

В ожидании звонка мысленно репетирую: «Иван Антонович, «Уральскому следопыту» хотелось бы взять у вас интервью. А поскольку у меня командировка в Ленинград и еду я через Москву — я мог бы...»

— ...А, следопыты?! Как же — знаю, знаю... — звучит в трубке искаженный помехами голос.

Мне чудятся в нем отзвуки добродушного стариковского брюзжания, и я уже, с некоторой опаской, рисую в уме предполагаемый внешний облик маститого нашего фантаста. Шестьдесят пять исполнилось ему — возраст, кажущийся мне, мягко говоря, солидным. И в портрете, который я пытаюсь воссоздать по виденным фотографиям и этому голосу, увы, очень мало от того неутомимого путешественника-искателя, каким рисовался мне прежде автор захватывающих, известных всему миру книг. Но тем самым я, пока совершенно того не подозревая, готовлю себе весьма и весьма приятное удивление...

Вопрос — ответ, вопрос — ответ... О чем же спросить Ивана Антоновича? Как уместить в десяток вопросов весь свой интерес к писателю и его творчеству?

Старательно просматриваю пухлое «досье» — папку с вырезками, где собраны многочисленные беседы журналистов с Ефремовым, его ответы на всевозможные журнально-газетные анкеты.

Каждая из вырезок что-то несет в себе. Я узнаю, например, что Иван Антонович находит изъяны в той реформе русской орфографии, которая была предпринята в 1918 году: исчезают — а отчасти уже исчезли — некоторые оттенки в звучании русских слов... Узнаю, каким оригинальным способом — выстригая из журналов фотографии красавиц и комбинируя их — «конструирует» писатель внешний облик своих героинь... Узнаю, что, в отличие от большинства собратьев-фантастов, он предсказывает долгое и завидное будущее железнодорожному транспорту. Правда, транспорту с куда большей, нежели сегодня, шириной колеи и поистине «корабельным» объемом вагонов!.. Узнаю, что фантаст Ефремов отрицательно относится к идее индивидуального физического бессмертия человека, что столь же отрицательно оценивает писатель существующую у нас систему «специальных» школ. Узнаю и еще многое, очень многое; и постепенно и у меня самого набирается десятка полтора вопросов такого вот узкопрактического плана.

На всякий случай провожу перед отъездом маленький «референдум» среди своих знакомцев, любителей фантастики. В результате заносу в записную книжку еще одну серию самых разномастных вопросов.

А потом, уже в Москве, «процеживаю» заготовленное... «Процеживаю» — при деятельной помощи старого товарища, московского журналиста, которому предложил пойти вместе со мной к Ивану Антоновичу. (Честно говоря, побоялся, что, не имея навыков интервьюера, не смогу записать все нужное. А диктофон

звучной марки «Дон», о получении которого для редакции два месяца перед этим хлопотал и который все же «выбил» — буквально за день до командировки, — увы, оказался типично кабинетным аппаратом, но уж никак не грезившейся мне портативной «коробочкой», которую легко унести в портфеле...)

Остается лишь полчаса до назначенного Ефремовым срока, когда, отметя все мелкое, незначительное, случайное, мы извлекаем, наконец, из пишущей машинки листок с «основополагающими» вопросами.

Спешим к метро, спешим на метро, спешим от метро... Останавливаемся в подъезде нужного нам дома на улице Губкина, — чтобы отдышаться, поправить галстуки и вообще придать себе вид, полностью соответствующий нашим представлениям об интервьюерах.

Ровно в шесть мы у дверей квартиры на втором этаже.

Открывает нам сам Иван Антонович, и я обрадованно вздыхаю: вдребезги разлетается сложившийся в моей голове облик «маститого старика»!

Крупные черты лица. Большие — временами кажущиеся огромными — голубые глаза. И весь он — очень большой, широкоплечий, могучий, именно могучий, как-то и не приходит на ум другое слово, когда вот так, вблизи, смотришь на него. Такой, каким единственно и должен был быть, по давнему моему разумению, автор написанных им книг. В довершение ко всему — приятный и сильный, с басовыми нотками голос, в котором тоже ничего стариковского; вот и верь после этого телефонной трубке...

По-настоящему знакомимся мы в кабинете, где кажутся огромными — под стать хозяину — стеллажи с книгами вдоль одной из стен.

Говорю несколько слов об «Уральском следопыте» — журнале, в котором работаю. О фантастике в нем, о готовящихся публикациях. Среди них упоминаю

статью о знаменитом Эдгаре Берроузе — авторе «Тарзана» и многочисленных космических романов. Выясняется, что Ефремов на языке оригинала читал марсианский цикл Берроуза; у нас завязывается оживленный разговор о книгах и героях американского фантаста. («Интересный был писатель,— подытоживает Иван Антонович и предостерегает: — Но и написать о нем надо интересно...») С Берроуза мы переключаемся на Хаггарда, с Хаггарда — на...

Но старая фантастико-приключенческая литература неисчерпаема, говорить о ней оба мы можем, по-видимому, бесконечно: Иван Антонович — потому, что немало перечитал таких книг в юности, я — потому, что с некоторых пор всерьез занялся собиранием старой фантастики... А товарищ мой уже посматривает на часы. Время летит быстро,— так понимаю я деликатный его жест,— пора и переходить к делу, с которым пришли. Что ж, дело есть дело...

— Иван Антонович, читателей всегда интересует, как писатель становится писателем? По отношению к вам этот вопрос вдвойне интересен. Что заставило вас — зрелого, сложившегося ученого, человека, уже нашедшего, казалось бы, свою тропу в жизни, начать все сначала в качестве литератора?

— Причиной тому два обстоятельства. Прежде всего, неудовлетворенность системой доказательств, которыми может оперировать ученый.

Планы и замыслы любого ученого, как, впрочем, и всякого другого человека, необычайно широки. А исполняются они, я думаю, в лучшем случае процентов на тридцать. Вот и получается: с одной стороны всевозможные придумки, фантазии, гипотезы, обуревающие ученого, а с другой — бессилие добыть для них строго научные доказательства. Добыть на данном этапе, при жизни... И ясное сознание этого бессилия.

А в форме фантастического рассказа я — хозяин. Никто не спросит: где вычисления, опыт? что взвешено, измерено?

Никто не спросит... Я вспоминаю любопытный факт из биографии Ефремова. В 1929 году он написал статью, в которой обосновывал возможность взятия с океанского дна образцов коренных пород. Отослал ее в солидный немецкий журнал «Геологише Рундшау». Через некоторое время рукопись вернули с рецензией профессора Отто Пратье, крупнейшего в те годы специалиста по морской геологии. Этот последний заявлял, что дно океанов наглухо закрыто рыхлыми осадками и потому предложенные автором статьи исследования — ненаучный вздор. Между тем сегодня подобные исследования — самое будничное дело...

...— Второе обстоятельство — неудовлетворенность окружающим миром. Она, замечу, свойственна каждому человеку: полностью могут быть довольны лишь животные, да и то далеко не всегда.

Писатель, как и ученый, мечтает о лучшем, о гораздо лучшем. Но тяжелый воз истории катится своими темпами к далеким горизонтам, и темпы эти не упрекнешь в излишней поспешности... А живем-то мы — сейчас!

Отталкиваясь от несовершенств существующего мира, всякий человек пытается так или иначе улучшить жизнь. Один разобьет цветник, другой может спеть — споет. Ну, а если у третьего хорошо работает фантазия, развито воображение? Что ж, он попытается создать свой мир — явления, которые хотел бы видеть состоявшимися, достижения, не осуществимые в пределах биографии современников. Словом, мир — для себя, мир — в себе.

Но существующий в вас мир, мир только для вас —

это неживой мир. Он — открытие ваше, изобретение, создание, но он — мертв. И как при всяком открытии — музыкальном, научном, любом другом, — естественно желание рассказать об открытом вами мире, сделать его явным для других.

Так вот и рождается писательская потенция.

Я начал с рассказов о необыкновенном — романтических рассказов о необыкновенных явлениях природы. Почему я обратился к приключенческому жанру? Да потому, что категорически не согласен с теми, кто склонен считать приключенческие книги литературой второго сорта. Герои таких книг всегда сильные, смелые, положительные, неутомимые; под их влиянием читателю и самому хочется сделать что-то в жизни, искать и найти... Убежден: будь у нас изобилие таких книг — меньше было бы поводов для появления в нашей «большой» литературе унылых произведений с пассивными, страдающими «героями» — растерянными хлюпиками, злобными эгоистами. Но хороших приключенческих книг у нас до сих пор до обидного мало, еще обиднее — недостаточное внимание к ним... Ну, а в те годы, когда я писал первые свои вещи, приключенческих книг, можно сказать, не было совсем...

Первые рассказы Иван Антонович задумал в 1942 году, находясь в больнице, — на Урале, в Свердловске. Очередной приступ лихорадки, «заработанной» в одной из среднеазиатских экспедиций, надолго оторвал его от научных занятий, высвободив тем самым время для «легкомысленного» литературного творчества. В том же 1942-м семь из задуманных рассказов были написаны... А литературе нашей в те суровые годы действительно было не до каких-то там «приключений». Смешно вспоминать сейчас, но и превосходным ефремовским рассказам нет-нет да и предьявлялся упрек в «ложной занимательности»...

— Поскольку разговор у нас коснулся романтики, как вы, Иван Антонович, понимаете это слово?

— Романтика? Это более серьезное, более вдумчивое, чем обычно, отношение к жизни. Романтик ценит жизненные явления больше, чем кто-либо другой. Его волнуют, поражают отблески заката на воде, девичьи глаза, чья-то походка, смех ребенка... Романтик, как и настоящий художник,— собиратель красоты в жизни, а это порождает ощущение величайшей ценности **каждого** мгновения, его абсолютной, неизбывной неповторимости. И я всерьез полагаю, что для того, чтобы писать настоящую фантастику, надо родиться романтиком...

Ефремовское определение романтики возвращает слову давний его смысл, о котором мы нередко забываем. Слишком расхожим стало это слово в последние годы: им ныне нарекают и кафе, и магнитофоны, и многое иное, никакого отношения к **взглядам на жизнь, к мировоззрению** не имеющее. А ведь именно собирателя красоты чтим мы в нашем романтике А. Грине...

— Почти одновременно с «Рассказами о необыкновенном» вы обратились к произведениям на исторические темы. Если в ваших научно-фантастических рассказах нашли отражение гипотезы и предположения ученого-геолога, то «На краю Ойкумены» и «Путешествие Баурджеда» были, очевидно, продиктованы давним вашим увлечением историей?

— Да, я люблю историю. Впрочем, я не разграничиваю так строго фантастику и исторические произведения: эти последние — та же научная фантастика, только обращенная в прошлое, диаметрально противоположная фантастике, оперирующей с будущим. Ведь у фантастики в литературе — два лика: ретроспективное воссоздание облика людей внутри известного историче-

ского процесса и становление людей в неизвестном нам процессе. А если провести параллель с трехфазным током, то «нулевая фаза», без которой ток «не работает», — это литература о современности, едва ли не самая трудная отрасль литературы, ибо здесь сопрягаются обе задачи...

В сороковых годах в нашей литературе бросалось в глаза почти полное отсутствие исторических книг, особенно об античном мире. Чтобы как-то исправить положение, я и написал названные вами книги.

Иван Антонович, мне кажется, несколько утрирует: и романтические свои рассказы, и исторические повести создавал он, конечно же, вовсе не просто потому, что вещей подобного рода вдруг оказывалась нехватка в советской литературе. В каждый рассказ, в каждую повесть Ефремова вложена частичка его души, сокровенные размышления о человеке, о его духовном богатстве, о его месте и роли в окружающем мире. Ну а если произведения Ефремова всегда оказывались до злободневности современными, так это «просто» сказывался всякий раз талант художника-новатора, чутко реагирующего на запросы жизни, отвечающего именно на те вопросы, которые она, жизнь, выдвигает. Так, кстати, было и с «Туманностью Андромеды»; не случайно в сознании многих читателей живет сегодня именно «ефремовское» видение будущего и человека этого будущего, как не случайно и то, что емкий и выразительный термин «Великое Кольцо», придуманный и обоснованный писателем, вскоре же перекочевал и в специальную, сугубо научную литературу...

— По сравнению со «Звездными кораблями», вашей первой космической повестью, роман «Туманность Андромеды» — это смелый, во многом неожиданный рывок в неизведанное. Что натолкнуло вас на поиски той

концепции человека будущего, которая и предопределила успех романа?

— Видите ли, знакомясь в подлинниках с книгами американских и других зарубежных фантастов, я не раз бывал поражен размахом фантазии, писательской выдумкой. Чего только там не было!.. А не было «пустяка» — человека. Обыкновенные люди, люди капиталистического сегодня попадали в необычные условия, подчас талантливо и весьма талантливо сочиненные.

Я всегда любил настоящих героев и героинь. Но, заметьте, не сверхгероев, конечно...

Иван Антонович чуть заметно улыбается при этом, улыбаюсь и я. Последняя реплика явно относится к нашему разговору о Берроузе — к пламенной «принцессе Марса» Дее Торис, к неустрашимому капитану из Виргинии...

...— Стал размышлять, какими же они, эти герои, должны быть, чтобы совершать удивительные для нас дела. В книгах западных фантастов была заведомая неправда: герои не были приспособлены к будущему. Это невозможно. Высота уровня общества определяется уровнем составляющих его элементов.

Еще и сегодня даже наши фантасты — о писателях англо-американской школы и говорить не приходится! — нет-нет да и «очеловечивают» изображаемое ими будущее, механически перенося нашего современника в мир завтрашнего дня. Ко времени написания первого своего романа я уже был убежден, что подобная тенденция — в корне неверна. Люди невероятно далекого будущего во многом и многом должны отличаться от нас. У них совершенно другие, часто труднопредставимые и вовсе не представимые для нас интересы. Их совершенно не интересует то, что волнует нас, и интересуют вещи, нам попросту не ведомые...

Мне пришлось прилагать поистине нечеловеческие усилия, чтобы очеловечить своих героев; это оказалось невероятно тяжелой задачей.

Хорошая физическая основа. Тщательность воспитания — чтобы быть в состоянии хорошо, много, чисто работать...

Самообслуживание. Человек будущего — это хозяин своего дела, своего дома. Это люди, умеющие все делать. Сейчас пока идет обратный процесс; наш брат, горожанин, во всем зависящий от «специалистов» — сантехников, электриков и т. п., — очень немногое может сделать сам...

И разумеется, люди будущего — это люди науки или искусства, или же того и другого. Процент занимающихся наукой повысился уже в те годы, когда я писал свой роман...

Так — от признака к признаку — складывался для меня облик людей грядущего. Людей, которым по плечу такие дела, как исследование глубин земли и путь к звездам. Людей, нервы и организм которых не подведут, выдержат любое испытание...

Когда появилась «Туманность Андромеды», многое в этой истинно энциклопедической книге о будущем оказалось внове для читателей, многое вызвало — да и сейчас нередко вызывает — самые ожесточенные споры. Достаточно вспомнить, с каким упорством кое-кто из критиков обвинял писателя чуть ли не в проповеди технократического режима: им, этим критикам, казалось подозрительным полное отсутствие в ефремовском мире будущего людей, занятых непосредственным физическим трудом...

Думается мне, что много раньше тех сроков, какие мог предполагать Ефремов в процессе создания книги, проявится в нашей жизни и другая намеченная им тенденция — стремление к самообслуживанию. Слушая

Ивана Антоновича, я невольно улыбнулся, вспомнив о «мечте новосела», приобретенной накануне в знаменитом московском универмаге «1000 мелочей». Три-четыре десятка пластмассовых пробок, шурупы к ним и хитрый пробойник — мощное приспособление для «развески штор, полок, зеркал, вешалок и т. п.» в современных квартирах, в бетонные стены которых не так-то просто вогнать обыкновенный гвоздь. Если даже я — законченный «книжный червь», как не без оснований полагают в моей семье,— с вожделием спрятал в портфель такую эту мелочь, значит, тенденция, о которой я говорю, вполне-вполне созрела...

— «Туманность Андромеды» сразу обозначила контуры ваших представлений о том, каким **может** стать человек. А последовавшие за нею романы — это своего рода наведение мостов между настоящим и будущим человека, не так ли?

— Да. Вдогонку, по следам «Туманности Андромеды», я написал небольшую повесть «Сердце Змеи». Написал потому, что в романе не было главного — непосредственного, физического контакта космических цивилизаций. Контакта — дружеского и, я бы сказал, принципиально обратного обычному для западной фантастики военному столкновению миров...

Но оставался еще путь к этому контакту. Путь в мир будущего.

В «Туманности Андромеды» лишь упоминаются «Темные века». Человечество Земли уже начало свой путь в мир будущего — в мир коммунизма. Но путь этот не прост и не гладок, множество самых серьезных препятствий встретится еще на этом пути... «Темные века» — это мутная волна фашизма, мы с вами — свидетели этого отвратительного явления. И, как свидетели, можем ли мы быть безучастны к этому? Здесь не может быть двух ответов, ведь вопрос стоит только так: или будет

мир, который я попытался изобразить в «Туманности Андромеды»,— или не будет ничего.

Посмотрите на историю. Что определяло падение государств, цивилизаций? Геологические катастрофы? Да, но в исключительно редких случаях. Так было с Атлантидой — под нею, вероятно, нужно понимать Крит.

Обычно же существует крепкая цивилизация: эллинская, вавилонская, ассирийская... И вдруг являются завоеватели, стирают ее с лица земли. Ученых посылают бить камни, поэтов привязывают к водовозным бочкам...

Но почему же эллинов или вавилонян не разбивали раньше, ведь завоеватели всегда были и пытались сделать это? Помимо весьма важных экономических обстоятельств, была, очевидно, высока моральная стойкость — необходимая элементарная вера в свою страну, в ее будущее, любовь к земле, к прекрасному, созданному цивилизацией. А отсюда — желание во что бы то ни стало защитить ее, мужество в обороне.

Однако шло время, и неотвратно наступал момент, когда — в силу самых разнообразных причин, определяющих крепость государства,— в обществе резко падала мораль, единое целое превращалось в механическую совокупность единиц. И рушились царства и империи, рушились республики, и ничто уже не могло устоять перед ордами завоевателей, еще за пятьдесят — сто лет до того бессильных что-либо сделать. Моральный износ цивилизации жестоко мстил за себя...

Сейчас европейская цивилизация (я имею в виду капиталистический Запад) на поворотном пункте.

Долгое время моральные основы общественного поведения воплощала в себе религия, унаследовавшая их из древности, из тысячелетиями передававшихся от поколения к поколению элементарных «отцовских заветов» — вроде «не убий», «не укради» и т. п. Человек жил с оглядкой на прошлое и с верой в будущее (а не

в будущее, так в загробный мир, место в котором еще надо было заслужить своим поведением в мире земном, бrenном), чувствовал себя звеном между прошлым и будущим,— это и обеспечивало минимальную моральную стойкость подавляющего большинства единиц несправедного в целом общества. Но сегодня религия на Западе — уходит, падает, так как не в состоянии удовлетворить человека научно мыслящего.

Религия падает, но где мораль? Новая, на научных основах созданная мораль, где она? Ее в современном капиталистическом обществе нет. Человеку XX века нужна мораль на основе науки о социологической необходимости, вытекающей из законов общественной жизни. Ведь эти законы действуют с четкостью законов природы: так — можно, а иначе — нельзя, иначе нарушающий будет беспощадно, почти автоматически выброшен из общества...

Но те, кто стоят у власти в западном мире, и не заинтересованы в создании морали на основе науки, и бессильны создать ее. Моральные категории все более ветшают; мещанская потребительская мораль, насаждаемая капитализмом, бескрыла и бесчеловечна. В обществе все более процветает самое неприкрытое жульничество — вплоть до науки, где нужна абсолютная честность...

Враждебное отношение к науке в целом, к ученым в целом — кажущемуся источнику всех зол. Отхождение пациентов от врачей. Стремление не работать, а — «устроиться». Все большее обесмысливание самой человеческой жизни, человеческой культуры в целом. Нивелировка индивидуальности и, как бессознательный протест против этого, рост бродяжничества (вспомните «хиппи»)...

И все вместе взятое порождает равнодушие к прошлому и будущему, к судьбе грядущих поколений, беззаботное и беспощадное, хищническое отношение к основе всех материальных основ — самой планете, ее при-

родным ресурсам, которые ведь тоже — не неисчерпаемы. Безответственная порча окружающей среды, загрязнение, замусоривание планеты... Даже повальное увлечение космосом имеет на Западе в своей основе глубокий подсознательный эскапизм — стремление спастись, удрать, найти подходящую свежую планету и начать на ней все заново...

Я слушаю Ивана Антоновича и мысленно прикидываю, что могут создать на вновь открытой планете представители общества, лишённого морали? Они и новую планету так же безжалостно замусорят, загадят, приведут в полную негодность, как это и случилось с планетой Торманс...

...— А «Лезвие бритвы» — целиком о Земле, о ее совершенствовании и совершенствовании человека. Выйти в космос чистыми, совершенными, очистив Землю и утвердив себя на ней, но — не спасаясь с нее, не в бегстве, не в поисках того, что не удалось сделать на родной планете.

До звезд еще далеко, очень далеко; жить же нам — на Земле, и ее надо приводить в порядок.

— Иван Антонович последний, сугубо традиционный, вопрос: каковы ваши творческие планы? Вернетесь ли вы к циклу, начатому «Туманностью Андромеды»?

— Продолжать, развивать «Туманность Андромеды» в эпическом виде — скорее всего не буду...

Последний мой роман — «Таис Афинская» — исторический роман из времен Александра Македонского. Времена эти интересны для меня прежде всего тем, что это был переломный момент в человеческой истории. Перед человеком предстал огромный мир, он шагнул в этот мир из маленькой Эллады, и его эллинистическое сознание впервые попыталось охватить вот эту безграничность окружающего... Вместе с тем это роман о кра-

соте, о том, как понимали и чтили ее древние греки, о преемственности в восприятии красоты...

Был задуман мною и еще один роман — тоже исторический; в нем я пытался осмыслить монгольское нашествие, разглядеть корни деспотизма, исследовать эту — тоже переломную — эпоху беспощадно и беспристрастно... Было уже готово и название для этой вещи — «Чаша отравы». В досоциалистическом обществе каждый, воспитываясь, выпивает ее — эту чашу неверных, уродливых представлений, предрассудков, искаженных понятий. Но в последние годы появилось сразу несколько неплохих книг о Руси тех времен, поэтому колеблюсь в своих намерениях — писать или не писать этот роман...

Хотелось бы мне исполнить и давний мой долг — написать о палеонтологии. Та философская «жила», что пронизывает мои романы, берет начало здесь, и я обязан популярно изложить читателю основы моей науки... Процесс эволюции живого все-таки гораздо более сложен и противоречив, чем мы себе обычно представляем. Природа необычайно, непредставимо жестока, она не знает иного приговора, чем смертная казнь неудобным ей; это — игорный дом, действующий на протяжении миллионов и миллионов лет, — вплоть до того момента, когда человек, то высшее, что создано природой, не только осознает себя как общественное существо, но и берет в свои руки власть и над природой, и над социальным процессом...

Мы узнаем от Ивана Антоновича, что в издательстве «Молодая гвардия» готовится собрание его сочинений. Это хорошо, думаю я про себя, ибо знаю, как велик читательский голод на книги Ефремова. Их невозможно ни купить в магазине, ни взять в библиотеке...

...Товарищ мой опять посматривает на часы, и мы встаем. Теперь, когда вот-вот закроется за нами дверь в квартиру писателя, в памяти всплывают все новые и

новые вопросы, и все они представляются безмерно важными... Но мы уходим, унося с собой приятный и сильный голос, крупные черты лица и огромные голубые глаза этого человека, так интересно и глубоко размышляющего о загадках прошлого и проблемах будущего. Уходим, не зная, что первая встреча с ним окажется для нас и последней...

Подготовив это интервью для публикации в одном из номеров «Уральского следопыта», я отослал его текст Ивану Антоновичу для визирования, чтобы не дай бог не проскочила какая нелепость, не вкралась чуждая писателю мысль или неточное слово. Иван Антонович внес ряд мелких уточнений и утвердил текст, поставив рядом с подписью дату — 21 сентября 1972 года.

А через две недели писателя не стало... Узнав об этом из утренних газет, я решил ничего не менять в интервью. Не изменил и теперь... Оставил и ответ Ивана Антоновича на традиционный вопрос о творческих планах. Пусть лишь «Таис Афинская», вышедшая книгой уже посмертно, оказалась осуществленной из этих планов; да вот еще собрание сочинений...

Но ведь для читателей живы и сегодня, и еще долго будут жить ефремовские книги, а значит, жив и человек, эти книги создавший...

Вслед за Жюлем Верном

«Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки преобладают силу воображения...»

В связи с недавним юбилеем Жюль Верна (сто пятьдесят лет со дня рождения писателя исполнилось в феврале 1978 года) эти его слова знакомы, вероятно, многим. Что ж, выраженная в них позиция характерна прежде всего, конечно же, именно для великого французского фантаста. Писателя, по нынешним меркам крайне «осторожного», сознательно стремившегося писать о том, что нахо-

дится «на грани возможного» и практически осуществимо в самом иногда близком будущем. Это именно позиция, ведь существуют и другие высказывания Жюль Верна, вполне аналогичные приведенному. Вот что писал он, скажем, незадолго до выхода в свет романа «20 000 лье под водой» своему отцу: «...мне приходят в голову самые неправдоподобные вещи. Но на самом деле это не так. Все, что человек способен представить в своем воображении, другие сумеют претворить в жизнь».

Сходные мысли о воображении, о конечной судьбе фантастических гипотез высказывали (да и сейчас высказывают) и многие другие писатели-фантасты. Причем вовсе не только представители «школы Жюль Верна», сторонники сугубо научной (технологической, как ее теперь называют) фантастики!

Эти последние, безусловно, солидарны с Жюлем Верном.

«Можно с полным основанием предположить, что то, что будет фактически достигнуто... далеко превзойдет описанное в этой книге»,— писал, например, «отец» американской фантастики Хьюго Гернсбек о своем романе «Ральф 124С41+», действие в котором отнесено на семь с половиной столетий в будущее.

«Все, что теоретически возможно, обязательно будет осуществлено на практике, как бы ни были велики технические трудности»,— утверждает и знаменитый наш современник Артур Кларк, также тяготеющий в своем творчестве к традиции Жюль Верна.

При желании можно, очевидно, найти подобные мысли и в статьях А. Р. Беляева и В. А. Обручева, и, несомненно, в работах основоположника космонавтики К. Э. Циолковского; вероятны они и у И. А. Ефремова — фантаста, который и в попытках своих заглянуть на тысячелетия вперед опирался на глубокую и разностороннюю свою эрудированность большого ученого.

Но вот два высказывания, авторы которых, на наш взгляд, для многих любителей фантастики будут неожиданны.

«Я ограничиваю себя исключительно тем, что считаю возможным. Я не хватаюсь за любую смелую идею, какая мне придет в голову, и я не ищу сенсаций. Я рисую будущее таким, каким, насколько я могу судить, оно и будет. Я отлично сознаю слабость своего воображения и готов допустить, что могу ошибаться, изо-

бражая картины будущего, но утверждаю, что перемены, мною предсказанные,—ничто по сравнению с тем, что действительно произойдет в течение ближайших двух столетий».

Эти слова принадлежат... Герберту Уэллсу, которого по традиции мы и сейчас еще продолжаем считать «антиподом» французского «технологиста» Жюля Верна!

«Я не знаю, какие из моих догадок и предположений более правдоподобны. Среди них нет неуязвимых, и бег времени перечеркнет многие из них».

А это — Станислав Лем, любитель парадоксов, характернейший — в нашем восприятии — представитель современной фантастики, всецело отрешившейся, казалось бы, от «приземленной», технологии и не скованной вроде бы никакими научными «табу»!

Что ж, вывод тут может быть, пожалуй, один.

Рядясь в самые немыслимые свои — инозвездные, иногалактические — одежды, фантастика всех направлений тем не менее по-прежнему отнюдь не склонна отказываться от столь приятной ей роли провидца будущего, пророка грядущих перемен, проводника человечества в необозримых океанах пространства и времени.

Проблемы, проблемы...

Вместо послесловия

Да, фантастика наша давно уже не Золушка, она занимает ныне достойное место в общем литературном строю. Но это не означает, конечно, что все в сегодняшней советской фантастике гладко и безоблачно, все отлажено, отрегулировано и дело только за выдачей новой продукции, которая почему-то не столь обильна, как всем нам хотелось бы. Настораживает — не правда ли? — уже само это обстоятельство. Ведь лет пятнадцать — двадцать назад в стране издавалось ежегодно до шестидесяти книг фантастики. Сейчас их выходит едва ли не вдвое меньше... Странная метаморфоза приключилась со вчерашней Золушкой, именно в последние десятилетия утвердившей собственное гражданство в большой литературе! Что ж, вот вам и проблема № 1, волнующая не только любителей фантастики, но в еще большей степени и ее авторов...

Читатель ждет от фантастики (далеко не в последнюю очередь) картин грядущего мира, завесой времени скрытого от рядовых землян. «Расскажите нам о будущем!». Но попробуйте вспомнить хотя бы одну новинку последнего десятилетия, по масштабности, по широте охвата проблем грядущего сопоставимую с «Туманностью Андромеды» И. Ефремова! Ручаюсь: не вспомните, поскольку таких новинок попросту не было. Так что же, может быть, утопия, представляющая собою многосторонний обзор будущего, вообще изжила себя в наши дни, когда и специалисты-то в отчаянии хватаются за голову, оказавшись не в состоянии переварить безбрежный океан безмерно выросшего Знания? Может быть, фантастам осталось только прорисовывать штрихи, высвечивать интересные, но при всем том ча-

стные детали той глобальной картины, что щедрыми мазками создана в «Туманности Андромеды»? Вот вам еще одна проблема для раздумий о фантастике наших дней...

Кстати, а сами эти штрихи и детали? Конкретные, захватывающие дерзновенностью мысли идеи и ситуации, которым, если вдуматься, фантастика и обязана своей сегодняшней популярностью?

Запас оригинальных идей и ситуаций, создававшийся фантастами на протяжении столетия, по мнению некоторых литераторов, в наши дни близок к исчерпанию. Действительно, едва ли не каждая дееспособная идея предшественников многократно интерпретирована — или просто повторена — последователями. К слову сказать, мы не раз имели возможность убедиться в этом на страницах нашей книги...

Но разве не сходные трудности стояли перед предшественниками? Разве легко было Уэллсу придумывать машину времени — за десять лет до того, как Эйнштейн обнародовал теорию относительности? Или разглядеть возможность использования энергии атома?

Оригинальные фантастические идеи появляются, разумеется, и сегодня. И ни один фантаст, даже самый «чистый», даже яростно отрешивающийся во всеулышание от фантастики технологической, — не пройдет мимо такой свежей идеи. Но в целом — как не хватает еще нам, нашей фантастике той раскованности воображения, свободного полета фантазии, которые только и способны обеспечить произведению долгую жизнь, устойчивый интерес читателей!

Что ж, вот и еще одна проблема. Проблема раскованности воображения. Проблема вымысла в фантастике.

Впрочем, нерешенных проблем у фантастики хоть пруд пруди! Их у нее, пожалуй, больше, чем решенных...

«Бум» вокруг фантастики, резкий рост читательского внимания к ней рождены, несомненно, научно-технической революцией, в первую очередь вступлением человечества в космическую эру. В виде весьма успешно реализующихся — один за другим — проектов утвердилась в жизни фантастичнейшая, едва ли не самая дерзкая человеческая мечта — мечта о полетах к иным мирам. И фантастика, давний пропагандист этой мечты, расцвела!

Однако первый спутник разнес над миром свое «би-бип» еще в 1957 году, первый космонавт стал известен планете четыремья годами позже. Народилось и успело вырасти поколение, уже не мыслящее окружающего мира без спутников, без космонавтов, без полетов к ближним и дальним планетам, — и ничему этому, отметим, уже не удивляющееся.

Казалось бы, закончился скоротечный праздник торжества — и пора фантастике закрыть до лучших времен поистратившееся свое «патентное бюро» и вновь уйти в замарашки-золушки, освободив место более практичным своим сестрицам: оформившейся в особую науку прогностике, бурно преуспевающей литературе научно-популярной.

Но — вот парадокс! — хоть и куда сдержаннее относятся сегодня к фантастике наши издательства, ан нет: и не думает она отступать на задний план литературной сцены! Напротив. Крепнет, глубже уходит корнями в толщу не только науки, техники, истории, но и повседневной человеческой жизни.

Вспомним: в советской литературе фантастика возродилась после войны в облике непритязательных зарисовок завтрашнего дня науки и техники, — чаще техники, чем науки. Эти зарисовки могли обретать форму романа, в них могли появляться более или менее полнокровные характеры, — существо дела от того не менялось.

Но минули годы. Многие из того, о чем мечтали наши фантасты, вошло в повседневный быт советских людей. Кое-что оказалось несвоевременным либо вообще ненужным. И выяснилось: инженерные разработки завтрашнего дня—еще далеко не все, что читатель хотел бы узнать о будущем. Так наметился поворот, который мы отчетливо видим сегодня в творчестве наших фантастов. Взаимоотношения людей в будущем, жизнь общества, его социальный облик, его мораль, дальние цели, счастье человечества—вот что стало главным в нашей фантастике.

Не эта ли очеловеченность необыкновенного и является той самой струной, что находит отзвук в сердцах нынешних читателей?

Привыкнув уже не удивляться новшествам и диковинам, сплошь и рядом внедряемым в жизнь научно-технической революцией, мы зато никогда не перестанем удивляться вечному чуду, имя которому—Человек. И когда фантастика, которой по штату положен необычный взгляд на все явления, в новом свете являет нам человека,—мы как бы обновляем собственные представления о самих себе...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зовет страна Фантастики. Предисловие Сергея Абрамова	3
От автора	8
ТАМ — ЧУДЕСА...	
Бесконечные Гулливеры	14
Есть ли жизнь на Земле?	21
Удачливый предок Кейвора	25
По следам Филеаса Фогга	27
Проданный... аппетит	34
Космическая одиссея профессора Осипова	38
В царстве «разумных зарослей»	50
В Нью-Джерси приземлились марсиане...	55
Два рецепта невидимости	64
Фантасты на Северном полюсе	65
Капитан Немо в России	74
Обитаемая Луна	78
Нереализованный патент	95
Побывать на Луне!..	95
Солярис и... К°	97
Кто первым сказал слово «робот»?	104
Зов иных миров	105
Рисует автор...	111
В ПОИСКАХ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ	
Первый в России	114
Перед «грядущей борьбой»	125
...И выдумали самих себя!	131
Стоило ли «писать марсианский роман»?	149
Биоробот Ксаверий	151
Фантастика на Урале: взглядимся в истоки	152
«На колею иную...»	170
...И снова поиск	173
До Барнарда был... Доуэль	182
Придумана Платоном?	195
«Жить же нам на Земле...»	199
Вслед за Жюлем Верном	216
Проблемы, проблемы... Вместо послесловия	219

Бугров В. И.
Б90 В поисках завтрашнего дня. О фантастике всерьез и с улыбкой. Очерки и этюды. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.—224 с. с ил.

В эту первую книгу свердловского критика наряду с очерками вошли этюды и литературоведческие заметки из истории зарубежной и отечественной фантастики.

Б 70202—089
М158(03)—81

809

ИБ № 920

**Виталий Иванович
Бугров**

**В поисках
завтрашнего дня**

**Редактор М. П. Немченко
Художник Е. И. Стерлигова
Художественный редактор А. В. Вохмин
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры Г. Г. Быкова, А. Г. Богородская**

**Сдано в набор 24.10.80. Подписано в печать 15.04.81. НС 12081.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Типографская № 2. Журнальная
рубленая гарнитура. Высокая печать. Ус. печ. л. 9,8. Уч-изд.
л. 10,2. Тираж 50 000. Заказ 560. Цена 45 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219. Свердловск
ГСП-351. Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабо-
чий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.**

45 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981